

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра общего языкознания и русского языка

LINGUISTICA JUVENIS

Выпуск 12

Семантика языковых единиц в речевой деятельности

Сборник научных трудов молодых ученых

Екатеринбург 2010

УДК 482
ББК Ш I

Редакционная коллегия:

Б.М. Игошев, ректор УрГПУ, проф.; **Т.А. Гридина**, доктор филол. наук, проф. (ответственный редактор); **Н.И. Коновалова**, доктор филол. наук, проф.; **Т.В. Гоголина**, канд. филол. наук, доц. (ответственный за выпуск); **Е.Н. Иванова**, канд. филол. наук.

Рецензенты:

О.Б. Акимов, доктор филол. наук, проф. (Российский государственный профессионально-педагогический университет); **М.Э. Рут**, доктор филол. наук, проф. (Уральский государственный университет им. А.М. Горького).

LINGUISTICA JUVENIS. Сборник научных трудов молодых ученых. Выпуск 12. – Екатеринбург, 2010. – 157 с.

ISSN 2309-5768

В сборнике представлены научные статьи аспирантов и студентов по вопросам антропологической лингвистики: рассматриваются проблемы лингвокультурологии, дискурсивной деятельности говорящих, семантики и прагматики слова и текста, а также лингвометодические аспекты анализа языковых единиц.

Сборник представляет интерес для специалистов-филологов, аспирантов и студентов, а также для всех, кто интересуется проблемами современной лингвистики.

ISSN 2309-5768

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2010
© LINGUISTICA JUVENIS, 2010

**Е.С. Ампилогова
Екатеринбург**

**Семантический потенциал лексики со значением
«сон»/«спать» в рассказе Виктора Пелевина «СПИ»**

Ключевые слова: идиостиль, художественный текст, онейросфера.

Анализ любого литературного произведения нельзя считать полным без рассмотрения лексического уровня текста. Имеется в виду не стилистическая направленность произведения, вытекающая из использования лексики определенного формата.

Прежде всего, мы говорим о предельной концептуальной значимости некоторых лексем, индивидуальных для каждого конкретного текста. В частности, мы проследим функции лексем «сон», «спать» и производных в рассказе Виктора Пелевина «СПИ» и попытаемся выявить уровень их семантического потенциала в создании художественного пространства произведения.

Перед тем, как приступить к непосредственному анализу, охарактеризуем ключевые особенности творчества писателя, без которых сложно будет понять хронотоп, а значит и проследить способы его создания с помощью лексики.

В этом плане стоит привести слова А. Гениса, который называл прозу Пелевина «прозой границ» [Генис 1991: 83]. Он пишет: «Пелевин – поэт, философ и бытописатель пограничной зоны. Он обживает стыки между реальностями. В месте их встречи возникают яркие художественные эффекты – одна картина мира, накладываясь на другую, создает третью, отличную от первых двух» [Фрумкин]. Исследуя прозу Пелевина, мы не можем не согласиться с этим высказыванием, ведь писатель действительно смешивает временные и пространственные рамки, соединяя хорошо узнаваемый бытовой во всех смыслах мир и сон, смерть, иные измерения и др.

В рассматриваемом рассказе речь пойдет об ойнерической (иными словами, сновидческой) реальности. В данном случае сон – это один из способов создания многомерности художественного пространства.

Глубокое понимание кризиса, беспричинности бытия, по-

пытка осознать вводимый в обыденную реальность симулякр (под симулякром – ключевое понятие философии постмодернизма – принято понимать обобщение явлений и процессов, связанных с имитацией, подменой вещи чем-то другим, похожим на нее, ее аналогом, подделкой, копией, бутафорией, притом выдаваемых за саму эту вещь, за оригинал), а также тот факт, что именно на основе снов Пелевин выстраивает сюжет многих произведений (в частности, и интересующий нас рассказ «СПИ»), повлиял на выбор именно названного рассказа объектом нашего исследования. Именно «СПИ» может по праву считаться одним из традиционных примеров воплощения авторской концепции посредством моделирования хронотопа, состоящего в синтезе реальности сна и ирреальности действительности.

Прежде всего, обозначим место рассказа «СПИ» в творчестве Виктора Пелевина. Данное произведение является частью сборника «Синий фонарь», вышедшего в 1991 году, где напечатаны и другие рассказы, такие как «Жизнь и приключения сарая Номер XII», «Затворник и Шестипалый», «Девятый сон Веры Павловны» и другие (всего 21 рассказ). «СПИ» является лучшим воплощением игры писателя со сновидением и реальностью. Именно в нем он блестяще создает онейросферу, помещает туда своих героев и с присущей ему нестандартностью разворачивает сюжет. «Именно на ойнерической основе выстраивается поэтика автора», – пишет Н.А. Нагорная, занимающаяся исследованием сновидений и реальности в творчестве Виктора Пелевина [Нагорная 2003: 47].

Нельзя не отметить следующий момент. Тот вариант реальности, который наравне с реальностью обыденной положен в основу произведения, концептуально важен для понимания всего текста. Именно на его фундаменте выстраивается целый мир, целый каскад причудливых форм, текст с богатейшей интертекстуальностью, который изобилует смыслами и отличается многогранностью толкования. Добавим также, что почти все творчество В. Пелевина, жанр произведений которого трудно определить (миф, сказка, фантастика, антиутопия, философская проза и т.д.) строится на вывернутом наизнанку противопоставлении, где утверждаются истинность условного и ложность реального. Фантастика В. Пелевина оказывается калькой беспричин-

ного мира, в котором вместо реальности одни мнимости. Это и есть та симулякризация, о которой уже говорилось выше.

Теперь, когда становится ясным обращение автора именно к сновидческой реальности, мы можем говорить о способах создания названных выше модификаций хронотопа. Опуская чисто литературные способы, обратимся в лингвистическим.

Создать более полную картину моделируемого мира и ввести в него читателя Пелевин добивается, активно играя с лексикой. Мы неоднократно встречаем всю лексико-семантическую парадигму слова *спать* в различных модификациях и формах. Однако просто указать на этот факт будет недостаточно. Анализ частотности употребления слов, их смысловой наполненности помогут понять идею произведения и станут ориентирами некоторых аспектов анализа. Метод полной выборки дал следующие результаты.

Мы разбили текст на три части, согласно логике развития действия. Первая – погружение главного героя в сновидческую реальность, ее освоение. Здесь слова рассматриваемой парадигмы наиболее частотны, это обусловлено тем, что Пелевин именно в этой части моделирует художественное пространство и вводит нас в онейросферу.

Так, слово *сон* употреблено 9 раз, *спать* – 5, его форма *спящий* – 2 раза, *засыпать* – 7, а видовые пары *не просыпаться/не проснуться* – 4, *просыпаться/проснуться* – 4, *сниться* – 3 раза. Мы можем заметить тенденцию к увеличению слов со значением *погружаться в сон* – общее количество таких слов со значением *пробуждаться* несоизмеримо мало.

Кроме того, эту часть характеризует и разнообразие слов и конструкций. Например, сосед Максимка *досыпал свой век* – калька с *доживать свой век*. Благодаря изменению устойчивой конструкции автором подчеркивается масштабность погружения героя (который на самом деле является типом, выражением авторской идеи, а не индивидуальностью) в мир ирреального.

Во второй части, где главный герой Никита пытается понять «почему мы все спим» и выяснить, что снится всем окружающим, количество слов *сон* и всех его модификаций значительно уменьшается. Скорее всего, это объясняется тем, что теперь пространство рассказа является полностью сном, где функцио-

нируют другие сны, возрастает сюжетообразующая функция онейросферы и потребность активно использовать лексику отпадает, но тем не менее мы насчитали 13 таких слов, и отметили отсутствие противопоставления *просыпаться/проснуться*, что тоже немаловажно.

В третьей, условно выделенной нами, части, когда Никита встречается с дружинниками и затем предстает перед нами уже взрослым (отметим, что переход этот не акцентируется у Пелевина) слова рассматриваемой лексико-семантической парадигмы не встречаются вовсе. В чем причина этого? Можно расценивать это так: герой настолько погружен в мир сновидений, что перестал это осознавать. Разница между двумя мирами нивелируется, и мы говорим уже об обыденной реальности, вполне освоенной героем, хотя на самом деле проснется герой только в финале рассказа, когда окончательно потеряет себя.

В целом же можно сделать вывод об исключительной значимости лексического состава рассказа. Уровень семантического потенциала с лексическим значением *спать* в создании художественного пространства произведения действительно очень высок.

Активная работа автора с названными выше словами помогает не только создать хронотоп многомерной реальности, что предельно значимо в контексте рассказа, но также позволяет проследить диалектику отношений героя с этим миром.

Именно анализ определенной группы слов, ситуативно запрограммированных в художественном мире произведения, как уже было сказано в начале, дает возможность выйти на глубинные уровни понимания литературного произведения.

Литература

Генис А. Иван Петрович умер. Статьи и исследования. – М., 1991.

Нагорная Н.А. Сновидения и реальность в постмодернисткой прозе Пелевина // Филологические науки.-2003. – № 2.

Фрумкин Н. Эпоха Пелевина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-frum/1.html>

© Ампилогова Е.С., 2010

А.А. Андреева, Е.Н. Иванова
Екатеринбург

**Специфика морфологической нормы во второй половине
XVIII века (на материале писем Прокофия Демидова)**

Ключевые слова: история русского литературного языка, деловая письменность XVIII века, морфологические предпочтения личности.

XVIII век – эпоха Петровских преобразований, которые коснулись всех сфер жизни России. Кроме того, данный период времени характеризуется активными процессами формирования норм русского литературного языка нового типа.

«Деловая письменность XVIII века развивалась в соответствии с требованиями эпохи становления русского национального языка, определяясь как система текстов специфического содержания и строго определенного оформления» [Глухих 2004: 65]. Это предполагало использование четких грамматических форм, однако на протяжении всего XVIII века морфологическая норма только складывалась, и этот сложный процесс отразился в памятниках письменности этого периода.

Вторая половина XVIII века в России ознаменовалась изданием в 1755 г. «Российской грамматики» М.В. Ломоносова (1711–1765). Это событие стало особенным как для ученых-языковедов, так и для носителей русского языка, поскольку кодификация норм предоставляет возможность пишущему или говорящему опираться на них в устной и письменной практике. Таким образом, грамматика становится авторитетным источником в обучении русскому языку и в его использовании.

Следует отметить, что «в подаче языковых фактов отмечается попытка М.В. Ломоносова приложить к грамматике русского языка XVIII в. свою теорию «трех штилей», которая подразумевает существование высокого, среднего, низкого стилей в языке и речи, а также распределение всех языковых средств по ним. Например, окончание *-у (-ю)* в родительном падеже единственного числа он рекомендовал для употребления в низком «штиле» (формы типа *сахару, чаю* и под.)» [Иванова, Рут 2010: 401].

Возможно предположить, что грамматика М.В. Ломоносова в той или иной степени повлияла и на писцов, и даже на самого Прокофия Акинфиевича Демидова (1710–1786) при составлении и оформлении текстов. Хотя оба действующих лица – и автор, и исполнитель – в то же время являлись носителями предшествующей письменной традиции, основанной на славянской книжности.

Цель данной статьи – анализ падежно-числовых форм имени существительного в письмах П.А. Демидова в ортологическом аспекте.

Материалом исследования послужили рукописные тексты документов второй половины XVIII века – письма и распоряжения П.А. Демидова (121 письмо). Эти тексты написаны (оформлены) писцами, П.А. Демидов диктовал их, а потом собственноручно заверял. Жанровая природа писем неоднородна: можно говорить о двух типах документов. Первый тип – деловые, официальные, обращенные к вышестоящим адресатам. Второй тип – неофициальные, частные письма к детям, другим родственникам, близким людям. Второй тип документов преобладает. Хронологические рамки комплекса писем определяются следующим образом: первое письмо датировано 29 ноября 1735 года, последнее – 5 марта 1786 года. Большинство писем относится ко второй половине XVIII века (115 писем, или 95%).

В статье материал рассматривается с точки зрения отражения в текстах морфологической нормы второй половины XVIII века, иными словами, после выхода в свет грамматики М.В. Ломоносова.

В ходе анализа языкового материала проводилось сопоставление падежно-числовых форм имени существительного, зафиксированных в текстах П.А. Демидова, во-первых, с соответствующими формами, указанными в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова, и во-вторых, с современными формами.

В письмах П.А. Демидова выявляются следующие падежно-числовые формы имен существительных, которые группируются в систему типов склонений. Представим парадигму склонения имени существительного, основываясь на данных текстов.

В единственном числе:

В формах **род.** падежа мужского рода отмечаются варианты окончаний: *а/я* (из склонения с основами на *о, *јо) *указа, дня, и у/ю* (из склонения с основами на *и) *указу, было углю 93 короба.*

В процентном соотношении варьирование выглядит следующим образом: *а/я* – 72%, *у/ю* – 28%.

Продemonстрируем динамику этого аспекта морфологической нормы, сравнив с данными писем первой половины XVIII века, автором которых был Акинфий Демидов (отец П.А.Демидова): «окончание *а/я* – 45%, *у/ю* – 55%» [Иванова 2008: 11]. При сопоставлении с текстами первой половины XVIII века очевидна тенденция к ограничению употребления окончания *-у/-ю* и расширению использования окончания *-а/-я*.

В формах **род.** падежа среднего рода у существительных встречаются следующие виды окончаний: *а/я* (из склонения с основами на *о, *јо) *железа, благополучия*, и *и* (из склонения с основами на *і) *времени*.

В формах **вин.** падежа у существительных женского рода отмечаются следующие типы окончаний: *у/ю* (из склонения с основами на *а, *ја) *имея нужду*, и *ь* (из склонения с основами на *і) *досталось на часть*.

В формах **твор.** падежа женского рода отмечаются следующие варианты окончаний: *ой/ей* (с редукцией конечного гласного) *веревочкой, тещей*, и *ою/ею* (без редукции конечного гласного (из склонения с основами на *а, *ја)) *литерою, дачею*. В процентном соотношении варьирование выглядит следующим образом: окончание *ой/ей* – 5%, *ою/ею* – 95%.

Обратившись к письмам А. Демидова, отметим, что процентное соотношение вариантов этих окончаний составляет: «*ой/ей* – 1,5-2%, *ою/ею* – 98%» [Иванова 2008: 11]. Данное сравнение показывает крайне незначительное изменение в соотношении вариантов окончаний. Кроме того, окончание *ою/ею* в истории русского литературного языка XIX века было воспринято как черта поэтического возвышенного слога.

В формах **предл.** падежа мужского рода у существительных встречаются следующие типы окончаний: *е* (из склонения с основами на *о, *јо) *в указе*, и *у* (из склонения с основами на *у) *в году*.

Для форм **предл.** падежа существительных женского рода характерны следующие типы окончаний: *е* (из склонения с основами на *а, *ја (твёрдого варианта)) *в Сибире* и *и* (из склонения с основами на *і) *в части*.

Во множественном числе:

В формах **им.** падежа у существительных мужского рода отмечаются следующие виды окончаний: **ы/и** (из склонения с основами на *о, *јо) *заводы, мужики*, и **а/я** (из склонения с основами на *о, *јо (среднего рода)) *братья, господа*.

В формах **им.** падежа существительных среднего рода отмечаются варианты окончаний: **и** (из склонения с основами на *о, *јо (мужского рода)) *взыскании*, и **а/я** (из склонения с основами на согласный) *письма, учреждения*.

Для форм **род.** падежа существительных мужского рода характерны следующие типы окончаний: **ов/ев** (из склонения с основами на *ц) *заводов, рублей; нулевое* (иногда графически **ь**) (из склонения с основами на *о, *ој) *пудь, господь; ей* (из склонения с основами на *і) *дней, детей*.

В формах **род.** падежа существительных женского рода отмечаются следующие виды окончаний: **нулевое** (иногда графически **ь**) (из склонения с основами на *а, *ја) *служеб□, душь*, и **ей** (из склонения с основами на *і); **ов/ев** (из склонения с основами на *ц (мужского рода)) *описей. площадев, нуждов, колбасов*.

В формах **род.** падежа существительных среднего рода отмечаются варианты окончаний: **ей** (из склонения с основами на *і) *строений*, и **нулевое** (из склонения с основами на *о, *јо) *чисел□; ев* (из склонения с основами на *ц (мужского рода)) *течениев*.

Специального комментария заслуживают случаи «универсального» использования в текстах окончания **ов/ев** в формах **род.** падежа для существительных всех трех родов. Этот процесс «сохраняется в современных диалектах и просторечии, но нормами современного литературного языка его употребление не допускается для существительных среднего и женского рода (*нужд, течений, площадей*), и ограничено для существительных мужского рода мягкой разновидности (*рублей*)» [Иванова, Рут 2010: 408].

В формах **дат.** падежа мужского рода у существительных отмечаются следующие типы окончаний: **ом/ем** (из склонения с основами на *о, *јо) *заводом, людям; ам/ям* (из склонения с основами на *а, *ја) *заводам, короблямь*.

Для форм **вин.** падежа существительных мужского рода характерны следующие типы окончаний: **ы/и** (из склонения с основами

на *о, *јо) *на свои заводы, не выдать вексели; ей* (из склонения с основами на *і) *взять служителей, просил государей*.

В формах **вин.** падежа существительных среднего рода отмечаются следующие варианты окончаний: *а/я* (из склонения с основами на *о, *јо) *счисляли места, отдавал ружья* и *и* (из склонения с основами на *і (мужского рода)) *налагать требований*.

В формах **твор.** падежа существительных женского рода отмечаются следующие варианты окончаний: *ы* (из склонения с основами на *о, *јо (мужского рода)) *со птицы; ами/ями* (из склонения с основами на *а, *ја) *пробами, землями; ьми* (из склонения с основами на *і) *дальностями*.

В формах **предл.** падежа существительных мужского рода отмечаются следующие варианты окончаний: *ах/ях* (из склонения с основами на *а, *ја) *в годах, о рублях; ох/ех* (из склонения с основами на *о, *јо) *в годех, в городех* в процентном соотношении: *ах/ях* – 93%, *ох/ех* – 7%.

В письмах Акинфия Демидова процентное соотношение этих окончаний составляет: «*ах/ях* – 58%, *ох/ех* – 42%» [Иванова 2008: 11]. Сопоставив данные по двум источникам, отмечаем значительное увеличение частотности окончания *ах/ях*.

В формах **предл.** падежа существительных среднего рода отмечаются следующие окончания: *ах/ях* (из склонения с основами на *а, *ја) *в местах, в угодьях; ех* (из склонения с основами на *о, *јо) *в числах*.

М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» выделяет четыре склонения имен существительных. «Склонений в российском языке пять, четыре существительных и одно прилагательных. Имена первого склонения на *а* и *я* суть рода мужеского и женского. Второе склонение заключает в себе имена мужеского рода, кончающиеся на *ъ*, *й* и *ь*, и среднего, кончающиеся на *е*, *ие* и *ю*. Третье склонение составляют имена среднего рода, кончающиеся на *я*. Четвертое склонение состоит из имен женского рода, кончающихся на *ь*» [Ломоносов 1952: 146].

В письмах П.А. Демидова встречаются некоторые архаические окончания, которых нет в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова, например: *со птицы* (**твор.** падеж мн. числа ж.р.). Также М.В. Ломоносов разводит варианты высокого и низкого стилей (сущ. род. падежа ед.ч. м.р. на *-а/-я* относятся в высокому стилю,

на -у/-ю – к низкому; сущ. пред. падежа ед.ч. м.р. на -е относятся к высокому стилю, на -у – к низкому). В письмах П.А. Демидова подобных стилистических различий не наблюдается.

Кроме того, в письмах П.А. Демидова представлен ряд форм, в употреблении которых наметилась тенденция, усилившая в истории русского литературного языка (XIX, XX и XXI вв.). В формах **им.** и **дат.** ед. числа падежей существительных всех трех родов, а также в формах **род.** падежа ед. числа существительных женского рода, в формах **вин.** падежа ед. числа существительных мужского и среднего рода, в формах **твор.** падежа ед. числа существительных мужского и среднего родов и формах **предл.** падежа ед. числа существительных среднего рода варьирование окончаний сводится к варьированию твердой и мягкой разновидности склонения, и это варьирование аналогично современному. В формах **твор.** падежа мн. числа существительных мужского рода, а также в формах **им.**, **дат.**, **вин.** и **пред.** падежей мн. числа существительных женского рода и в формах **дат.** и **твор.** падежей мн. числа существительных среднего рода варьирование окончаний сводится к варьированию твердой и мягкой разновидностей, и это варьирование также близко современному.

В ходе проведенного сопоставительного анализа морфологических признаков имени существительного выявлены следующие тенденции оформления морфологической нормы во второй половине XVIII века:

1) имена существительные распределяются по трем продуктивным типам склонения (*вода / земля* – I; *завод / камень, число / имение* – II; *дальность* – III);

2) в склонении имен существительных присутствуют архаические формы, которые не отражены в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова:

- окончания -ом/-ем в **дат.** падеже мн.ч. м.р. (*людем*);
- окончания -ы в **твор.** падеже мн.ч. ж.р. (*со птицы*);
- окончания -ох/-ех в **предл.** падеже мн.ч. м.р. (*в домех*);
- окончания -ех в **предл.** падеже мн.ч. ср.р. (*в числех*);

3) наблюдается тенденция к уменьшению доли окончаний менее продуктивных типов склонения в следующих падежных формах имен существительных:

- в **род.** падеже ед.ч. м.р. (-у/-ю с 55% до 28%);

- в **твор.** падеже ед.ч. ж.р. (-ою/-ею с 98% до 95%);
- в **предл.** падеже мн.ч. м.р. (-ох/-ех с 42% до 7%).

Письма П.А. Демидова в целом отвечают тенденции XVIII века с точки зрения установления и отражения морфологической нормы. Писцы следуют рекомендациям «Российской грамматики» в использовании трех продуктивных склонений имен существительных. Однако доля архаизмов в письмах достаточно велика, т.к. писцы еще опирались не столько на знание современных им морфологических закономерностей, сколько руководствовались более архаичными традиционными представлениями об особенностях морфологической нормы, сложившейся к XVII веку, например, язык Московских приказов, составлявших основу деловой письменности и в XVIII веке.

Литература

Глухих Н.В. Деловой эпистолярный XVIII века: жанры коммуникации и текстообразующие единицы // Деловой язык XVIII века по архивным данным городов Челябинска, Кургана, Тобольска: сб. статей / Гл. ред. Л. А. Глинкина. – Челябинск, 2004.

Живов В.М. Язык и культура России XVIII века. – М., 1996.

Иванова Е.Н. Языковая личность в условиях формирования норм русского литературного языка (первая половина XVIII века). – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008.

Иванова Е.Н., Рут М.Э. Письма П.А. Демидова как памятник русского языка второй половины XVIII века // Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735 – 1786. – Екатеринбург, 2010. – С. 401 – 417.

Ломоносов М.В. Российская грамматика [1755] // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. – Т. 7: Труды по филологии. – М.; Л., 1952.

© Андреева А.А., 2010

© Иванова Е.Н., 2010

**О.Н. Анциферова
Екатеринбург**

**Из наблюдений над орфографией «Журнала путешествия
Н.А. Демидова»**

Ключевые слова: история русского литературного языка, морфологический принцип орфографии, фонетические написания, вариативные написания.

Единообразное грамотное письмо давно стало признаком культуры и образованности человека. Л.В. Щерба утверждал, что умение писать грамотно «социально совершенно необходимо и вытекает из очень простых вещей: это, так сказать, мысль о других, потому что безграмотное писание читать трудно, точно едешь в таратайке по мерзлой дороге» [Щерба 1975: 49]. Но путь к орфографическому единообразию долог и непрост. Реформа русской графики, осуществленная Петром I в 1708–1710 гг., привела к осознанию того, что гражданская орфография должна стать «новой», отличной от «старинной». Разгорелись споры о том, какова должна быть принципиальная основа «новой» орфографии. В.К. Тредиаковский предлагал писать «по звонам», то есть в соответствии с фонетикой живого московского разговорного языка [Тредиаковский 1948: 85], М.В. Ломоносов – «по кореню», то есть в соответствии с морфологическим принципом, хотя и высказывал пожелание, чтобы правописание «не удалялось от чистого выговору» [Ломоносов 1952: 429]. Поскольку книжная традиция в основе своей была морфологической, сторонники фонетического письма явно проигрывали спор. Кроме того, в первой половине XVIII в. русская культура испытывала значительное влияние со стороны немецкой, поэтому требования М.В. Ломоносова к русскому правописанию, изложенные в «Российской грамматике», явно перекликаются с принципом урегулирования немецкой орфографии, сформулированным И. Фрейером в 1722 году: согласовывать письмо «с выговором» (произношением), но помнить об этимологии слова, проводить аналогию, сохранять в определенных случаях традицию [Осипов 1992: 139].

Важность морфологического принципа вслед за М.В. Ломоносовым обосновывают и другие русские ученые. Это работы В.П. Светова [1773] и А.А. Барсова [1802].

Ценным материалом для наблюдений за тем, насколько «живые» написания совпадали с теоретическими рассуждениями о принципах орфографии, служит памятник русской мемуарной литературы XVIII в. – «Журнал путешествия Н.А. Демидова» [Журнал... 1786] (далее – Журнал). Кто вел записи – сам Никита Акинфиевич или его секретарь – сказать трудно (можно говорить только о стилистической неоднородности текста и умышленном избегании местоимения я), однако очевидно, что автор – человек образованный, стремящийся к грамотному изложению впечатлений от увиденного. «Погрешности» (т. е. опечатки), перечисленные в конце книги, – свидетельство внимательного отношения к слову, стремления придерживаться определенных орфографических норм.

Изучение текста Журнала с точки зрения его орфографического оформления доказывает, что морфологический принцип, определяемый М.В. Ломоносовым как ведущий, в письменной речи автора представлен как основной. Так, в пользу закрепления морфологического принципа как ведущего говорит написание приставок на -з. В большинстве случаев они подаются единообразно: *безподобный, безпокойный, изходятъ, исчезаютъ, неизчерпаемый, низпадающій, разстались, разстояніе* и др. Лишь в трех случаях отмечаются фонетические написания: *беспримѣрный, росписавишись, росписанную*.

Согласно морфологическому принципу написаны слова *отыскали* (и на *ы* в корне не изменено), *ростет* (*ростет терновникъ*), которое пишущий соотносит со словом *рост*.

Не отражен на письме переход [э] в [о] после шипящих (*получая мешечекъ, съѣланную въ вершекъ, ткань парчевая, съ парчевыхъ кафтановъ*), однако после *ц* в суффиксах и окончаниях находим *о* (*танцованіе, одноземцовъ, живописцовъ, красавцовъ, мѣсяцовъ, принцовъ, пѣшиходцовъ, съѣлана Афинцомъ, померанцовыми деревьями*), т. е. автор стремится к единообразному написанию морфем.

Фонетические написания носят несистемный характер, отражая неясное произношение звуков в слабой позиции. Так про-

цесс редукции гласных отразился в написаниях: *раждається* (рождается), *записачки* (записочки), *купала* (купола), *заваеваній* (завоеваний), *видима* (видимо), *закупаривъ* (закупорив), *Сабакинъ* (Собакин), *ординомъ* (орденом) и др. (всего 10 случаев). Примечательно, что в большинстве случаев это непроверяемые гласные.

Процесс ассимиляции согласных по звонкости/глухости зафиксирован в написаниях *книшка* (книжка), *крушка* (кружка), *уска* (узка), *пудинкъ* (пудинг), *прозьба* (просьба), *зборы* (сборы) и др. (всего 19 случаев). Характерно наличие гиперкорректного написания *шлюбка* (шлюпка).

Упрощение групп согласных отражено в написаниях *шеснацать* (шестнадцать), *лѣсница* (лестница), *фламанской школы* (фламандской школы), *королеский замокъ* (королевский замок); процесс слияния согласных – в словах *цитається* (считается), *пещанья* (песчаные), *нещастно* (несчастно), *разнощиков* (разносчиков), *муцины* (мужчины), *дорожатая* (дорожчатая), *рѣщикъ* (резчик).

Характерное для московского произношения [шн] вместо [чн] отражено в словах: *картошная* (карточная) *игра*, *прянишние* (пряничные) *орѣхи*, *с яишнымъ* (яичным) *бѣлкомъ*, *изъ пробощаго* (пробочного) *лѣсу*. Ср. орфографию слов *галстушный*, *колпаиный*, *копееиный*, *лавоишник*, *муиной*, *платоиный*, *табаиный*, *фабрииный*, *чесноиный*, *шляпоиный*, *яблоиный* и др. в Словаре Академии Российской (1789–1794).

Мягкость согласного в середине слова в XVIII в. часто не обозначалась, например, Словарь Академии Российской фиксирует в одной словарной статье написания *деньга* и *денги* [Словарь Академии Российской 1789-1794: 2, 588]. В исследуемом нами источнике мягкость [л] в середине слова обозначена в лексемах *пальмовые*, *мальчики*, *скульпторъ*, но не обозначена в слове *бульваръ*. Два варианта написания – *скульптура* (3 фиксации) и *скульптура* (1 фиксация) – имеет слово, заимствованное в XVII в. Мягкость согласного [р'] в середине слова отражена в написаниях: *верьхъ*, *наверьху*, *верьховую*, *сверьху*, *поверхность*, *сперьва*, *первьый*, *сумерьки*, *черьви*, *янтарьные* (это также отражение особенности московского произношения [Грот 1899:

726]). Слово *церковь* в тексте имеет два варианта написания: *церъковь* (26 фиксаций) и *церковь* (2 фиксации).

В соответствии с произношением после *ц* пишется *ы* в словах: *медицина*, *полуцыркуль*, *цыфра*. Другие иноязычные слова пишутся с *и* после *ц*: *цитадель*, *резиденция*, *Данциг*, *фортификация* и др. (всего 40 фиксаций).

Фонетическим является написание слова *скрыпка*. Я.К. Грот пишет, что звук *ы* «по закону уподобления слышится иногда в коренных слогах вместо *и*», приводя в пример: *скрыпка*, *скрыпеть*, подчеркивая, что «однако ж писать их принято с гласной *и*» [Грот 1899: 745].

Частотны фонетические написания окончаний род. п. ед. ч. м. и ср. р. прилагательных и местоимений: *съестнова* (съестного), *говяжьева* (говяжьего), *сырова* (сырого), *другова* (другого).

Данью книжной традиции является написание *ъ* после твердых и *ь* после мягких согласных на конце слова (*въ семь саду*, *противъ палатъ окружныхъ*; *Михайло Савичъ*, *восковыхъ свѣчь*, *170 тысячъ* и др.). После отвердевших шипящих по традиции пишется *ь*, но возможны и случаи с *ъ* (*лишь*, *сплошь*, *нашь*, *чашъ*), а написания его после мягкого *щ* (*Римскихъ позорищъ*, *много сокровищъ*), очевидно, свидетельствуют о смешении *ъ* и *ь* в конце слова.

Вариативным представлено написание предлога «близ»: *близъ сего мѣста*, *близъ воротъ* и *близъ превысокихъ горъ*, *близъ воротъ святаго Фомы*. Установленное в дальнейшем Я.К. Гротом разграничение написания предлога *близъ* и наречия *близь* [Грот 1899: 744] пока не действует.

В качестве разделительного знака в середине слова используются *ъ* и *ь*: *обезъянныя* и *собачьи представленія*.

Двойные согласные – явление, к которому автор относится невнимательно. Варьируют написания: *рускіе* и *русскіе*, *искуство* и *искусство*, *пароскій* (мраморъ), *серебряные*, *серебрёные* и *серебрённые*. Ср. также: *берестенные* (свитки), *стеклянные* (заводы). В написаниях отглагольных адъективных слов предпочтение отдается двойным написаниям: изъ *тесанного* камня строенія, вазы украшены *золоченною* мѣдью, украшены мѣдною *золоченною* работою, украшена *позолоченною* бронзовою работою.

Для сложных числительных варьируют слитные и отдельные написания: *пять сотъ, шесть сотъ, изъ затрехсотъ, двухъ сотнаго совѣта, седемьмагонадесять числа*. По-разному написаны количественные числительные, называющие числа второго десятка: *одиннатцать, двенатцать, четырнатцать, семнатцать, осьмнатцать, дватцать* (отражен процесс оглушения согласного, что, на первый взгляд, говорит в пользу фонетического принципа) и *пятнадцать, двенадцать, двадцать* (осознается связь между *дцать* и *десять*, что говорит в пользу морфологического принципа).

В исследуемом источнике отмечаем отдельное написание *не* с глаголами: *не думаетъ, не заметили* и др. Как единичная фиксация отмечено слово *неповинуется*. Отдельно написаны предикативные слова с модальным значением: *сего дня не можно ехать, не лъзя желать лучше*. Вариативно написание деепричастий: *не наклоня своей головы клалъ на землю, недоходя около 30 сажень остановились, не мѣшая притомъ нимало; не могли защититься, немогиши удержаться*. Не осознается разница между деепричастием и производным предлогом: *привозятъ съ изобиліемъ дровъ, не смотря на то, что по близости довольно оныхъ; остановлены были для осмотра, не взирая на то, что наши сундуки были пломбированы*.

Имена существительные с *не* лишены единообразного написания: за *не имѣніемъ* времени (4 фиксации), по причине *не удобности* – и *служить въ его небытность; неоставленіе къ себѣ; вѣнокъ, означающій ихъ непорочность*.

В написании прилагательных также встречаются как отдельные, так и слитные написания: *производится не малая торговля; получили не большой бюро; церковь не огромна; Женева не велика* и др. – и *немалое сдѣлалъ ей вспоможеніе; видѣли откопанной небольшой храмъ; купили птичекъ, неразлучными называемыхъ* и др. При этом количество отдельных написаний превышает количество слитных, а краткие формы прилагательных написаны только отдельно (видимо, пишущий осознает их предикативную функцию в предложении и соотносит их написание с написанием глаголов).

Причастия также имеют вариативные написания с *не*: *люди, немогуществующие* подагрою; *на немощенных* камнем уличах – и *не покидает их не запертыми* для предосторожности.

Наречия с *не* почти все написаны раздельно: *не далеке от рѣки, не рѣдко* их навещали, *не много* поменьше слона, *не задолго передъ тѣмъ*, плакать *не утѣшно*, помогать *не мало, не далеко* переѣхали и др.

Автор осознает различие между частицами *не* и *ни*: *ни мало не медля, ни куда не ѣздили, ни кому не малаго вреда не причинивъ* и др. Однако различие между *ни* приставкой и *ни* частицей еще не установилось: *краски нимало не потеряли* виду; *не отставая отъ насъ ни мало; ни гдѣ* не видель; *ни чемъ* не привязанную; *ни чего* не было; *у кого бы то нибыло*.

Раздельное написание наречий, образованных от предложных форм существительных, прилагательных, числительных, местоимений, весьма частотно: *съ лишкомъ* продолжается долго, *на вѣрное* полагается, *по близости* дома находятся, *на силу* могли взѣхать, *по всюду* видны трещины, *отъ чего* разодрали башмаки, *на мѣстѣ на противъ, по долгу* ѣздили, *въ четверо* болѣе бываетъ и др. Есть и слитные написания: *напослѣдокъ, назавтре, заполдень*. По два варианта имеют следующие написания: *въ вечеру* (8 фиксаций) – *ввечеру* (2 фиксаций), *по утру* (13 фиксаций) – *поутру* (4 фиксаций), *на канунѣ* (1 фиксация) – *наканунѣ* (1 фиксация). Преобладание раздельных написаний отчасти свидетельствует о незавершенности перехода предложно-падежных форм в наречия. Заметим, что М.В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» называл ошибочными написания *ввечеру, нанизу*, «ибо *вечеръ* и *низъ* суть существительные с предлогами» [Ломоносов 1952: 129].

Вариативным является написание производного предлога *наподобие*: *лава текла на подобіе жидкаго теста, церковь на подобіе продолговатого четырехугольника* (всего 8 фиксаций) и *Пантеонъ построенъ наподобіе Римской Ротонды, беседка наподобіе древнего храма* (4 фиксаций).

Многие слитные написания – следствие записи фонетического слова: пробелом не отделены, как правило, служебные слова: *ненадобноли* намъ что-нибудь, *надругой* день, *естьли* не счи-

тать, сдѣланы изъ мраморажъ, совсѣми вареньями, знаменаже ихъ были помѣщены, по наступленіиже ночи и др.

Гораздо шире, чем в современной орфографии, используются прописные буквы. Как известно, наибольшее количество прописных написаний пришлось на рубеж XVIII–XIX вв. [Осипов 1992: 123]. В Журнале с заглавной буквы написаны титулы, названия государственных и прочих должностей: *Государь, Монархъ, Король, Герцогъ, Князь, Графиня, Епископъ, Министръ, Генераль, Полковникъ, Адъютантъ, Офицеръ, Профессоръ, Почтмейстеръ, Докторъ, Актриса* и др. Прилагательные, образованные от названных выше слов, тоже написаны с большой буквы: *съ Королевскою свитою, Епископские города, мыза Герцогская, города Папскаго владѣнія* и др. Единообразного написания лишены прилагательные, образованные от топонимов и этнонимов: *привозятъ Испанскую, французскую, Люнебургскую соль, польское местечко, индійскихъ матерій, Японскихъ большихъ горшковъ, Рускихъ* (вариант *Русскихъ*), *Голландскихъ, Италіанскихъ, Шведской, Великобританскіе, Римскіе*, но *нѣмецкую милю, голландской видъ*. Только с заглавной буквы пишутся названия месяцев: *Апрѣль, Май* и др.; только со строчной буквы – названия произведений искусства: *комедія любовные дурачества, картина снятіе со креста*. Выбор прописной буквы может быть обусловлен высокой оценкой обозначаемого: *Левъ, Туканъ, Рыноцерось, Крокодилъ* (запись сделана под впечатлением от посещения зверинца). Иностранные слова автор тоже предпочитает писать с заглавной буквы: *Бассейнъ, Бареліевъ, Балюстрада* и др. Варьирует написание слов религиозной тематики: *Ангель* и *ангель*.

Полученная в результате наших наблюдений картина предстает довольно пестрой. Многочисленные колебания в написаниях Журнала еще раз свидетельствуют о существующих трудностях правописания в XVIII в. И все же ведущая роль морфологического принципа в печатной традиции уже определилась. Предстояло на теоретическом и практическом уровне решить вопрос о соотношении морфологических и фонетических написаний, а также создать полный свод орфографических правил.

Литература

Грамматика Российская, сочиненная Императорскою Российской Академиею. – СПб., 1802.

Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне // Труды Я.К. Грота. Т.2. – СПб., 1899.

Журнал путешествия его высокородия господина статского советника и Ордена Святого Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова по иностранным государствам с начала выезда его из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращение в Россию, ноября 22 дня 1773 года. – М., 1786.

Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. – М.; Л., 1952.

Осипов Б.И. История русской орфографии и пунктуации. – Новосибирск, 1992.

Светов В.С. Опыт нового российского правописания, утвержденный на правила российской грамматики и на лучших примерах российских писателей. – СПб., 1773.

Словарь Академии Российской: В 6-ти т. – СПб., 1789–1794.

Сумароков А.П. О правописании // Полн. собр. соч. в стихах и прозе. Т. 10. – М., 1782.

Тредиаковский В.К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и всем, что принадлежит к сей материи // Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 2, вып. 2. – М., 1948.

Щерба Л.В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Избранные работы по русскому языку. – М., 1975.

© Анциферова О.Н., 2010

Н.А. Ахманаева

Екатеринбург

Роль пространственной метафоры в отображении речевой деятельности (на материале глаголов речи)

Ключевые слова: метафора, речефакт, речевая деятельность, языковая картина мира.

Метафора и как явление языка и речи, и как когнитивный механизм активно изучается в современной лингвистике. Ко-

гнитологи утверждают, что процессы человеческого мышления во многом метафоричны, концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры. Метафоры как выражения естественного языка возможны именно потому, что они являются метафорами концептуальной системы человека [Лакофф, Джонсон, 2004: 27]. Привлекает внимание исследователей, в частности, пространственная метафора, в которой отражаются важнейшие фрагменты картины мира и процессы нашего мышления.

Пространственная метафора является частным случаем метафорического отображения речевой деятельности. Описание непредметного мира, один из фрагментов которого представляют собой ситуации речевой деятельности, требует определенного набора слов, в том числе и большого количества глаголов, так как речевая деятельность – сфера динамическая. Для этой цели не всегда пригодны слова в их прямом номинативном значении, поскольку речь – сфера деятельности человека, которая, хотя и доступна чувственному восприятию с одной своей стороны (произносительной), тем не менее является абстрактной: такие ее параметры, как, например, тип информации, способ ее передачи, воздействие на собеседника и т. д., — недоступны непосредственному наблюдению и, следовательно, часто называются с помощью уподобления чему-то уже известному, конкретному, т. е. метафорически.

В.Г. Гак выделяет ряд структур, участвующих в пространственной метафоризации:

- 1) типы пространств: точка – линия – поверхность – объем;
- 2) организация пространства: центр / периферия; открытое / закрытое пространство;
- 3) позиции объектов, их пространственная соотнесенность (относительное пространство: близко / далеко; справа / слева и т.д.);
- 4) направления, ориентации, координаты;
- 5) меры длины, расстояния, поверхности, объема и др. [Гак 1998: 671]

Обратим внимание на такие характеристики пространства, как его организация и его типы. Опираясь на данную классификацию, на материале глаголов речи рассмотрим, как типы и организация пространства метафорически структурируют речевые

ситуации, соотносятся с их участниками и различными характеристиками.

Ситуация речевого сообщения чаще всего метафоризируется с помощью точечного типа пространства, ср. следующие метафорические ЛСВ и ЛСВ, исходные для них: *бросать, нести, доносить, отрезать, вставлять* и т.д. Например:

Ввертывать – ‘вращая ввести, заставить войти внутрь чего-л.; ввинтить’ (МАС);

– перен. ‘сообщать что-л. очень ловко, к месту вставляя реплику в чью-л. речь’ (ТИСРГ).

Ситуация *ввертывания* (слова, реплики) метафорически сопоставляется с особым расположением предмета в пространстве – помещением его в определенную точку ограниченного пространства, которое воспринимается как объемное (*внутри чего-л. → в чью-л. речь*). Кроме того, важную роль играет организация пространства, а именно направленность движения в нем: «ввести, заставить войти внутрь чего-л.» можно только целенаправленно перемещая объект, ведя его в определенном, заданном направлении. Пространственная направленность, таким образом, соотносится с целью речевого сообщения: обычно *вставляют, ввертывают словечко, реплику, замечание* с какой-либо определенной целью (например, для того, чтобы отличаться, блеснуть знаниями и т. п.).

В глаголах обращения и воздействия точечное пространство метафорически соотносится с собеседником, т.е. с адресатом речи (*бросать, кидать реплики, закидать вопросами, привязаться, прицепиться* и т.д.). В глаголах характеризованной речи с точкой ассоциируется определенный момент речи, разговора (так же, как в *вернуть* или *вставить*), остановка в момент речи (*остановиться, запнуться*), повтор или акцент (*звонить, долбить, упираться*).

Речевая деятельность может соотноситься и с разнонаправленным движением и перемещением, помещением, беспорядочно совершаемым в различных направлениях:

Ходить – ‘То же, что идти, но движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время’ (МАС);

– перен. ‘говориться о чем-л., распространяясь среди многих (о слухах, легендах, анекдотах) (ТИСРГ).

Следует отметить, что передача речевого сообщения ограничена определенными пределами: обычно *слухи, анекдоты* и т.д. *ходят среди* какой-либо группы людей. Замкнутость пространства, причем представляемого как поверхность, метафорически соотносится с передачей речевого сообщения внутри определенного, ограниченного круга людей; неограниченность, наоборот, предполагает передачу речевого сообщения многим людям (*разносить, распространять, сеять*).

Развертывание речи во времени метафорически отображается путем уподобления линейным объектам в пространстве, которые можно уменьшать, увеличивать, изменять их направление: *тянуть, протянуть, частить, прибавить, добавить, оборвать, обрезать* и т.д.

В глаголах типа *протягивать, тянуть, нести* (в переносных значениях обозначающих характеризованную речевую деятельность) появляется еще одна важная характеристика организации пространства – протяженность:

Протягивать – ‘натянуть, растянуть на какое-л. расстояние, в каком-либо направлении’ (МАС);

– перен. ‘говорить медленно, протяжно, намеренно удлинняя произношение некоторых гласных звуков, отдельных слов’ (ТИСРГ).

Речефакты метафорически представляются предметами, способными растягиваться на сравнительно большие расстояния, поэтому намеренное удлинение отдельных звуков, слов, протяжное произношение соотносится с протяженностью каких-либо предметов в пространстве. Здесь же следует говорить об однонаправленности движения: *протянутые слова* метафорически уподобляются предметам, растянутым в одном, определенном направлении.

В пространственных моделях ЛСВ глаголов, репрезентирующих речевую деятельность, может появляться метафорически обозначаемое объемное пространство, например:

Отклонить – ‘отвести, отодвинуть в сторону, наклоня или располагая под углом к прежнему положению’ (МАС);

– перен. ‘отрицать, отвергать мягко, тактично, не соглашаясь принять что-л.’ (МАС).

Речевой акт несогласия, отказа соотносится метафорически с отведением, наклоном в сторону под углом, т. е. с изменениями в объемно организованном пространстве. Высказывание изображается как линия, а вот среда, то самое объемно организованное пространство, где и происходит изменение направления метафорически уподобляется сфере отношений между коммуникантами, ср.: *отклонить возражение, одернуть кого-л., склонить кого-л. к чему-л., гнуть свою линию* и т.д.

Таким образом, анализ показал, что пространственная метафора играет одну из ключевых ролей в отображении речевой деятельности. Для пространственной метафоризации речи используется большое количество различных характеристик пространства, среди которых значительную роль играют организация пространства и его типы.

Направленность перемещения может метафорически соотноситься с адресованностью речи, протяженность и замкнутость пространства чаще всего соотносятся с ее характером, ее распространением среди большой или небольшой группы людей. Типы пространств, такие как точка, линия, поверхность или объем, метафорически могут соотноситься со способом передачи сообщения.

Литература

Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М., 2004.

Словарь русского языка: в 4 тт. – 2-е изд. М.: Русский язык, 1981- 1984 (Малый академический словарь – МАС).

Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты, синонимы, антонимы. / Под ред. Л.Г. Бабенко. – М., 1999 (ТИСРГ).

© Ахманаева Н.А., 2010

**Е.М. Божко
Екатеринбург**

**Передача квазиреалий-беллумотивов в четырех
переводах на русский язык романа Дж.Р.Р. Толкина
«Властелин колец»**

Ключевые слова: фэнтези, идиостиль, беллумотив, стратегии перевода, транскрипция, переводческий неологизм.

Беллумотивами называются лексические единицы, тем или иным образом указывающие на воинское дело [Сорокин, 2003: 97]. В данную группу может входить как онимическая (например, имена мечей), так и апеллятивная (собственно названия типов оружия) лексика.

Основной темой фэнтезийного романа Дж.Р.Р. Толкина является тема войны за Кольцо, а центральные события тем или иным образом связаны со сражениями или военными действиями. Таким образом, перевод на русский язык беллумотивов может оказать большое влияние на восприятие читателем как персонажей, так и событийной ткани произведения вообще.

Из текста оригинала романа «Властелин Колец» (общим объемом 930 страниц) нами было отобрано 55 беллумотивов. Это и типы оружия, и их имена, так как в данной реальности особо прославленные мечи имеют собственные имена. Мы анализировали четыре перевода данного романа: 1) перевод А. Грузберга (1972 г.; изд. 2002 г.; общий объем трех томов – 1536 стр.); 2) перевод В. Муравьева и А. Кистяковского (1982 г.; изд. 2000 г.; общий объем 3-х томов – 1536 стр.); 3) перевод Н. Григорьевой и В. Грушецкого (1984-1989 гг.; изд. 2000 г.; общий объем 3-х томов – 1692 стр.); 4) перевод М. Каменкович и В. Каррика (начало и середина 1990-х гг.; изд. 2002 г.; общий объем – 1279 стр., из них 1095 страниц собственно перевода и 184 страницы комментариев).

Анализ показал, что при разработке батальных сцен романа Джон Р.Р. Толкин брал за основу существующее на нашем плане реальности оружие. Таким образом, ведущим приемом передачи беллумотивов по всем четырем текстам переводов яв-

ляется прием аналога. Аналогами переданы такие беллумотивы как *sword* – меч; *shirt of mail, mail-coat* – кольчуга, кольчужная рубаха; *shield* – щит; *war-horn* – боевой рог; *helm* – шлем; *arrow* – стрела, *sheath* – ножны.

В переводе А. Грузберга доля приема аналога – 43,75%. Второе место занимает прием транслитерации (14,06%), третье – контекстуального аналога (10,94%). Транслитерацией, например, переданы имена мечей: *Andúril* – Андурил, *Sting* – Стинг, *Glamdring* – Глэмдринг, *Narsil* – Нарсил. При передаче имен оружия используется также прием транскрипции, однако ее доля гораздо меньше – 1,56%: *Orcrist* – Оркрист; или же варьирования транскрипции – 3,13%: *Gúthwinë* – Гутвайн.

7,81% беллумотивов в переводе А. Грузберга переданы с помощью аналога с потерей онима (данный прием предусматривает строчное написание беллумотива в тексте перевода, что несет в себе потерю идентифицирующей функции переводного слова или словосочетания, обозначающего референт той или иной квазиреалии в тексте оригинала), например: *the Sword of Elendil* – меч Элэндила; *the Blade that was Broken and has been made again* – меч, который некогда был сломан, но теперь скован вновь. Прием замены используется в 4,69% случаях: *weapon-hoard* – оружейня, *axe* – секира, *Morgul-wound* – отравленное оружие.

Если говорить об искажениях и пробелах в данном переводе, то 3,13% беллумотивов опущены, столько же переданы заменой с ошибкой предметной логичности (т. е. квазиреалия оригинала в переводе заменена на квазиреалию, ей не соответствующую, не несущую в переводе той смысловой нагрузки, которую несет квазиреалия в оригинале, или же на квазиреалию, обладающую избыточными компонентами смысла, не присутствующими в оригинале). Опущены, например, такие беллумотивы как *corslet* и *dwarf-mail*. Заменой с ошибкой предметной логичности передана, например, такая квазиреалия как *buckler* – передана как щит (на самом деле это **небольшой круглый** щит, не в полный размер, и эта семантика в переводе упущена). Есть в данном переводе и собственно ошибка предметной логичности (т. е. использование в переводе квазиреалии, на первый взгляд, могущей быть контекстуальным аналогом для квазиреалии оригинала, но при этом вызывающей сдвиг событийной или простран-

ственной ткани оригинала романа, что, в свою очередь, приводит к искажению авторского замысла): *white crest* – передано как *белый крест*. На самом деле *crest* – *гребень шлема, чупрун, плюмаж* [LingvoUniversal: Электронный ресурс].

В целом по данному переводу интерпретационная картина видения в плане беллумотивов передана не совсем адекватно в силу довольно серьезных допущенных переводчиком ошибок предметной логичности.

В переводе В. Муравьева и А. Кистяковского, процент аналога самый низкий по четырем переводам – 32,35%. Далее 16,18% приходится на долю опущения. Опущены такие беллумотивы как *Orcrist, buckler, corslet, spear, sword-thain, a Morgul-wound, the shards of Narsil*. 10,94% беллумотивов переданы с использованием контекстуального аналога: *quiver* – *колчан со стрелами*, *sword* – передано как *меч* для положительных героев и как *ятаган* для отрицательных, *cheek-guards* – *наланитники*. По 5,88% приемов приходится в этом переводе на долю аналога с потерей онима и замены, по 4,41% – на приемы переводческого неологизма, транслитерации и добавления. На долю приемов, искажающих переводной текст, процент следующий: 4,41% – замена с ошибкой предметной логичности; 4,41% – измененная транслитерация (изменение правил транслитерации при передаче). Так, заменой с ошибкой предметной логичности переданы, например: *Flame of the West* – *Возрожденная Молния*; *the banner* – *хоругвь* (в мире, где религии нет как таковой, упоминание о хоругви ошибочно; хоругвь когда-то имела значение «войсковое знамя», но сейчас она скорее понимается как «большое полотнище на длинном древке с изображениями Христа, святых, обычно в крестных ходах» [Ушаков: Электронный ресурс]. Измененная транслитерация у следующих беллумотивов: *Herugrim* – *Геругрим*, *Andúril* – *Андрил*.

В целом, интерпретационная картина видения, представляемая переводом В. Муравьева и А. Кистяковского, достаточно сильно отличается от авторской. Доказательство этому – самый маленький процент использования аналога, большой процент опущений и замен, в том числе и с ошибкой предметной логичности.

В переводе Н. Григорьевой и В. Грушецкого доля аналога составляет 40%. Второе место в данном переводе занимает прием опущения. Его доля – 17,14%, и это самый высокий процент по всем четырем анализируемым переводам. Опущены такие беллумотивы, как, например, *baldric*, *dwarf-mail* (справедливости ради следует сказать, что последняя реалия опущена во всех переводах, кроме перевода М. Каменкович и В. Каррика), *buckler*, *corslet*, *spear*, *Barrow-blade*, *Herugrim*, *Gúthwinë* (последние две квазиреалии – имена мечей), *cheek-guards*, *surcoat*, *white crest*. Третье место по частотности использования приемов принадлежит контекстуальному аналогу – 12,86%: *sword-thain* – *оруженосец*, *Orc-blade* – *ятаган*. 10% беллумотивов передано с помощью приема транслитерации: *Aiglos* – *Айглос*, *Narsil* – *Нарсил*, *Glamdring* – *Гламдринг* (имена прославленного в реальности Средиземья оружия). 5,71% квазиреалий данной группы переданы с помощью замены: *the blade reforged* – *Андрил*, *a Morgul-wound* – *моргульский клинок*. 2,86% приходится на долю транскрипции: *Orcrist* – *Оркрист*. Также по 2,86% приходится на долю описательного перевода: *goblin-soldiers* – *воины, обличьем совсем не схожие с орками*, и модуляции: *Sting* – *Шершень*.

Что касается искажений оригинала, то по 1,43% приходится на долю приемов замены с ошибкой предметной логичности, измененной транслитерации и переводческого неологизма. Прием замены с ошибкой предметной логичности относится к таким реалиям как: *Dwarf-axe* – *топор* (в русской культуре топор – железное орудие для рубки и тески, в виде лопасти с острым лезвием с одной стороны и обухом с другой, насаженной на деревянную рукоять (топорище) [Ушаков: Электронный ресурс]). Кроме того, существует устойчивое сочетание *топор палача*. В данном контексте, уместнее был бы аналог *секира*, именно этим словом обозначают подобный вид оружия). Измененная транслитерация – 1,43%, например: *Andúril* – *Андрил*.

В силу большого количества опущений можно прийти к заключению о том, что в переводе Н. Григорьевой и В. Грушецкого в плане беллумотивов авторская интерпретационная картина видения очень сильно искажена, в ней присутствуют большие пробелы, которые читатель перевода ничем не заполнит.

В переводе М. Каменкович и В. Каррика процент использования аналога самый высокий по всем четырем переводам – 44,29%. Доля аналогов с введением или потерей онима – 2,86% и 5,71% соответственно: *the blade reforged* – *Перекованный Клинок*, *Durin's Axe* – *топор Дьюрина*. 8,57% приходится на долю контекстуального аналога: *sword* – *сабля*, *Orc-scimitar* – *орочьи ятаганы*, *gear of war* – *доспехи*, *the bright-burnished vambrace* – *гладкая стальная перчатка*. 7,14% беллумотивов передано с помощью транслитерации, по 2,86% – транскрипции и варьирования транскрипции: *Andúril* – *Андарил*, *Herugrim* – *Эругрим*. Процент переводческого неологизма, добавлений и описательного перевода одинаков – 2,86%, модуляции – еще меньше: 1,43%. Что касается приемов, искажающих авторское видение, на долю замен с ошибкой предметной логичности приходится 2,86%, а измененной транскрипции – 4,29%.

В целом перевод М. Каменкович и В. Каррика демонстрирует достаточно осторожное обращение с текстом оригинала. Процент замен, искажающих авторский замысел, относительно невысок, так что в данном случае мы можем говорить о вполне адекватной в данном переводе передаче на русский язык беллумотивов, использованных в батальных сценах романа.

Литература

Tolkien J.R.R. Guide to the Names in The Lord of the Rings // A Tolkien Compass, Ballantine Books, 1980.

Толкиен Дж.Р.Р. Возвращение Государя: Повесть. – М., 2000.

Толкиен Дж.Р.Р. Две твердыни: Повесть. – М., 2000.

Толкиен Дж.Р.Р. Хранители: Повесть. – М., 2000.

Толкин Дж.Р.Р. Властелин колец / Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. – СПб., 2003.

Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец: Роман / Пер. с англ. А. Грузберга. – Екатеринбург, 2002. – Ч. 1. Товарищество Кольца: В 2-х кн. – Ч. 2. Две крепости: В 2-х кн. – Ч. 3. Возвращение Короля: В 2-х кн.

Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М., 2003.

LingvoUniversal (En-Ru) (к версии Lingvo 12). Англо-русский словарь общей лексики. ABBYY Software, 2006. 100 тыс. статей.

/ ABBYY Lingvo 12 Multilingual. Электронный словарь. Выпуск 12.0.0.356. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM)).

Ушаков Д.Н. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>, свободный.

© Божко Е.М., 2010

**Л.А. Быковская
Ставрополь**

**Особенности языковой личности Т.С. Шелухина:
жанр письма в его творчестве**

Ключевые слова: языковая личность писателя, идиостиль, новаторство, жанр письма.

...нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, пользователю — к человеку, к конкретной языковой личности.

Ю.Н. Караулов

Изучение говорящего человека — это первоначальная задача лингвистики. В наши дни можно с уверенностью говорить о том, что теоретическая база для изучения конкретных языковых личностей и создания речевых портретов подготовлена. Однако таких речевых портретов ещё очень мало, чтобы делать определенные выводы о том, что из установленных явлений носят общеязыковой характер, а что представляет собой индивидуальные особенности речи того или иного лица. Но известную трудность представляет и сам выбор языковой личности, представляющий особый интерес при изучении её речи (хотя теоретически любая личность и её язык является как для науки, так и для общества неотъемлемым элементом многоуровневой системы).

В выборе личности для изучения необходимо ориентироваться на типы речевых культур в сфере литературного языка:

- 1) элитарная;
- 2) «среднелитературная»;
- 3) литературно-разговорная;
- 4) фамиллярно-разговорная;
- 5) просторечная;

- 6) народно-речевая;
- 7) профессионально-ограниченная.

Наиболее пристальное внимание лингвистов сейчас привлекает, наряду с элитарной, среднелитературная и литературно-разговорная культура.

Носителем именно такой культуры, по нашему мнению, является ставропольский писатель Тимофей Шелухин. Эмпирическим материалом для данной работы служили его письма 1996–1997 годов.

При оценке речи любого лица необходимым условием является учет сведений из его биографии.

Тимофей Семенович Шелухин родился в 1927 году в станице Баклановской Ставропольского края. С ранней юности работал комбайнером. В середине пятидесятых годов стал студентом заочного отделения педагогического института. В 1955-м получил очередное воинское звание старшего лейтенанта. Занимался комсомольской и партийной работой. В 80-х годах становится членом союза писателей Ставрополя. По нынешний день писатель состоит в этой организации и пишет новые книги.

Биографический фактор, а точнее сказать территориальный, сыграл огромную роль в формировании языковых особенностей Т. Шелухина, на этом фоне прослеживается слегка корявый, просторечный по своему существу язык его произведений. Главной, и как многие считают единственной, в его творчестве была тема села. Отсюда самобытность, непохожесть, ограниченность и вместе с тем простота его речи.

В его книгах во всей своей полноте находит отражение советская эпоха – эпоха его молодости, его становления как человека. Его герои рядовые люди советского времени, которые живут и поныне: советские хлеборобы, председатели колхозов, бригадиры... В текстах произведений мы можем рассмотреть его отношение к труду: *«... Подготовка к жатве хлебов – дело интимное, молитвенное, и комбайнёру, точнее, сеятелю предстоит давать обещания непременно справиться с поставленной задачей, какой бы она не была сложной, да наведу у всех, и прежде прочих – на виду у басурманов, под коими подразумеваются антихристы всех рангов вместе и с моей пишущей*

журналистской братией, бесцеремонно пытавшейся любой ценой проникнуть, влезть в душу хлебороба» [Шелухин 1997: 11].

Можно с уверенностью утверждать, что пройдет время, и публицистическая проза писателя из Баклановки превратится в ценный исторический документ. Проза Т. Шелухина – удивительная летопись нелегкой судьбы великих тружеников села, старанием коих, в общем-то, и жива Россия. По таким книгам вдумчивый читатель будет искать ответы о том, что же было с нашей страной и народом и какая судьба уготована ему в будущем.

Особый интерес при исследовании творчества писателя привлекли его письма, отличающиеся нехарактерными для этого жанра особенностями.

В.И. Даль в словаре живого великорусского языка следующим образом трактует данное понятие: «Письмо – уведомление, сообщение на бумаге, писанье, письменная речь, беседа, посылаемая от одного лица к другому». По словарю Ожегова, «Письмо – написанный текст, посылаемый для сообщения чего-нибудь кому-нибудь». Т. Шелухин дает свою интерпретацию данному жанру, который является некой пояснительной запиской, ориентиром в пространстве его творчества, попыткой обозначить момент публицистичности, перехода на очерковый стиль. В литературоведении очерк характеризуется документальностью изображения и публицистической заостренностью. На примере какого-либо реально происходившего события, часто называя конкретные лица, автор четко заявляет своё отношение к описанному. Писатель путём объединения различных особенностей создаёт письмо, которое **по сути является комментарием к собственным произведениям, дается историкотопографическая справка:** *«В моём понятии Приманычье это сравнительно большой регион, по масштабам Ставрополя не так уж значительны — всего три района: Апанасенковский, Арзирский и Туркменский — самый что ни на есть северо-восточный угол края. К нему можно было бы отнести не менее засушливые Левокумье с Нефтекумьем».*

В письме Т. Шелухина присутствуют также метапоэтические данные о литературе и собственном творчестве, кроме того, автор ведёт непрерывный диалог с читателем, с героями своих произведений, с коллегами. Наряду с художественным чув-

ством автор демонстрирует глубокую просвещенность в области культуры народа, умение создать удивительно незнакомый мир, который густо населен. Автора со многими из людей связывают мимолетные встречи, он дает их описание немногословно, подчеркивая одну две, но очень существенные детали, и благодаря мастерству Т. Шелухина, из этих мазков создаются очень колоритные незабываемые образы людей: *«Пономарёв — большая фигура. И кому с ним сравниться? Каждый талантливый человек, в том числе и даже, пожалуй, прежде всего — организатор, руководитель, по большому счёту, неповторим. Пономарёва никто и никогда не заменит»* [Шелухин 1998: 266].

Рассмотрев толкования жанра письма в различных лексикографических источниках, мы можем отметить, что определение данного жанра в творчестве Т.С. Шелухина не подходит ни под одну словарную дефиницию. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что писатель является модернизатором жанра письма. Новаторство, индивидуальность писателя состоит в том, что он путем соединения документальности, публицистичности и художественности выводит нас на новый уровень эпистолярности, формирует идеожанр, являющийся одной из основных характеристик писателя как языковой личности.

Литература

- Виноградов В.В. О теории художественной речи. — М., 1989.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 2002.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М., 2004.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 2002.
- Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. — М., 2003.
- Словарь русского языка // С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова. — М., 2005.
- Чурилина Л.Н. Языковая личность в художественном тексте. — М., 2006.
- Шелухин Т.С. Второй фронт: Повести. — Ставрополь, 1998.

Шелухин Т.С. Люди моего юрта: Очерки разных лет. — Ставрополь, 1997.

Энциклопедический словарь юного литературоведа. — М., 1984.

Языковая личность в аспекте антропологии: Материалы региональной научно-практической конференции (26 октября – 2 ноября 2007 года, Ставрополь, СГПИ) / Под ред. Е.Н. Атарщиковой, Я.Н. Скрипник. — Ставрополь, 2007.

© Быковская Л.А., 2010

**Вань Нин
Пермь**

Языковые стратегии престижности в текстах автомобильной рекламы (сопоставительный аспект)

Ключевые слова: рекламный дискурс, массовая коммуникация, сопоставительный подход, рекламный текст, лексические особенности слоганов.

Сегодня в России, Китае и других странах реклама уже заполнила пространство массовой коммуникации. Нередко возникает необходимость даже ограничивать ее поток в массовое сознание, сокращать ее объем в аудио-, видео- и печатных СМИ, в том числе на носителях наружной рекламы. Вместе с тем понятно, что, во-первых, все сферы современной жизни без рекламы уже немислимы, и поэтому, во-вторых, изучение закономерностей ее функционирования и воздействия на массовое сознание является насущной необходимостью. В связи с этим интересно проанализировать языковые отличия и сходства текстов, посвященных рекламе одних и тех же автомобилей у разных народов – русских и китайцев.

Актуальность такого анализа связана с недостаточной разработанностью проблемы взаимодействия между русской и китайской культурами, в том числе с неизученностью межкультурных аспектов **рекламного дискурса**.

По мнению М.Н.Кожиной, в понятии «дискурс» акцентируется прежде всего динамический аспект, процессуальная сторона текста, его развертывание во времени и пространстве [Кожина,

на 2004]. Ср.: «Дискурс – это речь, разновидность речи как процесс использования языка в когнитивной деятельности, фиксирующийся в текстах, опирающийся на интрадискурсивность, обусловленный экстралингвистическими факторами» [Кожина 2004: 25]. Иными словами, дискурс одновременно включает два компонента: и динамику (процессуальность) языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат, т.е. сам текст.

Главным условием дискурса является наличие двух фундаментальных ролей – говорящего (автора) и адресата, поскольку сам процесс языкового общения может рассматриваться только в этих двух перспективах. Рекламную деятельность и ее результат (рекламный текст), таким образом, можно считать особой разновидностью дискурса, а именно – рекламным дискурсом.

Изученная нами литература по рекламному дискурсу [см., например: Викентьев 1994; Кара-Мурза 2004; Кохтев, Розенталь 1991 и др.] позволяет говорить об отсутствии сопоставительных исследований русских и китайских рекламных текстов с точки зрения особенностей языкового выражения рекламируемого объекта. Нам же эта проблема представляется весьма интересной, поскольку ее решение позволит выявить специфику картин мира этих разных народов, уточнить параметры сходства и различия их мироощущения, особенности языкового самовыражения.

Подчеркнем, что проблема русско-китайского взаимодействия относится к числу актуальных на сегодняшний день **гуманитарных** проблем, а ее **лингвистическое** решение будет способствовать углублению межкультурного и межнационального понимания между двумя разными народами. Действительно, если мы будем знать, что у нас общего и чем мы друг от друга отличаемся, нам легче будет налаживать взаимопонимание, мы быстрее сможем найти «точки соприкосновения» в политической, экономической, социальной и культурной сферах деятельности.

Материалом для нашего исследования послужили рекламные тексты автомобильной тематики. Выбор именно этой группы текстов из всего рекламного дискурса связан, во-первых, с высокой значимостью автомобильной темы в современном обществе, во-вторых, с активным сотрудничеством между Россией и Китаем в

рамках автомобильной индустрии (в обеих странах хорошо налажена система поставок и продажи автомобилей друг друга).

Приступая к исследованию, мы предполагали, что русская и китайская реклама автомобилей должна различаться по содержательным и языковым характеристикам. Особое внимание мы уделили анализу слоганов, как структурных компонентов рекламы, ярко отражающих ее целевую установку, содержание и языковые особенности.

Отметим, что под **слоганом** понимается – в соответствии с традицией толкования этого понятия в международной рекламной практике – рекламная фраза, в кратком виде излагающая основное рекламное предложение и входящая во все сообщения в рамках рекламной кампании какого-либо товара или услуги [Уэллс 1999: 253].

Наш анализ показал, что основные темы *русских* автомобильных слоганов укладываются в следующие смыслы: «достойный выбор», «выгодны по сравнению с другими», «лучший на дороге», «удобен и комфортен», «приятен», «способен покорить мир», «неповторимость ощущений», «вы и ваша машина – полная гармония». Одним словом, эксплуатируется в целом ограниченное число тем: 1) идея исключительности владения определенным автомобилем, 2) идея покорности дороги (причем, как правило, эксплуатируются такие семы слова «дорога», как ‘бездорожье’ и ‘всепроходимость’), 3) идея покорности большого (неограниченного!) мира.

Эти идеи определяют и круг языковых средств, среди которых:

1) слова с определенной семантикой: существительные – *гармония, удовольствие, взаимность, качество, максимум, ощущения, сила, будущее* и др.; прилагательные – *достойный, лучший, удобный, приятный, неповторимый, неповторимый, экстремальный, совершенный* и др.; глаголы – *покорить, почувствовать, победить, хотеть, управлять* и др.; наречия – *способно, особо, гениально, надежно, невероятно* и др.;

2) короткие нераспространенные и мало распространенные двусоставные предложения, назывные, контекстуально неполные и эллиптические предложения: «*Ваше будущее – его цель*», «*Стиль – свободный*», «*Создан для удовольствия. Но жизнь не должна быть такой лёгкой!*» и др.;

3) синтаксический параллелизм конструкций: «*Есть дорога. Нет дороги. Всё равно*», «*Мыслить. Чувствовать. Управлять*», «*Партнёр в работе, Друг на отдыхе*» и др.;

4) прямая адресованность с помощью различных форм личного местоимения *вы*: «*Вам идёт!*», «*Стихия Вас не остановит*», «*Учит вас за считанные секунды*» и др.;

5) противопоставление с другими (не выбравшими эту машину): «*Другим этого не дано!*», «*Где другие бояться ступить...*» и др.;

6) преимущественно восклицательные предложения: «*Откройте для себя Новое!*», «*У Форда есть лучшая идея!*», «*Всегда желать большего!*» и др.

Все это очень близко соотносится с русским ощущением машины и дороги: в стране с большими пространствами и плохими дорогами автомобиль должен прежде всего быть выносливым, непобедимым на дороге и комфортным, поскольку русский человек в советское время был лишен машины, легкой в обслуживании и учитывающей все желания водителя.

Основными темами **китайских** автомобильных слоганов являются такие идеи, как: «прочность», «красота», «высшая красота (красивее самой красивой женщины)», «соответствие моде», «прорыв в достижениях науки и техники», «мировое качество», «безграничность мира», «победа на дорогах», «нежность и привлекательность», «восхищение других (не купивших этот автомобиль)», «легкость в управлении», «толковость технического исполнения», «скорость», «способность сделать все» и др.

Так, **общими** темами и тех и других слоганов являются: надежность, «всепроезжимость» на дорогах, красота, удобство для водителя, объект зависти для других, способность покорять мир. Очевидно, эти качества автомобиля одинаково ценны и для китайцев, и для русских. Во всяком случае лингвистический анализ рекламных текстов автомобильной тематики показывает, что именно эти качества можно считать *интернациональными автомобильными качествами*, т.е. такими, которые ценит любой человек независимо от своей национальности.

Специфическими, только китайскими темами рекламных слоганов являются такие, как: высшая красота (*красивее самой красивой женщины*), соответствие моде (*модель значима для автомобиля*), прорыв достижений науки и техники (*Прорыв*

науки и техники, будущее воодушевляет! Шам наука и техники!), нежность и привлекательность (Правда, она милая?), восхищение для других (не купивших этот автомобиль) (Если вы решили купить не Chrysler – вы много потеряли, и мы тоже.), толковость технического исполнения (Немецкие наука и техника с легкостью наслаждаются!).

Очевидно, для китайского водителя (в дополнение к интернациональным качествам) важными оказываются, во-первых, не только технические данные машины, но и внешняя красота, привлекательность; во-вторых, понимание машины как феномена научной мысли; в-третьих, толковость и продуманность исполнения; в-четвертых, соответствие модным тенденциям; в-пятых, отношение к «твоей» машине «чужих».

Таким образом, тематическое расхождение в рекламных слоганах объясняется разными национальными приоритетами и разным отношением к миру китайцев и русских, что обусловлено географическими и культурно-историческими условиями развития и жизни этих двух народов. Русские пока что, в отличие от китайцев, не задумываются над красотой и «научностью» своего автомобиля, над его преимуществом перед другими, потому что русским водителям важнее надежность и комфорт в дороге.

Литература

Викентьев И.Л. Приемы рекламы: методика для рекламодателей и рекламистов. – Новосибирск, 1994.

Кара-Мурза Е.С. «Дивный новый мир» российской рекламы: социокультурные, стилистические и культурно-речевые аспекты. – М., 2004.

Кожина М.Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стил: сб. науч. ст. – Санкт-Петербург, 2004.

Кохтев Н.Н., Розенталь Д.Э. Язык рекламных текстов: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». – М., 1981.

Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика / Пер. с англ. – СПб., 1999.

© Вань Нин, 2010

И.А. Ваулина
Екатеринбург

Функционирование экспрессивных синтаксических конструкций в современном газетном тексте

Ключевые слова: публицистический стиль, газетный текст, экспрессивный синтаксис, приемы стилизации.

Синтаксис современной публицистики становится все более экспрессивным, что обусловлено активным функционированием на страницах газет разговорных синтаксических конструкций и элементов книжно-поэтического экспрессивного синтаксиса. В результате исследования, проведенного на материале газеты «Комсомольская правда», мы выявили ряд активных в публицистике синтаксических конструкций, влияющих на эмоционально-экспрессивный облик текста.

1. Широко распространены **присоединительные и парцеллированные конструкции**. Это сходные по своей сути и структуре синтаксические явления, основанные на расчлененности синтаксического рисунка. Присоединение предполагает, что фразы не умещаются в одну смысловую плоскость и образуют ассоциативную цепочку нанизывания компонентов. Сущность присоединения в разговорной речи заключается в том, что последующие элементы высказывания возникают в сознании говорящего после того, как высказана основная мысль. При парцелляции содержание одного предложения реализуется в нескольких интонационно-синтаксических единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы.

Присоединительные конструкции в газетах очень разнообразны по своей структуре, цели употребления, по выполняемым ими функциям, по степени эмоциональной окрашенности.

Вообще присоединительные конструкции в газетах содержат в себе мощную эмоционально-экспрессивную наполненность, играют значительную роль в повышении общего «эмоционального градуса» материала. В данном аспекте интересны конструкции, основанные на эффекте неожиданности, которые работают на создание комического эффекта, а иногда служат для передачи иронической интонации. Имеет место языковая игра: А

сама пернатая корреспондентка из вороны превратилась в утку. Газетную. В данном случае автор статьи ловко играет на омонимии. Прием «сработал» в результате неожиданного присоединения элемента. Если мы трансформируем конструкцию в «нормальное» предложение, эффект снимается, нейтрализуется.

Изначально присоединение рассчитано на некоторое шокирование адресата: *В обеденный перерыв работники владимирской птицефабрики «Центральная» тянутся в буфет. Но не для того, чтобы перекусить – в буфете им выдают зарплату. Курятиной.*

Присоединительные конструкции могут служить для передачи иронического отношения к описываемому явлению: *Какой сюрприз: актриса в черном платье. Раз в сотый.*

Следующая функция присоединительных конструкций в газетных текстах – акцентирование внимания читателя на семантически значимом фрагменте текста: *Младший сержант Руслан Мельников погиб 31 января на полигоне во Владимирской области. Не на боевом задании. Даже не на учениях.* Автор делает логическое ударение на добавляемых обстоятельствах, призывая читателя обратить внимание именно на этот факт: *Чиновники Екатеринбурга и области живут спокойно и твердо верят в свое светлое будущее. В отличие от рядовых граждан.* Иногда присоединяемый компонент называется будто бы «между прочим», «кстати», но внимание все же акцентируется на нем: *Женщина обещала отдать деньги с процентами, как только встанет на ноги. В том, что встанет, сомнений не возникало. Очень уж бойкая женщина, под стать своей фамилии. И обаятельная.* (Мы понимаем, что именно из-за обаяния этой женщины люди верили мошеннице) Цель присоединения – обратить внимание читателя на добавленный компонент.

Присоединительные конструкции могут использоваться с целью уточнения, пояснения, конкретизации основного смысла высказывания: 1. *Свадьба у Димы с Полиной не быстрая. Вопрос о ней стоял и в прошлом году. Еще летом.* 2. *Недавно второй офис открыли. В соседнем районе, чтоб людям удобнее было.* В этих случаях присоединяемые компоненты уточняют, поясняют сказанное, придавая тексту непринужденную интонацию разговорной речи.

Присоединительные и парцеллированные конструкции выполняют в публицистическом тексте изобразительно-выразительную, эмоционально-экспрессивную, акцентирующую и уточнительную функции.

2. Частотны на страницах газет **эллиптические** конструкции, в которых словесно не выражены те или иные члены предложения, необходимые в грамматическом или семантическом отношении. Появление эллиптических конструкций в разговорной речи обусловлено действием принципа экономии речевых усилий. В газетах такие конструкции встречаются чаще всего в статьях развлекательного характера, в диалогах, при прямом обращении к читателю. Словесно не выраженными могут быть различные компоненты:

а) отсутствие подлежащего: *К длинному тулупу старый посох, украшенный красной мишурой, не подошел. Смастерили новый – добротный, из березы.* На вербально не выраженный компонент указывает наличие согласованных определений.

б) отсутствие сказуемого: *Такая же ситуация на главных улицах города.* На отсутствующий глагол указывает относящееся к нему обстоятельство места.

Эллиптические конструкции иногда служат для передачи интенсивности действия: *Пришла домой – и к окну.*

3. Характерны для газетного синтаксиса различные **лексические повторы**, которые представляют собой сочетания форм одного и того же слова или разных слов. Построения с повторами как формы предикативных единиц – это огромный массив живых, богатых значениями и активно функционирующих синтаксических конструкций. При их описании мы опираемся на работу Н.Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» [Шведова 2003].

Итак, рассмотрим некоторые разновидности конструкций с повторами, выявленных нами на страницах газет.

Сам же брат главы США делал изумленное лицо перед журналистами и с честным-честным видом заявлял: «Я не знаю, в чем меня обвиняют». Вид конструкции – бессоюзное сочетание слов, относящихся к одной и той же грамматической категории. Сочетание выражает значение интенсивно проявляющегося признака.

Возможны сочетания одного и того же глагола: *«Да я вижу-вижу, – тоскливо кивая, вспоминая слова Лановского»*.

Слова любых категорий образуют сочетания двух слитно произносимых форм: *«Много-много лет назад на «Хруничева» разработали трехместный космический корабль»*. Конструкция не только способствует усилению называемого признака, но и выполняет стилистическую функцию.

Среди союзных сочетаний довольно распространены в газетах конструкции с союзом «не»: *«Хочешь не хочешь, но мы продукты своего времени. И все же я не верил в это»*. Сочетание двух одинаковых форм слова с отрицанием при второй форме передает значение предикативного признака, который оценивается как безразличный для происходящего.

Слова любой категории могут соединяться в сочетания одинаковых форм с частицей «то» при первой форме: *«Тихий-то он тихий, пока сытый, – ворчал сонный таксист»*. Посредством таких конструкций вносится значение отношения к признаку как к малозначимому в данной ситуации.

В Цхинвали, как утверждают очевидцы, только-только включают электричество, а воды по-прежнему пока нет: водонапорные станции разрушены. Здесь мы наблюдаем, что повтор одинаковых форм передает значение действия, едва начавшего совершаться.

Значение длительности действия может передаваться посредством слитно произносимых сочетаний глаголов несовершенного вида: *«А муж уговаривал, уговаривал...»*.

Характерны для разговорной речи строящиеся на основе лексического повторения вторые реплики диалога. Они представляют собой построенные по правилам разговорной речи, входящие в сложное образование, синтаксически не самостоятельные вторые реплики, имеющие в составе своей основы элементы словесного состава первой реплики и подчиняющиеся ее форме: *«Люди сочувственно спрашивали: «Он маленький? – Какой маленький? Никакой не маленький. Сорок лет»*.

Таким образом, повторы используются журналистами в качестве нестандартного способа передачи многообразных дополнительных оттенков значения.

4. Интересны синтаксические **построения с частицами и междометиями**, отличающиеся также богатством и многообразием значений. Появление их в языке газет обусловлено потребностью усилить выразительность речи.

Построения с частицей «дай» имеют значение внутреннего решения: *Дай, думаю, пообщаюсь, а человек-то я необщительный.*

Конструкции с частицей «просто» обозначают признак подлинный и несомненный: *Кастрюля была с крышкой, крышка просто слетела от удара – и, пожалуй, еще и на мальчишку.*

Глагольная предикативная единица, строящаяся с участием сложной частицы «нет-нет (да и)» имеет значение нерегулярно и нечасто выявляющегося признака: *Человек под этим именем на благотворительных сайтах помогает суммами по несколько сотен тысяч евро разом. И в мою рубрику нет-нет да и звонят такие люди.*

Конструкции с частицей «-ка» выражают значение решимости: *Отведите-ка нас на квартиру, где вы ночевали, – настояли следователи. И нашли в квартире следы страшного убийства.*

Значение акцентирования передают сказуемые с частицей «-таки»: *А Белых все делает правильно. Если во время кризиса у его коллег проснется-таки совесть и они решат не раздражать население своими «лексусами» – в этом будет заслуга кировского губернатора.*

Распространены в газетах построения, которые формируются путем соединения знаменательного слова с междометием «эх»: *А Егором собирались назвать будущего сына... Эх, не вышло, майор. Прости. Прощай.* Посредством таких конструкций автор выражает свои эмоции, свое отношение к происходящему, в данном случае – сожаление.

Разговорные синтаксические конструкции с частицами и междометиями употребляются, как правило, при передаче чужой речи, в диалогах героев статей, реже – в монологической речи журналистов. Функция таких построений в газетах – имитация живой разговорной речи.

5. В разговорной речи отчетливо прослеживается следующая тенденция словорасположения: в начале высказывания помещаются элементы, наиболее важные для сообщения. В результате появляются **инверсивные конструкции**, которые широко

распространены и в газетных текстах. Расположение элемента в начале высказывания помогает передать его особую значимость для говорящего. Акцентирование – основная функция таких конструкций в газетах. Рассмотрим несколько примеров.

Наш интерес в том, чтобы газовая труба на Украине функционировала. В данном случае смысловой акцент сделан на словосочетании «газовая труба», которое выносится в начало придаточной части. Традиционно предложение выглядело бы следующим образом: *Наш интерес в том, чтобы на Украине функционировала газовая труба.* Разница очевидна.

Частотны предложения с препозицией приглагольного существительного в винительном падеже: *На хирургическое вмешательство медики не решились.*

В начало высказывания может выноситься согласованное определение: *Артистка выглядела царственно. Удачны были и массивные серьги.*

Возможна препозиция определяемого слова по отношению к согласованному определению: *Борьба эта будет долгой и непростой.*

Характерны конструкции с нарушением порядка слов вопросительного предложения: *Стартовый комплекс. Пускать ракету откуда?*

В результате инверсии может разрываться количественно-именное словосочетание: *Много есть вопросов.*

При помощи инверсии делается логическое ударение на наиболее важных в смысловом отношении элементах высказывания.

6. Встречаются в газетах **конструкции с двойным подлежащим**. Высказывание расчленяется на две грамматически самостоятельно оформленные части; одна из его частей оформляется в виде группы именительного падежа, в другой части содержится сообщение относительно денотата, названного этой группой.

Иран и Сербия, они ведь тоже на карту США не занесены. Перед нами – классическая модификация именительного темы. Группа именительного падежа – нераспространенная, не имеет в своем составе глагола.

Возможны конструкции с распространенным подлежащим: *Современные классики, они такие.*

В начале фразы четко задается ее тема, интонационно выделяются существительные, обозначающие предмет речи.

Мы рассмотрели основные типы распространенных в газетных текстах экспрессивных синтаксических конструкций и пришли к выводу о том, что они выполняют следующие функции:

1. Создание комического эффекта, иронической интонации: *А сама пернатая корреспондентка из вороны превратилась в утку. Газетную. Присоединительные конструкции могут служить для передачи иронического отношения: Какой сюрприз: актриса в черном платье. Раз в сотый. Присоединение рассчитано на шокирование адресата: В обеденный перерыв работники владимирской птицефабрики «Центральная» тянутся в буфет. Но не для того, чтобы перекусить – в буфете им выдают зарплату. Курятиной.*

2. Акцентирование.

Инверсивные конструкции: *Наши интерес в том, чтобы газовая труба на Украине функционировала.*

3. Семантическая функция. Некоторые конструкции могут вносить в предложение определенные оттенки семантики. Слова любых категорий образуют сочетания двух слитно произносимых форм: *«Много-много лет назад на «Хруничева» разработали трехместный космический корабль. Эллиптические конструкции иногда служат для передачи интенсивности действия: Пришла домой – и к окну.*

4. «Озвучивание», оживление текста, создание иллюзии живого диалога с читателем: *Поэтому, дамы, если желаете познакомиться, то прямо так и скажите. Как можно яснее. И проще.*

5. Изобразительно-выразительная функция: *Я не нахожу себе места, если дома нет хлеба. Обычного, черного.*

Выявив разновидности экспрессивных синтаксических конструкций, мы проследили специфику их комплексного функционирования в газетной статье.

Статья, к которой мы обратимся, называется *«Казна худеет, но зато – чиновник с новеньким авто»*. Рубрика *«Портрет явления: госзакупки»*. Специфика данной рубрики состоит в том, что она представляет собой подробный разбор актуального на данный момент события, происшествия, явления. Заголовок имеет ярко выраженный оценочный характер. Его особенность – нали-

чие рифмы и четкий ямбический ритм, при помощи чего сразу же задана ироническая направленность статьи. Кроме того, при помощи «тире» фраза членится на две части, интонационно выделяется вторая часть, в которой заключен главный смысл высказывания. Тематика статьи заключается в следующем: «Даже в разгар кризиса госслужащие не собираются отказываться от предметов роскоши. На сайтах госзакупок то и дело мелькают то позолоченные кровати для МВД, то очередной набор шампуров за полмиллиона рублей. И нам по-прежнему есть чему удивляться. Благо бьющая фонтаном фантазия чиновников предоставляет это делать в неограниченном количестве». Статья проникнута «едкой» иронией, переходящей в сарказм. Пафос статьи – негодование по поводу роскошествования госслужащих в ситуации экономического кризиса.

Рассмотрим, как установка автора реализуется в статье при помощи синтаксических средств.

Статья членится на несколько смысловых частей, каждая из которых озаглавлена. Заголовок первой части – *На «Мерседесе» – к гражданскому обществу*. В данном заголовке мы наблюдаем распространенное в газетах явление синтаксической компрессии, когда опускается внутреннее звено высказывания при сохранении крайних. При использовании компрессии возрастает коммуникативно-информативная нагрузка заголовка, он сам по себе является высказыванием. Предполагается гораздо более широкое содержание.

Статья полна экспрессии, эмоций. Автор удивляется, возмущается, не понимает, негодует. Поэтому одна из главных особенностей статьи – обилие риторических вопросов и восклицаний, цель которых – привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон, создать приподнятость: *Медицина Чечни в опасности! Ну как тут в гости не поприслаться?* Риторические восклицания могут передавать различные оттенки чувств, такие как: удивление, шок: *Там приобрели 9 кг свеклы по 3000 рублей за кг!* насмешка, издевка: *1. Очевидная же премия в области экономики! 2. И всего-то за ничего: 14, 9 миллиона!* возмущение: *Без «Мерседеса», значит, никак к этому обществу не продрагаться!* Риторические вопросы передают невозможность иного хода мысли («а как иначе?»): *1. А что еще нам*

оставалось думать, когда мы обнаружили на сайте госзаказов этой республики заявку об аукционе на покупку бронированного лексуса? 2. Ну как тут в гости не напроситься? Такие вопросы имеют характер утверждения. Иную функцию риторические вопросы выполняют в выводе. *Так был кризис или не был?* - риторический вопрос акцентирует внимание читателя, призывает подвести итог и задуматься вместе с автором.

Крайнее напряжение чувств передается на письме посредством совместного употребления вопросов и восклицаний: *Куда смотрел Нобелевский комитет?!!*

Негодующий пафос оттенен иронией. Иронической интонацией окрашен игривый вопрос к читателю: *Вот если бы он слушался, наши руководители в первую очередь отказались бы то всего дорогого, правда?..* Усиливает эффект фигура умолчания на конце, которая предполагает недосказанность, скрытый смысл, который тем не менее понятен читателю. Часто риторическое восклицание оформляется совместно с фигурой умолчания, которая усиливает эффект и вносит дополнительные оттенки смысла: *Причем о безопасности своих тел озаботился...территориальный Фонд обязательного медицинского страхования (ФОМС)!* Автор как бы замолкает на некоторое время, чтобы впоследствии сильнее удивить, шокировать читателя, произвести впечатление. Интонация удивления передана посредством восклицания.

Фигуры умолчания в данном тексте частотны. С их помощью передается интонация 1) раздумчивости: *Бюджет Екатеринбурга значительно сократился, урезаны многие статьи расходов...* 2) растерянности: *Вон оно как, а мы-то считали университетских работников бедными бюджетниками...* Могут встречаться в середине фразы: *Мы стремимся...помочь сформировать такие гражданские качества, которые ценны в условиях продвижения нашей страны к социальному государству и гражданскому обществу.* В данном случае многоточие помогает создать иллюзию спонтанного речепорождения, раздумья (реплика из прямой речи).

Текст характеризуется стилизацией разговорной речи, на которую работает ряд определенных синтаксических средств. Как известно, под влиянием тенденции к экономии речевых усилий

в разговорной речи происходит усечение заведомо известных компонентов, чаще всего в диалогах. Опускаются необходимые в грамматическом, но избыточные в смысловом отношении компоненты. В газетном тексте такие конструкции передают лаконизм и сжатость разговорной речи: *И всего-то за ничего: 14, 9 миллиона!* В результате синтаксической компрессии фраза становится динамичной, эмоционально напряженной: *С птицей – то же самое.* Опущен глагол – сказуемое. Может отсутствовать и подлежащее: *Развесил плакаты, на которых жирными буквами известил, что кризис побежден, и все – нет больше кризиса.* Частотны восклицательные конструкции с синтаксической компрессией типа *Но ни слова о марке!* они также имитируют разговорную речь.

Интересен в этом отношении диалог, в котором автор дословно воспроизводит особенности устной речи. С точностью передана специфика ответных реплик:

-Да вот закупкой интересуюсь. Какое авто надо?

-Всякое, которое подойдет под описание...

-Но марки-то нет! Любой автомобиль, удовлетворяющий указанным требованиям...

Эмоциональность живой речи привносят конструкции с междометиями: *М-да, не вышло научного открытия...*

Автор имитирует ход мысли при спонтанной речи, когда говорящий «случайно вспоминает» о чем-либо, не присутствующем в первоначальных коммуникативных установках: 1. *Кстати, про ухабы...* 2. *Кстати, о ремонте «дешевых» отечественных авто...* Возникает иллюзия свободного, живого течения мысли.

Свободное речепорождение имитируют присоединительные конструкции, которые строятся на основе ассоциативного присоединения компонентов: *Петербургский психоневрологический диспансер № 2 в августе решил купить для своих пациентов 100 зимних шапок. Да не простых, а почти золотых, норковых и песцовых.*

Таким образом, в тексте важную роль играет человеческий фактор. Статья направлена на сближение с читателем, что проявляется на всех уровнях языковой системы, в том числе и на синтаксическом. Синтаксис статьи экспрессивен, характеризуется стилизацией разговорной речи. При чтении у читателя возникает чувство, что он слышит живую речь. Реализации данной

установки автора служит комплекс средств экспрессивного синтаксиса, который составляют фигуры книжно-поэтического синтаксиса (риторические вопросы и восклицания, фигура умолчания и др.) и разговорные конструкции, которые в своей структуре воспроизводят особенности устной речи (эмоциональность, динамичность, сжатость, лаконичность, сегментированность): присоединительные конструкции, синтаксическая компрессия, неполные предложения, конструкции с повторами, с междометиями и др.

Литература

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М., 2001.

Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы изучения. – М., 2006.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 2003.

© Ваулина И.А., 2010

Е.М. Велижанина
Екатеринбург

Картина видения сакрально-религиозного теататива «сердце, душа, дух (*das herz, die seele, der geist*)» в притчевом дискурсе Нового Завета

Ключевые слова: сопоставительный подход, притчевый дискурс, языковая картина мира.

Проанализировав притчевый дискурс Нового завета, мы пришли к выводу о том, что категория «*сердце, душа, дух (das Herz, die Seele, der Geist)*» в текстах притч выступает в качестве сакрально-религиозного теататива [Марова 2006: 500]. Под **сакрально-религиозным театативом** мы понимаем семантическую сферу сакрально-религиозной интерпретации притчевого текста, организующую духовно-ценностную картину видения рассматриваемого текстового объекта. Проведенный анализ также показал, что «*сердце, душа, дух (das Herz, die Seele, der Geist)*» обуславливает формирование в притчевом дискурсе особой *картины видения* [Марова 1989], под которой мы понимаем

некий образ окружающего мира, отраженного в тексте и зависящий от точки видения интерпретатора. Картина видения, создаваемая сакрально-религиозным театативом «*сердце, душа, дух (das Herz, die Seele, der Geist)*» в притчевом дискурсе Нового Завета, представлена тремя компонентами – пространственным, временным и духовным.

Подвергая **пространственный** компонент картины видения более глубокому анализу, отметим, что он складывается из пяти моментов: описания места действия, акустических, визуальных, температурных и световых характеристик.

Описание места нахождения души в притчевом дискурсе образован тремя оппозициями. Первую оппозицию образуют два принципиально отличающихся друг от друга пространства – это ад, место, куда попадает душа грешника, и рай, место, куда попадает душа праведника.

Пространство ада состоит из тех мест, где пребывает душа человека после смерти, который вел бездуховный образ жизни: «*in Bündel*» («в связки»), «*in den Feuerofen*» («в печь огненную»), «*werfen sie weg*» («выбросите вон»), «*werft in den Finsternis hinaus*» («выбросьте в тьму внешнюю»), «*in das ewige Feuer*» («в огонь вечный»), «*zur ewigen Strafe*» («в муку вечную»), «*in der Hölle*» («И в аде, будучи в муках»), «*an diesen Ort der Qual*» («в это место мучения»), «*ins Feuer*» («в огонь»), «*in die Grube*» («в яму»), «*und du wirst gepeinigt*» («а ты страдаешь»), «*ein böses Ende*» («злая смерть»), «*und er wird ihn in Stücke hauen lassen und ihm sein Teil geben bei den Heuchlern*» («и подвергнет его одной участи с лицемерами»), «*und wird ihn in Stücke hauen lassen und wird ihm sein Teil geben bei den Ungläubigen*» («подвергнет его одной участи с неверными»), «*sie müssen brennen*» («они сгорают»). Подавляющее большинство этих лексем носит негативный характер. Характер этого пространства определяется также акустическими («*Heulen und Zähneklappern*» («плач и скрежет зубов»)) и тактильными характеристиками («*Pein in diesen Flammen*» («мучаюсь в пламени сем»)).

Пространство рая создает ощущение блаженства («*wird er selig werden*» («*тот спасется*»)), «*das Leben und volle Genüge*» («жизнь с избытком»)), спокойствия («*wird er hier getröstet*» («же он здесь утешается»)) и представлено разнообразными

лексемами: «in meine Scheune» («в житницу мою»), «in ihrers Vaters Reich» («в Царстве Отца их»), «in Gefäße» («в сосуды»), «ins Reich Gottes» («в Царствие Божие»), «geh hinein zu deines Herrn Freude» («войди в радость господина твоего»), «ererbst das Reich» («наследуйте Царство»), «in das ewige Leben» («в жизнь вечную»), «in die ewigen Hütten» («в вечные обители»), «in Abrahams Schoß» («на лоно Авраамово»), «in seinem Schoß» («на лоне его»), «wenn ihr sehen werdet Abraham, Isaak und Jakob und alle Propheten im Reich Gottes» («когда увидите Авраама, Исаака и Иакова и всех пророков в Царствие Божием»), «Weide finden» («пажить найдет»).

Вторую оппозицию создают два других контрастирующих пространства – внешнее, в котором находится человек, и внутреннее пространство его духовного мира. Внешнее пространство представлено многочисленными лексемами: «auf seinem Acker» («на поле своем»), «ins Meer» («в море»), «zu Füßen» («кланяясь»), «in seinen Weinberg» («в виноградник свой»), «auf dem Markt» («на торжище»), «im Weinberg» («в винограднике моем»), «an sein Geschäft» («на торговлю»), «auf die Straßen» («на распутья», «на дороги»), «gingen hinaus, dem Bräutigam entgegen» («вышли навстречу жениху»), «gingen ihm hinein zur Hochzeit» («готовые вошли с ним на брачный пир»), «vor ihm versammelt werden» («соберут перед ним все народы»), «zu seiner Rechten» («по правую свою сторону»), «zu Linken» («по левую»), «der ging von Jerusalem hinab nach Jericho» («шел из Иерусалима в Иерихон»), «dieselbe Straße» («тою дорогою»), «zu der Stelle» («на том месте»), «auf sein Tier und brachte ihn in eine Herberge» («и посадив его на своего осла, привез его в гостиницу»), «obenan» («на первое место»), «untenan» («последнее место»), «von Osten und von Westen» («от востока и запада»), «von Norden und von Süden» («от севера и юга»), «auf die Strassen und Gassen der Stadt» («по улицам и переулкам города»), «die Landstraßen und die Zäune» («по дорогам и изгородям»), «zu Bett» («на постели»), «in seinem Weinberg» («в винограднике своем»), «in ein fernes Land» («в дальнюю сторону»), «dort» («там»), «noch weit entfernt» («еще далеко»), «auf dem Feld» («на поле»), «nahe zum Hause» («когда приблизился к дому»), «in ihre Häuser» («в дома свои»), «dieser Welt» («века сего»), «die Kinder

des Lichts» («сыны света»), *«lag vor seiner Tür*» («лежал у его ворот»), *«in derselben Stadt*» («том же городе»), *«hinauf in den Tempel*» («в храм»), *«stand ferne*» («стоя вдали»), *«auf den Bergen*» («в горах»), *«in der Wüste*» («в пустыне»), *«auf die Schultern*» («на плечи»), *«im Hause*» («в доме»), *«auf einen Krieg*» («на войну»), *«die auf dem Markt*» («на улице»), *«draußen zu stehen und an die Tür zu klopfen*» («стоя вне, станете стучать в двери»).

Внутренне пространство выражено меньшим количеством лексем: *«im Geringsten*» («в малом»), *«in seinem Herzen*» («в сердце своем»), *«im Hunger*» («от голода»).

Третью оппозицию создают земное и небесное пространство. Земное пространство представлено лексемами, образующие внешнее пространство (см. выше). Небесное пространство представлено, соответственно, представлено лексемами, формирующие пространство ада и рая (см. выше).

Акустическая и визуальная составляющие пространственного компонента картины видения носят полярный характер, который проявляется в том, что некоторые лексемы с семантикой восприятия имеют положительный, а некоторые – отрицательный характер. Например, семантика положительного восприятия описывается лексемами с семантикой способности восприятия *«wer diese meine Rede hört und tut*» («всякий, кто слушает слова Мои сии и исполняет их»), *«hörte er Singen und Tanzen*» («услышал пение и ликование»); лексемами с отрицательной семантикой, передающими неспособность восприятия, являются следующие: *«Hören sie Mose und die Propheten nicht*» («если Моисея и пророков не слушают»), *«Und wer diese meine Rede hört und tut sie nicht*» («А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их»), *«Was siehst du aber den Splitter in deines Bruders Auge und nimmst nicht wahr den Balken in deinem Auge*» («И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?»). Кроме того, визуальная характеристика проявляется в лексеме *«das Auge*» («глаз», «око»).

Температурная характеристика представлена одной лексемой: *«und mir die Zunge kühle*» («прохладил язык мой»).

В притчевом дискурсе мы обнаруживаем **световые характеристики**, которые выражают противопоставленные семантики: с одной стороны, представлены лексемы с семантикой сия-

ния, света: «*licht*» («*светло*»), «*das Licht*» («*свет*»), «*das Licht erleuchtet mit hellem Schein*» («*светильник освещал сиянием*»); с другой – лексемы с семантикой тьмы: «*die Finsternis*» («*тьма*»), «*finstern*» («*темно*»). Таким образом, мы можем выделить четвертую оппозицию пространственного компонента – это оппозиция «свет – тьма».

Временной компонент картины видения создается лексемами с разнообразной семантикой, например, семантикой неопределенности: «*später*» («*после*»), «*nicht lange danach*» («*по прошествии немногих дней*»), «*zur rechten Zeit*» («*в своё время*», «*во времена свои*», «*вовремя*»), «*zu welcher Stunde*» («*в какую стражу*», «*в который час*»), «*denn wißt ihr weder Tag noch Stinde*» («*потому что не знаете ни дня, ни часа*»); продолжительности: «*allezeit*», «*alle Tage*», «*Tag und Nacht*» («*день и ночь*»), «*so viele Jahre*» («*столько лет*»), «*für viele Jahre*» («*на многие годы*»), «*die wir des Tages Last und Hitze getragen haben*» («*перенесших тягость дня и зной*»); ближайшего будущего: «*diese Nacht*» («*в сию ночь*»), «*noch dies Jahr*» («*на этом год*»), «*am nächsten Tag*» («*а на другой день*»); регулярности: «*zwei mal in der Woche*» («*два раза в неделю*»); мгновенности: «*sogleich*» («*мгновенно*»), «*gleich*» («*скоро*»); настоящего: «*jetzt*» («*уже*»), «*um Mitternacht*» («*в полночь*»), «*heute*» («*сегодня*»), «*nun*» («*ныне*»); ограниченности: «*nur eine Stunde*»; последовательности событий: «*eher*» («*прежде*»), «*zuvor*» («*прежде*»), «*zuerst*» («*прежде*»), «*dann*» («*тогда*»), «*danach*» («*потом*», «*тогда*»); одновременности: «*solange*» («*пока*»).

Отличительной особенностью картины видения сакрально-религиозного театра «*сердце, душа, дух*» («*das Herz, die Seele, der Geist*») являются временные маркеры, указывающие на вечность. Как отмечает Ю.Д. Тильман, душа имеет соответственно временную и вневременную локализации, что восходит к религиозным представлениям о душе, согласно которым душа приходит из «потока», то есть из мира, где нет ни времени, ни пространства [Тильман 1999: 203-212].

Духовный компонент картины видения ориентирован на выражение семантической оппозиции «праведный – неправедный», которая противопоставляется друг другу в трех планах: 1) по их отношению к людям, 2) по отношению к материальному, 3) по отношению к душе, 4) по состоянию духовного опыта, 5)

по чертам характера и умственным способностям, б) по способности к покаянию.

При характеристике отношения праведного к окружающим актуализируется семантика положительного, духовного, что выражено в стремлении человека к добру, к помощи и состраданию («*Denn ich bin hungrig gewesen, und ihr habt mir zu essen gegeben*» («ибо алкал Я, и вы дал Мне есть»)), «*Ein Samariter aber, der auf der Reise war, kam dahin; und als er ihn sah, jammerte er ihn; und er ging zu ihm, goß Öl und Wein auf seine Wunden und verband sie ihm, hob ihn auf sein Tier und brachte ihn in eine Herberge und pflegte ihn*» («Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем»)), в то время как описание отношения неправедного человека к окружающим обнаруживает семантику угнетения, враждебности: «*und er packte und würgte ihn*» («и, схватив его, душил»), «*Denn ich bin hungrig gewesen, und ihr habt mir nicht zu essen gegeben*» («ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть»)), «*Es war ein Mensch, der ging von Jerusalem hinab nach Jericho und fiel unter die Räuber; die zogen ihn aus und schlugen ihn und machten sich davon und ließen ihn halbtot liegen*» («некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым»)).

Обращаясь ко второму плану, отметим, что праведный и неправедный являются полной противоположностью друг другу по отношению к материальному. Главная цель неправедного – богатство: «*er verschleudere ihm seinen Besitz*» («что расточает его имение»), «*und dort brachte er sein Erbteil durch mit Prassen*» («и там расточил имение свое, живя распутно»), «*Es war aber ein reicher Mann, der kleidete sich in Purpur und kostbares Leinen*» («Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон»). Неправедный человек стремится скрыть свои духовные недостатки внешними атрибутами богатства – дорогой одеждой и украшениями.

Таким образом, неправедный человек со своим богатством погружен в материальный мир, отягощен своей собственностью и, по сути, несвободен. Его система ценностей ориентирована на

понятие «Иметь». Праведный человек, в отличие от неправедного, обладает истинным бытием и истинной духовной свободой. Он сохраняет стойкость духа, несмотря на попытки соблазна сломить, подчинить его себе. Его образ жизни и мышления противостоит образу жизни и мышления неправедного и обнаруживает связь с понятием «Быть». Не принимая явно ни позиции праведного, ни позиции неправедного, Интерпретатор предлагает читателю самому сделать выбор, а неправедный человек в данном случае выступает необходимым средством создания этого выбора.

Обратимся к следующему аспекту сравнения праведного и неправедного – отношению к душе. Наиболее ярко это проявляется в притче «О безумном богаче», в которой описывается отношения неправедного человека к своей душе: *«ich will meine Scheunen abbrechen und größere bauen, und will darin sammeln all mein Korn und meine Vorräte und will sagen zu meiner Seele: Liebe Seele, du hast einen großen Vorrat für viele Jahre; habe nun Ruhe, iß, trink und habe guten Mut!»* («что мне делать? некуда мне собрать плодов моих»). И сказал: «вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и всё добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись»). Праведный человек, напротив, стремится к духовному совершенствованию, развитию, что выражено в следующих лексемах: *«vollkommen»* («усовершенствоваться»), *«die Frucht bringt»* («приносящая плод»), *«Selig sind die Knechte, die der Herr, wenn er kommt, wachend findet»* («Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдёт бодрствующими»), *«überschlägt die Kosten»* («вычислит издержки»).

Перейдем к описанию праведного и неправедного в аспекте сравнения духовного опыта. Описание духовного опыта праведного и неправедного в текстах притч является положительным и отрицательным. Это выражается в употреблении в немецком языке прилагательного в функции предикатива: *«Aber fünf von ihnen waren töricht, und fünf waren klug»* («Из них пять было мудрых и пять неразумных»).

Описание свойств характера и умственной способности праведного выражено положительной семантикой: *«du tüchtiger und*

treuer Knecht) («добрый и верный раб!»), «*einer kluge Mann, der sein Haus auf Fels baute*» («муж благоразумный, который построил дом свой на камне»), несправедного – отрицательной семантикой: «*Du böser und fauler Knecht!*» («лукавый раб и ленивый!»), «*einer törichte Mann, der sein Haus auf Sand baute*» («человек безрассудный, который построил дом свой на песке»). Праведный человек, осознающий сущность своего бытия, даже наедине с Богом, с самим собой, ведет себя смиренно, кротко: «*Der Zöllner aber stand ferne, wollte auch die Augen nicht aufheben zum Himmel, sondern schlug an seine Brust und sprach: Gott, sei mir Sünder gnädig!*» («Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: «Боже! будь милостив ко мне, грешнику!»). Неправедный человек, напротив, считает себя выше других: «*Ich danke dir, Gott, daß ich nicht bin wie die andern Leute, Räuber, Betrüger, Ehebrecher oder auch wie dieser Zöllner. Ich faste zweimal in der Woche und gebe den Zehnten von allem, was ich einnehme*» («Фарисей, став, молился сам в себе так: «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: Поощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю»).

Рассмотрим еще один аспект, по которому представлено отношение праведного и неправедного к покаянию: праведный описывается как человек, способный к покаянию: «*der Buße tut*» («кающийся»), неправедный же, напротив, не осознает данного состояния («*die der Buße nicht bedürfen*» («не имеющие нужды в покаянии»)).

Следует отметить, что временной компонент картины видения в притчевом дискурсе обнаруживает тесную связь с **духовным**. Это проявляется в том, что показатели времени выступают средством описания изменений духовного состояния человеческой души, например: «*Er antwortete aber und sprach: Nein, ich will nicht. Danach reute es ihn, und er ging hin*» («Но он сказал в ответ: «не хочу»; а после, раскаявшись, пошел»). Употребление наречия «*danach*» («после») указывает на изменившееся состояние души человека.

Подводя итог описанию картины видения, создаваемой сакрально-религиозным театативом «*сердце, душа, дух (das Herz,*

die Seele, der Geist)» в притчевом дискурсе Нового Завета, отметим, что вне зависимости от языка текстов притч, картина видения обнаруживает общие универсальные черты.

Литература

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе. Перепечатано с Синодального издания. – Объединенные Библейские Общества, 1993.

Тильман Ю.Д. «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф.И. Тютчева // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.

Марова Н.Д. Диалоги о перспективе текста. – Алма-Ата, 1989.

Марова Н.Д. Парадигмы интерпретации текста. – Екатеринбург, 2006. – Ч. 1.

Die Luther-Bibel von 1984. – URL: <http://www.die-bibel.de/online-bibeln/luther-bibel-1984/ueber-die-lutherbibel/> (дата обращения: 12.01.2010).

© Велижанина Е.М., 2010

Т.В. Гоголина, Е.С. Ибраимова
Екатеринбург

Изучение грамматических явлений методом психолингвистического эксперимента (на материале коммуникем со значением сомнительности)

Ключевые слова: коммуникема, категория сомнительности, актуальные для говорящего смыслы, психолингвистический эксперимент.

Одним из эффективных методов изучения языка как феномена, обуславливающего развитие и компетенцию языковой личности, является психолингвистический эксперимент, который основывается на показаниях языкового сознания респондентов. Наибольшей востребованностью в этом плане обладают методы свободного и направленного ассоциативного эксперимента, которые можно использовать при изучении разных уровней языковой компетенции говорящих, в том числе и грамматического.

К числу грамматических явлений, использующихся в разговорной речи, относятся коммуникемы, которые позволяют охарактеризовать особенности межличностного общения современных носителей русского языка. Специальным предметом разработанного нами экспериментального исследования стала специфика функционирования в разговорной речи коммуникем со значением сомнительности. В качестве базового нами использовался метод направленного ассоциативного эксперимента с применением методик идентификации, дополнения и прямого толкования субъективных дефиниций.

Опираясь на определение В.Ю. Меликяна, мы понимаем под коммуникемой разновидность нечленимого предложения, характеризующуюся экспрессивностью, выражающую субъективное отношение говорящего к предмету речи, выполняющую в языке прагматические функции [Меликян 2001а: 7].

Под сомнительностью мы понимаем состояние неуверенности говорящего в истинности, достоверности пропозиции, основанное на достаточности или недостаточности знаний субъекта речи (говорящего) о предмете речи. В основе данного значения лежит выражение говорящим сомнения в отношении того или иного факта действительности.

Обратившись к словарю В.Ю. Меликяна «Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи», мы определили состав коммуникем со значением сомнительности, зафиксированных в данном словаре [Меликян 2001б]. Их состав ограничен.

При постановке эксперимента нами была выдвинута гипотеза относительно того, что состав коммуникем со значением сомнительности постоянно пополняется, причем это происходит по стандартным моделям, описанным лингвистами, в том числе В.Ю. Меликяном [Меликян 1999]., употребление коммуникем в разговорной речи имеет возрастные различия и зависит от степени образованности носителей языка, в частности существуют отличия функционирования коммуникем в речи школьников и студентов.

В качестве респондентов были выбраны три группы: 1) учащиеся восьмых классов МОУ СОШ № 146 (Екатеринбург); 2) студенты первого курса института филологии, культурологи и межкультурной коммуникации УрГПУ, студенты первого курса ФЭУ УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; 3)

студенты четвертого курса института филологии, культурологи и межкультурной коммуникации УрГПУ, студенты четвертого курса ТЭУ УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. В каждой группе по шестьдесят человек.

Для проведения эксперимента были подготовлены анкеты со следующими заданиями: 1) замените слова в предлагаемых ответных репликах-реакциях на максимально короткие высказывания с тем же значением; 2) продолжите ряд максимально короткими выражениями, имеющими то же значение; 3) сравните ответы в предлагаемой речевой ситуации, определите значение ответной реплики, замените ответ максимально коротким синонимичным высказыванием. Мы выбрали для эксперимента коммуникемы, построенные по разным моделям (частицы, междометия, вводные слова, фразеологизированные сочетания и предложения и др.) и с различными оттенками значения сомнительности.

Обработка полученных реакций.

а) с применением методики идентификации:

Коммуникема **вряд ли**.

Первая группа: Ядерной (по частотности) является реплика-реакция *хз(17)* [далее данная зона обозначается: Ядро].

В зоне ближней периферии оказались реакции: *наверное(11), может быть(10), не знаю(9)* [далее – Ближняя периферия].

В зоне дальней периферии представлены реакции: *возможно(5), сомневаюсь(3), не вариант(3), нууу...(3), посмотрим(3), да неет(2), не думаю(2), <да> ну нах(2), подумаю(2), ты что шутишь?, да по барабану, не знаю - не знаю, хрена ли, тау ве, едва ли, неизвестно* [далее – Дальняя периферия].

Вторая группа: Ядро – реплика-реакция: *скорее <всего> нет(26)*

Ближняя периферия – реакции: *наверное, нет(21), сомневаюсь(16)*

Дальняя периферия – реакции: *может быть(11), не знаю(10), наверное(8), не уверен(а)(7), возможно(5), вряд ли(4), маловероятно(4), не факт(3), неа...(3), не думаю(2), нафиг надо...(2), да нет(2), едва ли(2), не точно(2), щас, возможно нет, под сомнением, все возможно, видно будет, думаю нет, Бог знает, вернее всего нет, вероятно, очень может быть, с*

чего бы это?, зачем?, нифига, должно быть, посмотрим, как знать, сомнения одолевают меня, все может быть, хз, сомнительно, как карта ляжет

Третья группа: Ядро – реплика-реакция скорее <всего> нет (36)

Ближняя периферия – реакции: наверное <нет>(17), может быть(14)

Дальняя периферия – реакции: не знаю(11), не факт(11), сомневаюсь (9), едва ли (7), не думаю (7), возможно (6), не уверен (5), кто его знает (4), маловероятно (4), <да> ну (4), хрен знает (3), посмотрим (3), навряд ли (3), хз (2), не решил (2), черт знает (2), сомнительно, вероятно да, думаю нет, нет вроде, думаешь?, думаю..., Бог знает, конечно..., под сомнением, нифига, нужно подумать, как знать, обломно, вот еще, нафиг, не-а, ну и что....

Коммуникема как знать.

Первая группа: Ядро – реплика-реакция: кто (фиг, хрен, черт) знает(20).

Ближняя периферия – реакции: не знаю(16), хз(13).

Дальняя периферия – реакции: наверное(7), <все> может быть(6), без понятия(4), <дооо> конечно(3), наверняка(2), не факт(2), как сказать, нуу..., скорее всего, неизвестно, будет видно, ха!, посмотрим, эээ..., надеюсь, спроси что полегче, бывает, сомневаюсь, вроде, вряд ли, как получится

Вторая группа: Ядро – реплика-реакция может быть (19)

Ближняя периферия – реакции: не знаю (14), возможно (11), кто знает (11)

Дальняя периферия – реакции: <да> фиг знает (7), хз (5), наверное (4), как сказать (4), черт знает (3), не уверен (3), хм...(2), может (2), все возможно (2), без понятия (2), нуу...(2), вряд ли (2), не факт (2), все может быть (2), наверное, но не точно, быть может, мгу..., наверное, нет, не знаю – не знаю, хрен знает, время покажет, надейся, скорее всего, скорее всего да, скорее всего, нет, ага..., нельзя быть уверенным на 100 %, Бог знает, одному Богу известно, сомнительно, понятия не имею, будем надеяться, неизвестно

Третья группа: Ядро – реплика-реакция: не знаю (19)

Ближняя периферия – реакции: возможно (16), кто знает

(14), может быть (11)

Дальняя периферия – реакции: надеюсь (6), неизвестно (6), посмотрим (5), фиг знает(4), без понятия (4), наверное (4), не знаю-не знаю (3), черт знает (3), не уверена (3), увидим (3), <вскоре> узнаем (2), Бог знает (2), хз (2), понятия не имею (2), как сказать (2), думаю да (2), не факт (2), я что знаю? (2), это как посмотреть, видно будет, Бог рассудит, увы и ах, и не спрашивай, не могу знать, думаешь?, сомневаюсь, ну так..., да-да-да, подумаем, вероятно, надо подумать, дай Бог, я тебе не Пушкин, хрен поймешь, жизнь коротка, самой бы знать, это в сфере неразгаданного, непонятно, неведомо, неизвестно, I don't know, may be, как же иначе.

Коммуникема **разве?**

Первая группа: Ядро – реплика-реакция не знаю(9).

Ближняя периферия – реакции: да?(7), хз(5).

Дальняя периферия – реакции: думаешь?(3), как <так>?(3), с чего?(3), неужели?(2), наверное(2), <ну> конечно(2), правда?(2), не думаю, реально?, фиг знает, да ты гонишь что ли?, нуу..., возможно, да ладно?, ага?, да нее, бывает, в натуре?, да ты что?

Вторая группа: Ядро – реплика-реакция <да> неужели? (16)

Ближняя периферия – реакции: да ну? (7), да? (7)

Дальняя периферия – реакции: да ладно? (6), правда? (6), думаешь? (6), с чего это? (4), серьезно? (3), почему? (2), почему это? (2), ты так думаешь? (2), уверен? (2), как так? (2), ты чё? (2), с точки зрения двухгранного угла возможно, не думаю, офигел?, с фига ли?, может быть, в натуре?, да конечно

Третья группа: Ядро – реплика-реакция <да> неужели? (12)

Ближняя периферия – реакции: <да> ну? (8), думаешь? (8), почему? (8)

Дальняя периферия – реакции: правда? (6), уверен? (4), серьезно? (4), <да> ладно? (4), <да> конечно (4), <да> ага? (3), реально? (3), не может быть (3), как так? (2), да? (2), отчего же? (2), с чего ты взял? (2), ну сейчас <шас> же (2), такое возможно? (2), с какой стати?, чё охренел?, фига-с два, не думаю, гонишь, нифига, сомневаюсь, неправда..., ну-ну, ты так считаешь?, чё?, точно?, полагаете?

Коммуникема <да> **фиг (бог, черт) знает**

Первая группа: Ядро – реплика-реакция хз(25).

Ближняя периферия – реакции: *хрен знает(15), не знаю(11), кто знает(10)*

Дальняя периферия – реакции: *без понятия(6), наверное(3), неуверен(3), возможно(2), пятьдесят на пятьдесят, может быть, ага, конечно, рыжий знает, пес знает, шут знает, как знать, неизвестно, да?*

Вторая группа: Ядро – реплика-реакция *кто знает(24)*

Ближняя периферия – реакции: *не знаю (16), хрен знает (13), хз (10)*

Дальняя периферия – реакции: *без понятия (5), возможно (4), может быть (3), как знать (3), хм...(2), не факт, серьезно?, упал что ли?, Аня знает, говорят..., Вася знает, не исключено, как сказать, не ясно, хотелось бы..., вряд ли, мужской половой орган знает, вроде нет, делов не знаю, бес его знает, не уверен, одному Богу известно, скорее всего, неизвестно, надеюсь, что нет*

Третья группа: Ядро – реплика-реакция *не знаю (30)*

Ближняя периферия – реакции: *кто знает (18), хз (15)*

Дальняя периферия – реакции: *без понятия (9), хрен знает (7), неизвестно (7), никто не знает (5), а я откуда знаю? (5), Путин знает (2), не имею представления (2), понятия не имею (2), Пушкин знает (2), скорее всего (2), непонятно (2), шут знает (2), сомневаюсь, наверное, не исключено, друид ведает, пес знает, не в курсе, одному Богу известно, не уверен, Вася знает, дед знает, у?, ы?, это тайна, вилами на воде писано, бабка на двоє сказала, говорят..., полная неизвестность, Папа Римский знает, дай Бог, это дальняя граница моей эрудиции, леший знает, не в курсе, самой бы знать, ёж в тумане, может быть*

Коммуникаема **как сказать**

Первая группа: Ядро – реплика-реакция *нууу...(12)*

Ближняя периферия – реакции: *не знаю(6).*

Дальняя периферия – реакции: *наверное(4), возможно(2), да как бы(2), хз(2), конечно(2), да неет, хрен знает, фиг знает, да ну тебя, ну не знаю, может быть, эмм..., сложно сказать.*

Вторая группа: Ядро – реплика-реакция *может быть (7), ну...(7)*

Ближняя периферия – реакции: *не совсем (5), не знаю (5),*

возможно (4)

Дальняя периферия – реакции: *вряд ли (3), не знаю – не знаю (2), смотря с какой стороны посмотреть (2), есть немного..., не уверен, в чем-то да, в чем-то нет, не все 100 %, хотя..., скорее нет, да нет, в принципе..., ну знаешь..., фиг знает, с одной стороны да, с другой – нет, кто знает, ага..., как бы да, ты знаешь..., отчасти..., в какой-то степени да, в какой-то нет, хз, относительно, фифти-фифти, наверное, черт знает*

Третья группа: Ядро – реплика-реакция не совсем (20)

Ближняя периферия – реакции: нет

Дальняя периферия – реакции: *ну...(6), не уверен (4), не знаю (3), как знать (2), с какой стороны посмотреть (2), вряд ли (2), сомневаюсь (2), не очень (2), возможно (2), может быть (2), <должна> надо подумать (2), подвох..., остались сомнения, ну-ну, не знаю точно, ммм..., стоит еще раз проверить, так себе, вполне, возможно да - возможно нет, кто сказал?, с чего это?, фи знает, ты как думаешь?, щас..., более или менее, не то что бы..., спорный вопрос..., воздержусь..., фифти-фифти, и да и нет, скорее да*

Коммуникаема **ах, даже так...**

Первая группа: Ядро – реплика-реакция *а, вот <оно> как...(8)*

Ближняя периферия – реакции: *ах, ты так...(4)*

Дальняя периферия – реакции: *да ну?(3), еще что(3), хз(3), неужели?(3), ага?(2), но-но(2), ну нифига(2), вау(2), можно и так(1), них...(1), вот оно что(1), что правда?(1), допустим(1), да?(1), опа!(1), ладно-ладно(1), ну ты совсем(1), да так(1), фиг знает как(1), в натуре?(1), мда уж(1), ну пипец(1), офигеть(1)*

Вторая группа: Ядро – реплика-реакция *вот как...(11)*

Ближняя периферия – реакции: *значит так (6), нифига себе (5)*

Дальняя периферия – реакции: *вот оно как (4), ничего себе (4), ого-го (3), агааа...(3), ммм...(3), вот оно что (3), ох, ты <как> (2), ох, ни шутя (2), ооо...надо же (2), ниче себе (2), да ты что...(2), да что ты говоришь, ну ты даешь, ну-ну, ооо..., да уж..., серьезно?, вот так..., что?!, правда?, но-но...вы такие, как знать, ну если так, щас, ну конечно, не может быть, но-но, неужели?*

Третья группа: Ядро – реплика-реакция <ах> вот как... (10)

Ближняя периферия – реакции: *ничего себе!* (8)

Дальняя периферия – реакции: *вот так вот...* (5), *неужели?* (4), *вот оно что...*(3), *ого-го* (2), *не может быть!* (2), *ну это вообще...*(2), *ООО...*(2), *ага?* (2), *да ладно?* (2), *ну ты даешь...*(2), *нифига себе!*, *и это правда?*, *ах, так...*, *ууу...*, *чё в натуре?*, *ух, ты...*, *вот оно как...*, *значит, так...*, *нифига...*, *офигенно-офигенно*, *неожиданно*, *серьёзно?*, *честно?*, *так вот значит...*, *типец*, *капец*, *что вы!*, *Боже мой*, *да ну?*, *какого?*, *да ты гонишь?*, *ну-ну*, *да что ты говоришь...*

Коммуникема **знаем мы вас**

Первая группа: Ядро – реплика-реакция <да> конечно(5)

Ближняя периферия – реакции: *знаю тебя*(4), *ну-ну*(4), *ага!*(3), *хз*(3)

Дальняя периферия – реакции: *дооо...*(2), *знаем таких*(2), *гонишь что ли?*, *еще бы*, *но-но*, *рассказывай мне*, *не таких видали*, *кто бы говорил*, *бла-бла-бла*

Вторая группа: Ядро – реплика-реакция *ну-ну* (11)

Ближняя периферия – реакции: *да, вы такие* (5), *да, конечно*(4)

Дальняя периферия – реакции: *конечно...*(3), *плавали – знаем* (2), *все вы такие* (2), *понятно все с вами* (2), *ага...*(2), *но-но* (2), *угу...*, *видели мы вас*, *тоже мне...*, *знаю я таких...*, *ага,ищас...*, *видели – знаем*, *кто бы говорил*, *ясно все с вами*, *в курсе*, *черт вас поймет*, *кто вас знает*, *ах, так...*, *да-да*, *о...какие*, *ой-ой-ой*, *сталкивались...*, *видали таких*, *не таких видали...*, *ой, да ладно!*, *все вы одинаковые!*

Третья группа: Ядро – реплика-реакция *вот вы какие!* (5)

Ближняя периферия – реакции: *видели мы вас* (4), *ну-ну* (4), *но-но* (4)

Дальняя периферия – реакции: *знаем-знаем <вас>* (3), *ага-ага* (3), *все понятно...*(2), *вам не доверяю* (2), *говори-говори* (2), *давайте рассказывайте*, *ладно*, *сказки рассказывать*, *слыхали*, *все вы такие*, *слышали-видели*, *врете*, *батенька*, *плавали-знаем*, *заливай!*, *ну, конечно!*, *ставлю под сомнение*, *вы ещё те...*, *видали виды*, *помним мы вас*, *и не таких видали*, *ты расскажешь...*, *да-да...*, *все с вами ясно*, *все с вами понятно*, *знаю-знаю*

Коммуникема **ой-ли-ли**

Первая группа: Ядро – реплика-реакция *ой-ой-ой*(13)

Ближняя периферия – реакции: *бла-бла-бла*(6)

Дальняя периферия – реакции: *хз*(3), *но-но-но*(3), *ой-ля-ля*(3), *ой, блин...*(3), *тра-ля-ля*(2), *ай-нонэ-нонэ*(2), *опа-на*(2), *очуметь, ой, да ладно, ха-ха-ха, в натуре?, неужели?, Бог с тобой, Господи..., да-да-да, ага-ага, конечно, мда уж, по-любому*

Вторая группа: Ядро – реплика-реакция *ну-ну* (6)

Ближняя периферия – реакции: *ой, да...*(3), *неужели?* (3), *ой-ой-ой* (3)

Дальняя периферия – реакции: *да ты че?* (2), *да вы что?* (2), *ой-ля-ля* (2), *конечно...*(2), *не может быть* (2), *оло-ло* (2), *ля-ля-тополя* (2), *ай-ля-ля* (2), *ага* (2), *да-да-да* (2), *сейчас же, у-у-у, правда?, может-может, ой-на-на, может быть, бу-бу-бу, ой..., ой-ой..., вряд ли, ой-лю-лю, ого, да ладно, хи..., оу...оу, пипец, да-да, не ля-ля, лапшу не вешай, уверен?, не сомневаешься?, точно?, да уж прямо, да ну?, неужто ли?, вряд ли*

Третья группа: Ядро – реплика-реакция *ой-ой-ой* (8)

Ближняя периферия – реакции: *ну-ну* (5), *ой-лю-лю* (4), *ой-ля-ля* (4)

Дальняя периферия – реакции: *да ну...* (3), *ага-ага* (3), *бла-бла-бла* (2), *а-а-а* (2), *неужели?* (2), *ну, конечно* (2), *да ты чё?* (2), *у-ля-ля* (2), *ай-яй-яй, ой, не говори, ого-го, ооо, ц-ц-ц, да прям?, да правда что ли?, так ли?, да?, разве?, нифига себе, гонишь?, тра-та-та, не гони, чё ты гонишь?, вай-вай-вай, да уж..., ой и ах, wa-da-da-dang, увы..., ля-ля-ля, ей-вей, тра-ля-ля, мда..., тютю-тютю, опа-на, ух ты..., ё-моё*

Коммуникема **должно быть...**

Первая группа: Ядро – реплика-реакция *наверное*(13)

Ближняя периферия – реакции: *может быть*(9)

Дальняя периферия – реакции: *скорее всего*(5), *возможно*(5), *по-любому*(3), *хз*(2), *дак да*(2), *не знаю*(2), *надеюсь*(2), *вроде, угук, наверняка, фиг знает*

Вторая группа: Ядро – реплика-реакция *наверное* (17)

Ближняя периферия – реакции: *скорее всего* (15), *возможно* (14), *может быть* (13)

Дальняя периферия – реакции: *наверняка* (4), *видимо* (2), *вероятно* (2), *так-то да..., не исключено, хотя..., видать, может*

быть и так, маловероятно, обязано быть

Третья группа: Ядро – реплика-реакция *возможно* (17)

Ближняя периферия – реакции: *может быть* (16), *скорее всего* (14), *наверное* (11)

Дальняя периферия – реакции: *вероятно* (3), *видимо* (2), *скорее да, чем нет* (2), *ну да...*(2), *быть может* (2), *думаю да, похоже, что так, наверняка, может, скорее, сто пудов?, даже не знаю..., не факт, мб, тау ве*

б) с применением методики прямого толкования:

Коммуникема **вряд ли**

Большинство респондентов определило значение данной коммуникемы как сомнение. Причем многие дали ответ, что эта коммуникема близка к отрицательному ответу. Самыми распространенными синонимичными коммуникемами были следующие: *сомневаюсь, скорее всего нет, нет, наверное нет, не..., навряд ли.*

Коммуникема **должно быть**

Значение данной коммуникемы респонденты определили как сомнение, близкое к уверенности, утверждению. Для замены были предложены следующие синонимичные коммуникемы: *может, скорее да, возможно, скорее всего.*

Коммуникема **черт знает**

Данная коммуникема многими респондентами была отмечена как коммуникема со значением сомнительности, неуверенности, неопределенности, без перевеса в сторону согласия или отрицания. Самыми распространенными синонимами, предложенными для замены данной конструкции, были следующие: *не знаю, видно будет, посмотрим, без понятия, Бог знает, фиг знает.*

Итак, выдвинутая нами гипотеза подтвердилась: состав коммуникем постоянно пополняется, значения коммуникем считаются испытуемыми достаточно чётко, существуют определенные различия в функционировании коммуникем в разных возрастах. Пополнение коммуникем происходит по моделям, представленным В.Ю. Меликяном [Меликян 1999]. Большой пласт составляют коммуникемы, построенные с использованием междометных моделей.

В ходе нашего эксперимента мы пришли к следующим выводам:

1. В разговорной речи употребляются коммуникемы со

значением сомнительности, не зафиксированные в словаре В.Ю. Меликяна: *хз, возможно, наверное, наверняка, да нет, сомневаюсь, пятьдесят на пятьдесят, бла-бла-бла, дооо..., нууу..., не знаю, надеюсь, не факт, бывает, думаешь?, да ладно?, реально? и др.* Мы установили, что пополнение коммуникем происходит по моделям, закреплённым в языке и проанализированным, в частности, в работах В.Ю. Меликяна.

2. Появление некоторых новых коммуникем и изменение значения существующих связано с развитием интернет-языка и общением в ай-си-кью, где стремление к экономии речевых усилий проявляется еще больше, чем в разговорной речи, отсюда такие коммуникемы, как *хз, дооо..., нууу..., бла-бла-бла, ой-ой-ой, но-но, ха-ха-ха, опа-на, да нет.*

3. В речи и студентов, и школьников существует определенное количество коммуникем, при употреблении которых особую роль играют интонация и произношение: *да?, ага?, конечно, но-но, дооо..., нууу...*

4. Некоторые из коммуникем, представленных в словаре, приобрели значение сомнения, неуверенности: *ага?, в натуре?, вроде, да ты гонишь?, неужели?, конечно, может быть, но-но-но, ну-ну-ну, ой-ой-ой, ха-ха-ха, опа-на, ах так...*

5. Коммуникемы заимствуются из других языков *may be, I don't know, wa-da-da-dang.*

6. Существуют определенные различия в употреблении коммуникем в разговорной речи школьников и студентов: студенты, в отличие от школьников, кроме коммуникем, конструкции близкие по структуре к предложению или фразеологизму: *бабка надвое сказала, как карта ляжет, одному Богу известно, это дальняя граница моей эрудиции.* Учащиеся отталкиваются от значения коммуникемы, не всегда воспроизводя предложенные в задании модели. Например, модель коммуникемы *фиг знает* они прочитывают легко, распространенными ответными репликами здесь являются коммуникемы *хрен знает, кто знает*; а самой распространенной реакцией на коммуникему *как сказать* является коммуникема *нууу...,* построенная по другой модели; студенты считают модель гораздо лучше (например, ядра коммуникем *фиг знает, разве?*) Школьники в своих реакциях чаще используют сниженную грубую лексику.

7. Респонденты довольно четко считывают значения коммуникем: результаты третьего задания, где респондентам было предложено выяснить, есть ли разница в значении таких коммуникем, как *вряд ли*, *должно быть* и *черт знает*, – большинство респондентов ответило, что коммуникема *вряд ли* выражает сомнение, близкое к отрицанию, коммуникема *должно быть* – сомнение, близкое к согласию, а коммуникема *черт знает* выражает неопределенность, неуверенность, сомнение.

Итак, 1) состав коммуникем пополняется, а некоторые из них приобретают дополнительное значение; 2) модели остаются, а их лексический состав меняется; 3) пополнение состава коммуникем можно объяснить стремлением говорящего более полно и точно передать информацию и сделать это ярко, оригинально, необычно.

Таким образом, психолингвистический эксперимент можно отнести к наиболее перспективным методам изучения различных грамматических явлений, в том числе и коммуникем, позволяющим выявить актуальные для говорящего смыслы предложенных конструкций, личностные проекции их значений, что соответствует психологической реальности значения проанализированных конструкций в сознании носителей языка.

Литература

Меликян В.Ю. Модели построения нечленимых предложений со значением утверждения/ отрицания. // РЯШ. – 1999. – № 5.

Меликян В.Ю. Об основных типах нечленимых предложений в русском языке. // Филологические науки. – 2001а. – № 6.

Меликян В.Ю. Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М., 2001б.

© Гоголина Т.В., 2010

© Ибраимова Е.С., 2010

О.В. Гурина
Екатеринбург

**Адаптация Гейдельбергского теста речевого развития
для учащихся 5-х классов (субтест «Образование
множественного числа имён существительных»)**

Ключевые слова: психодиагностика речевой способности, грамматический компонент языковой способности, морфологические нормы русского литературного языка.

Цель: определение соответствия/несоответствия знаний учащихся стандарту и нормам русского языка.

Гипотеза: выявление соответствий/несоответствий знаний учащихся возможно при следующих условиях:

- 1) если учащихся мотивировать на предлагаемый результат;
- 2) если учащимся дать точную инструкцию эксперимента;
- 3) если подобрать доступный материал для детей данного возраста.

Для доказательства выдвинутого предположения был проведен субтест: «образование множественного числа имён существительных» в 5 классе Ожгихинской основной общеобразовательной школы в конце учебного года. В данном тесте оценивается, может ли ребёнок выразить семантическое различие единственного или множественного числа имён существительных.

По программе учащиеся 5 класса должны **знать** три склонения имён существительных: изменение существительных по падежам и числам. Существительные, имеющие форму только единственного или только множественного числа; **уметь** правильно образовывать формы именительного (*инженеры, выборы*) и родительного падежей множественного числа (*чулок, мест* и т.д.).

Инструкция для школьников:

Я провожу небольшое исследование, чтобы узнать, как вы усвоили тему «Образование множественного числа имён существительных». Сейчас я вам выдам карточки со словами-существительными в единственном числе (всего 18 слов). Ваша задача списать в столбик слова и образовать от них множественное число существительных. Обозначить ударение.

Задание: от данных существительных образуйте множественное число, обозначьте ударение.

Торт, договор, директор, инженер, герб, столяр, выбор, выговор, офицер, манго, лист, почерк, носок, адрес, зуб, очередь, луг, шёлк.

Критерии оценивания:

Всего даётся 18 слов.

- Полностью правильный ответ – 2 балла.
- За ошибочное употребление ударения – 1 балл.

75 %-100 % – высокий уровень

50 %-75% – хороший уровень

25%-50 % – удовлетворительный уровень

меньше 25% – низкий уровень.

При проведении эксперимента учитывались психофизиологические особенности учащихся. Учащиеся 5-7 классов относятся к подросткам. Подростковый возраст (от 11-12 до 14-15 лет) – возраст, в котором подросток проходит великий путь в своем развитии: через внутренние конфликты с самим собой и другими, через внешние срывы и восхождения он может обрести чувство личности. Как отмечает В.С. Мухина, отрочество при всей сложности психологических взаимодействий с другими людьми и имеет «глубинную привлекательность своей направленности на созидание». Стремление к созиданию проявляется как в поисках новых, продуктивных формах общения, так и в сфере осваивания идей и знаний. Большая часть подростков остро реагирует на свои восприятия, память, речь, мышление и старается придать им блеск и глубину; они переживают радость от общения к познанию, моральные ценности, качества личности (самостоятельность, смелость, воля), также становятся для них объектом самовоспитания. Интенсивно умственно работая и столь же и интенсивно бездельничая, подросток постепенно осознает себя как личность.

Для подростка все большее значение начинает приобретать способность устанавливать максимальное количество смысловых связей в окружающем мире – в системе исторически обусловленной реальности человеческого существования. Он пси-

хологически погружен в реальности предметного мира, образно-знаковых систем, природы и социального пространства.

При обработке данных выяснилось, что все ученики 5 класса могут образовывать форму множественного числа имени существительного. Но некоторые учащиеся столкнулись с трудностями при образовании множественного числа и постановки знака ударения в словах: *договор* (Р.Е., С.Т., А.П.), *директор* (Я.С, Н.В., П.Н.), *выговор* (С.Т., Н.В.), *манго* (П.Н.), *лист* (Р.Е., П.Н.), *почерк* (П.Н.), *адрес* (П.Н.), *луг* (П.Н.), получив при этом ноль баллов. Все обучаемые справились с заданиями в словах *инженер*, *выбор*, *офицер*, *очередь*, некоторые образовали форму множественного числа, но затруднились в постановке ударения (*торт*, *герб*, *столяр*). Все учащиеся написали только одну форму множественного числа у слова *зуб*, не подразумевая о значении слов (*зубы* и *зубья*), *лист* (*листы* и *листья*).

Все морфологические признаки характеризуются тем, что они имеют типизированное формальное выражение — выражаются формообразующими морфемами. Морфологические признаки слов могут выражаться:

1) внутрисловно-формообразующими морфемами самого слова (*герб-гербы*);

2) существительные типа *сани*, у которых как по отношению к одному предмету, так и по отношению к множеству предметов употребляется форма множественного числа (одни *сани* — множество *саней*, *манго* — много *манго*);

3) абстрактные существительные (в меньшей своей части): *мысль* — *мысли*, *звук* — *звуки*;

4) счетные конкретные существительные с формами обоих чисел (*луг* — *луга*, *лист* — *листья*, *листы*),

5) внутрисловное — окончания самого существительного; у существительных, имеющих формы только единственного (*листв-а*) или только множественного числа (*ножниц-ы*).

Дополнительно к этому у некоторых существительных используются следующие приемы:

наращение основы: *лист-•* — *листь-я*. Разные значения одного слова могут иметь разные формы множественного числа, например: *лист-•* — *лист-ы*, *листь-я*.

Причины типичных ошибок следующие:

- неправильная постановка ударения в словах,
- трудность при образовании формы имени существительного.

Всего можно было набрать 36 баллов. Наивысший результат 34 балла (94 %), А.П. – 32 балла (88%), К.С. – 30 баллов (83%), Р.Е., Я.С. – 29 баллов (80%), удовлетворительный уровень у П.Н. – 16 баллов (44%).

ВЫВОДЫ: Неплохие результаты свидетельствуют об усвоении учащимися учебного материала, но чтобы повысить уровень речевого развития детей необходимо:

- включать подобные задания при изучении других тем, лингвистических разминках в начале уроков и т.д.;
- работать над лексическим значением слов и на установление связи между грамматическими формами и лексическим значением;
- давать задания на исправление ошибок, нахождение четвёртого лишнего;
- ведение собственных орфоэпических словариков.

Задание: от данных существительных образуйте множественное число, обозначьте ударение.

Шофёр, крыло, фельдшер, вал, гантели, гнездо, жёрнов, шахтёр, рояль, чернила, тефтели.

Задание: запишите имена существительные, которые имеют форму только множественного числа. Продолжите перечисление: 1) названий орудий, труда, инструментов; 2) названий игр; 3) названий веществ.

1. *Грабли, плоскогубцы*, _____ .

2. *Горелки, жмурки*, _____ .

3. *Дрожжи, чернила*, _____ .

Задание: Прочитайте вслух. Выпишите существительные, которые имеют форму только множественного числа. Обозначьте безударные проверяемые гласные корни.

Алфавит, библиотека, верба, ворота, вьюга, заморозки, инструмент, километр, похороны, портфель, процент, тефтели, тиски, хлопоты, чернила.

© Гурина О.В., 2010

Речевой жанр кулинарного рецепта в текстах СМИ

Ключевые слова: бытовой дискурс, речевой жанр, коммуникативная цель пишущего.

Кулинарный рецепт – один из наиболее часто встречающихся текстов в современном бытовом дискурсе. В наших предыдущих исследованиях мы выделили три основных сферы функционирования кулинарного рецепта: профессиональную, бытовую и «гастрономическую». Рецепты каждой сферы обладают своими характерными особенностями.

Поскольку средства массовой информации отражают все стороны жизни общества, постольку на их страницах широко представлены и кулинарные рецепты. Они могут быть представлены как устно (в теле- и радиопередачах), так и письменно (в газетах и журналах). В данной статье будут рассмотрены только письменную сферу коммуникации (включая интернет-источники).

Кулинарные рецепты в текстах СМИ встречаются не только в специализированных журналах, посвящённых кулинарии («Гастрономъ»), но и в развлекательных и общественно-политических изданиях, где кулинарные рецепты выступают как средство привлечения читателя наряду с анекдотами и гороскопами («Телесемь», «Новая Сибирь»). Часто кулинарная тематика служит причиной установления «обратной связи» с читателем – газеты объявляют конкурс на лучший рецепт, публикуют подборки «рецептов своих подписчиков», изредка публикуют отзывы читателей на опубликованный рецепт (в основном это касается тематических сайтов). В данной работе «читательские» рецепты рассматриваться не будут.

Представленные в средствах массовой информации рецепты относятся к бытовой либо к «гастрономической» сферам; рецептов профессиональной сферы в текстах СМИ выявлено не было. Кратко охарактеризуем признаки кулинарных рецептов, относящихся к этим сферам.

Речевой жанр кулинарного рецепта является полиинтенциональным и имеет две основных **коммуникативных цели** – императивную и информативную. Императивная функция жанра кулинарного рецепта заключается по большей части в том, чтобы при возникновении желания «что-нибудь приготовить» побудить адресата делать это определённым в рецепте образом (в рецептах бытовой сферы – с достаточно широкой возможностью варьирования). В отдельных случаях возникает и побуждение адресата к самому процессу приготовления блюда. Такая интенция свойственна рецептам, принадлежащим к «гастрономической» сфере функционирования. Одним из наиболее используемых клише для выражения этой интенции является фраза «рекомендуем приготовить»: *Выпуск тридцатый (рождественский), в котором мы поздравляем наших читателей с Рождеством и рекомендуем приготовить к праздничному столу жареную индейку* (Gotovim.ru – Журнал Кулинарных Открытий, URL: <http://www.gotovim.ru/>). Кроме того, такое побуждение может проявляться косвенно, в описании вкусовых качеств блюда и их положительной оценке.

Информативная функция кулинарного рецепта заключается в предоставлении адресату информации о том, как готовится то или иное блюдо, об алгоритме приготовления.

Автор кулинарного рецепта обладает определенными знаниями, которыми, как он предполагает, не располагает адресат. Поскольку автор владеет информацией, он обладает и полномочиями указывать адресату, что ему делать. Автор не заинтересован в выполнении действия лично.

В бытовой сфере кулинарные рецепты принадлежат к речевым жанрам безразличного авторства – индивидуальные характеристики автора не важны, важна сообщаемая им информация. Такие рецепты часто встречаются в специализированных кулинарных журналах. В «гастрономической» сфере текст рецепта перестает быть безличным и обретает достаточно выраженную направленность, что находит отражение на разных уровнях организации текста. Конкретизируется образ автора. Это может быть формальная конкретизация, когда в самом тексте рецепта индивидуальность автора никак не проявляется, а лишь указывается его авторство. Такой приём применяется, когда автор ре-

цепта является известной личностью, например, кинозвездой или шеф-поваром известного ресторана. Тогда его имя служит дополнительной рекомендацией адресату:

Рецепты от Морихиро Иваты

(солист балета Большого театра)

Салат «Онигири»

Капуста, морковь, огурец, кукуруза консервированная, соус «Итальянский сливочный»

Капусту, морковь и огурец измельчить по отдельности в блендере. Капусту выложить на дно тарелки <...>

(Теленеделя, № 6, 2007).

Этот приём часто применяется в СМИ информационно-развлекательной направленности, особенно в изданиях о звёздах («Телесемь», «Теленеделя»). Например, в телепрограмме «Комсомольской правды» существует постоянная рубрика «Рецепт недели», где публикуется рецепт от какой-либо знаменитости.

Кроме того, индивидуальность автора может проявляться в тексте и непосредственно, она начинает влиять на него. Например: *Я очень люблю оладьи. С детства. Странно было бы их не любить: они круглый год с пылу с жару, с яблоками и с вареньем. Или кабачковые, со сметаной. Или картофельные, с грибным соусом. Правда, в моем детстве картофельные не готовили. Главный кулинар в нашей компании, бабушка моей подруги, говорила, что она даже вида их не выносит – сразу же вспоминает войну, когда оладьи делали из картофельных очистков* (Гастрономъ, №5, 2006). Автор делится своими воспоминаниями, выражает личное отношение. «Индивидуальность» автора повышает степень доверия адресата к нему.

Адресат речевого жанра кулинарного рецепта является адресатом-исполнителем, он заинтересован в предоставляемой информации. Еще одной важной составляющей образа адресата является единичность/обобщенность. Кулинарный рецепт, как печатный текст, ориентирован на широкую аудиторию, предназначен для восприятия многими людьми. Для рецептов бытовой сферы характерна максимальная обобщённость адресата. Однако, по мнению П.П. Бурковой, «средства массовой информации обращаются к устойчивым гендерным стереотипам ... газетные и журнальные тексты чаще всего обращаются к хозяй-

ке-женщине» [Буркова 2005]. Чаще, однако, эта ориентация задана на уровне коммуникативной политики всего издания, нежели конкретно в тексте рецепта. Приведём в пример обращение от редакции мартовского номера журнала «Гастрономъ»: *Этот номер посвящен женским радостям. Март всё-таки! Помимо основных удовольствий – закупки деликатесных продуктов, стояния у модной плиты и мытья красивой посуды – есть множество не менее увлекательных альтернатив. <...> Для тех, кто постится, мы придумали много вкусных, но сбалансированных блюд и соусов, которые сделают меню разнообразным и при этом не отразятся на фигуре* (Гастрономъ, 2010, №3). В этом обращении обыгрываются типичные женские «сюжеты»: стояние у плиты, забота о фигуре... Очевидно, что журнал рассчитан преимущественно на женскую аудиторию, хотя обращение к мужчинам в журнале тоже есть.

Значение гендерного фактора снижается, когда речь идёт об общественно-политических изданиях (например, «Новая Сибирь»). В этом случае автору важно охватить как можно более широкую аудиторию.

Жанр кулинарного рецепта относится к инициальным жанрам, хотя в принципе жанр кулинарного рецепта может возникнуть как ответ на вопрос «А как вы это готовите?». В бытовой сфере рецепт не обладает и коммуникативным будущим, то есть обычно не предполагает ответных речевых действий адресата. В «гастрономической» сфере возникновение ответной реакции адресата на рецепт возможно – это благодарности, советы. В текстах СМИ могут встречаться случаи, когда «ответ», как и сам рецепт, создаётся коллективом редакции. Например, в мартовском номере журнала «Гастрономъ» после рецепта «Рыбные палочки с чесночным кремом» даётся «мнение тест-группы», комментарий от Елены Кейлиной-Ройтер: *В тесто я добавила ещё одну столовую ложку муки, иначе оно получается липким и плохо раскатывается <...> Рыба получилась сочной и нежной. Думаю, таким образом можно запечь и филе палтуса* (Гастрономъ, 2010, №3). Блок дополнительной информации (в данном случае советы по улучшению рецепта) выносится за пределы рецепта и оформляется как ответный жанр. Это позволяет привлечь к тексту внимание читателя и повысить его доверие к ре-

цепту – он уже «протестирован», у читателя есть возможность узнать чужое мнение.

В **структуре** текста кулинарного рецепта мы можем выделить три основных («Заголовок», «Ингредиенты», «Способ приготовления») и один дополнительный («Блок дополнительной информации») блоки. Блок дополнительной информации включает в себя сведения, не обязательные для приготовления блюда, но представляющие интерес для читателя текста. В зависимости от сферы употребления текст рецепта может содержать информацию о внешнем виде готового блюда, его свойствах, полезные советы и дополнительные рекомендации по приготовлению блюда и т.д.

В рецептах бытовой сферы блок дополнительной информации может опускаться. Нормы закладки могут указываться неточно (маркёры *приблизительно, около, на кончике ножа*), для пряностей и специй часто вообще не указываются. Наименования продуктов обычно употребляются в род. п., возможны сокращения, разговорные варианты.

В рецептах «гастрономической» сферы структура рецепта очень свободная, может включать в себя информацию, не имеющую отношения к приготовлению данного блюда (например, рассказ о том, как автор готовил данное блюдо в первый раз). Широко употребляются метафорические и ассоциативные названия (*торт «Сказка», печенье «Пальчики оближешь»*), что связано с повышением значимости рекламной функции. Возможно включение в блок «ингредиенты» рекомендаций по выбору продукта, оценочных компонентов, пояснений (*1 ст. муки, лучшие брать высший сорт*).

Следует отметить, что для специализированных периодических изданий более характерны кулинарные рецепты бытовой сферы функционирования. Дело в том, что номер такого издания представляет собой своего рода гипертекст, и все элементы «гастрономической сферы» (оценка блюда, индивидуальность авторского образа, дополнительные сведения) «уходят» из текста рецепта в сопровождающие тексты журнала (замечания от редакции, интервью с известными кулинарами, статьи о каких-либо продуктах). В изданиях, не посвящённых целиком кулинарному дискурсу, текст рецепта существует отдельно от

остальных текстов, не связан с ними тематически, поэтому авторское начало проявляется в нём сильнее.

Выраженность авторского начала в тексте помогает автору наладить контакт с адресатом, вызвать его доверие; автор как бы уподобляется адресату, «входит в его круг». Это особенно характерно для текстов СМИ оппозиционной направленности. Рассмотрим пример из рубрики «Рецептор» газеты «Новая Сибирь»:

Меню для будущих умников

Можно ли стать умнее хотя бы ненадолго, на ответственный период? Причем не учиться для этого долго, тупо и нудно, а всего лишь со вкусом составить себе меню? Оказывается, можно, и даже легко. <...>

Ученые Института питания РАМН, короче, яйцеголовые всякие, изучая влияние пищи на работоспособность мозга, сделали ряд важных заключений по нашей теме. Деятельность клеток мозга можно стимулировать с помощью пищи, причем самой обычной. <...>

Для укрепления памяти нам рекомендуют есть большие моркови, ананасов и авокадо. Морковь стимулирует обмен веществ и облегчает запоминание, заучивание необходимого материала. Студентам и школьникам перед экзаменом совсем неплохо съесть большую порцию тертой моркови с растительным маслом. Ананас необходим людям творческих профессий (бухгалтерам по черному налу, например), тем, кому нужно удерживать в памяти большие объемы текста или нотных знаков. <...> Авокадо благодаря высокому содержанию жирных кислот – отличный источник энергии для кратковременной памяти.

<...> Репчатый лук снимает умственное переутомление и психическую усталость, хотя не все употребляют его в сауне с релаксаторишами. Орехи укрепляют нервную систему, стимулируют деятельность головного мозга. Ешьте больше орехов, когда готовите ответственный доклад, выступление, ну и так далее, вы меня понимаете... Креветки снабжают мозг жирными кислотами, которые укрепляют внимание. Но необходимо учесть, что солить их нужно лишь после кулинарной обработки.

Салат «Коста Брава»

300 г очищенных креветок, 2 апельсина, 1 огурец, 100 г майонеза, соль по вкусу.

Креветки отварить в кипящей подсоленной воде в течение 5 минут. Апельсин очистить от кожуры и косточек, разделить на дольки, нарезать небольшими кусочками, огурец натереть на крупной терке <...> («Новая Сибирь», 2010, № 8).

В данной рубрике рецепт выступает как ответ на какие-то предполагаемые потребности читателей – стать умнее, поднять тонус, определить сексуальное качество мужчины по его пристрастиям в еде (в других номерах газеты). Автор подробно объясняет, как и чем полезны именно эти продукты (*способствует также разжижению крови, улучшает питание мозга кислородом*). Текст рецепта неотделим от сопровождающего текста, так как является логическим выводом из него. В представленном примере после рассказа о полезных свойствах авокадо, лука, креветок идут рецепты блюд, включающих в себя эти продукты.

Автор объединяет себя и адресата в одну группу (*по нашей теме, нам рекомендуют*), налаживает контакт с адресатом с помощью личной обращённости к нему (*деловые люди, сами знаете, много думают; ну и так далее, вы меня понимаете*), даёт ему советы (*ешьте больше орехов, когда готовите ответственный доклад*), шутит (*людям творческих профессий (бухгалтерам по черному налу, например)*). Всё это способствует сближению автора и адресата.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в текстах СМИ представлены рецепты бытовой и «гастрономической» сфер функционирования. Рецепты бытовой сферы чаще встречаются в специализированных журналах, где признаки «гастрономической» (в общем-то, характерной для текстов СМИ) «уходят» в сопровождающий текст; рецепты «гастрономической» сферы более характерны для развлекательных и общественно-политических периодических изданий. В текстах средств массовой информации тексты рецептов служат средством привлечения и развлечения читателя (наряду с анекдотами и гороскопами), поводом наладить с ним обратную связь, установить контакт.

Литература

Буркова П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста: на материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005.

Кантурова М.А. Жанрообразующие признаки кулинарного рецепта // Молодая филология – 2010 (по материалам исследований молодых ученых): межвуз. сб. науч. трудов. – Новосибирск, 2010.

Кантурова М.А. Структурные особенности жанра кулинарного рецепта // Очерки гуманитарных исследований: сб. науч. трудов. Вып. 8 / Под ред. проф. Е.В. Лукашевич. – Барнаул, 2010.

© Кантурова М.А., 2010

Д.Б. Келарева
Одинцово

Когнитивная основа анализа текста анекдота

Ключевые слова: комический текст, игра слов, интерпретационная стратегия, нарративная стратегия.

Среди лингвистических теорий анализа текстов анекдота наибольшее распространение получили следующие теории: **теория бисоциации** А. Кестлера, **семантическая теория сценариев** В. Раскина, **формальная теория** С. Аттардо.

Согласно А. Кестлеру структура комического бисоциативна. Восприятие действительности осуществляется **в двух ассоциативных контекстах** (ассоциативный контекст составляют фреймы и сценарии) при резком переключении хода мыслей из одного в другой [Уткина 2006: 56]. Бисоциация (**неожиданность**) является главным принципом передачи комического смысла, которая заключается в одновременном восприятии двух несвязанных контекстов [см. Koestler 1964].

В. Раскин развивает свою теорию на основе теории А. Кестлера. Комический эффект создается за счет противопоставления фреймов (script opposition) при действии **переключателя (trigger)** [Ritchie 2004: 54]. В. Раскин выделяет пять оппозиций, в которых могут находиться сценарии: хороший/плохой,

жизнь/смерть, очевидный/неочевидный, деньги/не деньги, высокое/низкое положение (статус). Семантическая теория сценариев анализа анекдотов состоит из **двух этапов**:

1) выделение всех значений слов, используемых в тексте (другими словами, построение всех фреймов, активируемых текстом);

2) поиск слов, актуализирующих один и тот же фрейм и реализующих оппозицию сценариев.

Переключатель может основываться или на многозначности, или на противоречии одной ситуации другой. Переключатель представляет собой «элемент текста», который способствует переключению первого сценария на второй, актуализируемых в тексте [Attardo 2001: 18].

Наибольшее распространение получает формальная теория С. Аттардо, основанная на семантической теории сценариев В. Раскина. Автор разработал собственную модель порождения и восприятия комического при оппозиции фреймов. Генерирование анекдота осуществляется не только при условии совмещения фреймов, но при включении 6 так называемых источников знаний (knowledge resources): оппозиция фреймов (script opposition), логический механизм (logical mechanism), цель (target), нарративная стратегия (narrative strategy), язык (language), ситуация (situation).

Оппозиция фреймов (script opposition/SO). Данный параметр связывается с оппозицией или совмещением фреймов, о котором шла речь в семантической теории сценариев В. Раскина. Любой комический текст представляет оппозицию фреймов в соответствии с нарративной организацией, социальными и историческими интенциями.

Логический механизм (logical mechanism/LM) предполагает раскрытие логики, действующей в пределах комического текста, причем совсем необязательно его функционирование за пределами текста.

Цель (target/TA) характеризуется как параметр, указывающий на кого или на что направлен анекдот.

Нарративная стратегия (narrative strategy/NS). Каждый анекдот должен быть организован по определенной нарративной

стратегии. В. Раскин выделяет такие нарративные стратегии как повествование, диалог, загадка, анекдот по ходу рассказа.

Язык (language/LA). Параметр, который содержит всю лексическую информацию необходимую для генерации текста анекдота. Особо важен точный подбор лексических единиц в кульминации анекдота, передающих двусмысленность и связывающих два противопоставленных значения в тексте анекдота.

Ситуация (situation/SI). Каждый анекдот «должен быть о чем-то». Параметр ситуации всегда содержит «элементы текста»: объекты, участники, инструменты, действия [Attardo 2001: 22-26].

Несмотря на все достоинства данной теории К. Бинстид и Г. Ричи отмечают, что такая теория может стать слишком общей в своей попытке охватить все типы комических текстов и, более того, в приведенной теории отсутствует ряд точных определений центральных понятий [Binsted, Ritchie 2001: 280]. Хотя отметим, что С. Аттардо не ставит своей целью объяснение механизма создания и интерпретации языковой игры. Лингвистический подход к игре слов никогда не сможет объяснить все случаи двусмысленности, а анализ лингвистической структуры необходим как первый шаг решения этой проблемы [Delabastita 1996: 131].

В соответствии с описанной теорией анекдот схематически может быть представлен в виде 6 взаимосвязанных элементов:

Анекдот: {LA, SI, NS, TA, SO, LM}

По данной схеме может быть построен любой анекдот, каждый из параметров которого, будет принимать различные значения.

Рассмотренные базовые лингвистические теории анализа анекдотов дополняют друг друга, тем самым, углубляя лингвистический анализ комического текста. Комический текст порождается оппозицией или совмещением фреймов, которые актуализируются языковыми единицами. Создаваемые при этом взаимоисключающие сценарии раскрываются по определенной нарративной стратегии.

Неожиданная трансформация фрейма является основным компонентом структурной организации анекдота, определяющая производимый комический эффект.

Шеф диктует секретарше электронное письмо:

*Сообщаю вам **запятая**, что кредит **запятая** полученный нами у вас **запятая** в этом году мы не сможем отдать **точка**. Леночка, я сказал **точка**, а не **двоеточие с тремя скобками**!*

SO: «ПУНКТАЦИОННЫЕ ЗНАКИ» (точка, двоеточие) / «СМАЙЛЫ» (двоеточие с тремя скобками)

LM: F AND F противоречие

NS: M1

LA: сопоставление противопоставляемого

Активируясь, принцип противоречия совмещает два фрейма «ПУНКТАЦИОННЫЕ ЗНАКИ» и «СМАЙЛЫ», имеющие одинаковые графические обозначения, но передающих разное значение. Так на основе противопоставленных значений *двоеточие* и *двоеточие с тремя скобками* реализуется комический эффект. Признаки обоих графических знаков совпадают, а их функциональное применение различается. Смайлы необходимы для того, чтобы выражать разнообразные эмоции, а знаки пунктуации для передачи интонационной оформленности предложения. Смайл можно определить как результат использования изобразительных возможностей алфавита, пунктуационных и других графических знаков. Значение смайла создается исключительно его внешним видом и не может быть объяснено общепринятым значением составляющих его элементов. Так, функциональное противопоставление двух объектов создает комичность ситуации.

Интерпретация анекдота сопровождается актуализацией некоторой когнитивной модели ситуации. Но для реализации комического эффекта обязательным компонентом интерпретации является переконструирование заданной модели в ходе осуществления коммуникативного акта для придания смысла прочитанному.

Карты экспресс-оплаты ГИБДД 10, 50 и 100 условных единиц! Для корпоративных VIP клиентов новый тарифный план "Эксклюзив" - всего за 1000 уе в месяц все нарушения бесплатно! Подключите дополнительные услуги: "Любимое нарушение" - скидка 50% на любое одно выбранное вами нарушение! "Анти-радар" - антиопределитель скорости и вашего номера. Дополнительная информация - у менеджеров в офисах ГИБДД!

SO: «ГИБДД» / «СОТОВАЯ СВЯЗЬ»

LM: F = F тождество

NS: M1

LA: совпадение значений

В данном анекдоте комический эффект строится на совпадении значений в каждом слоте разных фреймов «ГИБДД» и «СОТОВАЯ СВЯЗЬ». Передача комического смысла осуществляется в результате соотнесения значений слотов фрейма концовки текста анекдота «СОТОВАЯ СВЯЗЬ» и фрейма начала анекдота «ГИБДД». Комическая ситуация создается приписыванием признаков одного объекта *оплаты штрафов ГИБДД* другому объекту *карты экспресс-оплаты сотовой связи*. Актуализация комического смысла здесь происходит в силу сдвига семантических валентностей лексических единиц:

1. <i>тариф - на связь (дающий право на связь)</i>	}	<i>тариф - на нарушение (право на нарушение)</i>
2. <i>размер штрафа (тариф) - за нарушение</i>		

В случае отсутствия той или иной базовой когнитивной модели ситуации в сознании человека (недостаточность знания традиций, стереотипов, не умение оперирования структурой языка в полной мере или нехватка опыта), прагматическая цель текста не будет реализована. В силу этого довольно часто у детей или людей, принадлежащих к другой культуре, возникает непонимание ряда анекдотов.

Интерпретации текста анекдота состоит в конструировании концептуальной модели ситуации, генерирующейся некоторым набором лингвистических принципов и соответствующих им языковых средств. Анализ текста анекдота в нашем исследовании направлен на выявление лингвистических принципов реализующих выражение комического смысла. Построение фреймо-слотовой структуры способствует выявлению семантического сдвига, лежащего в основе комического смысла. Основные лингвистические принципы, которые способствуют реализации комического эффекта, осуществляются в ходе сращения двух фреймов или сценариев, нарушающих логическое протекание стереотипных ситуаций.

Категория комического существует в сознании человека. И только лишь лингвистическое описание языковых средств, передающих комический смысл, во многом сужает изучение такой сложной категории как комическое. В таком случае за рамками изучения остаются и особенности построения комических текстов, и оппозиция сценариев, и, в особенности, лингвистических принципов, заключающих в себе саму сущность комического.

Литература

Уткина А.Н. Когнитивные модели комического и их репрезентации в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2006.

Attardo S. Humorous texts: a semantic and pragmatic analysis. – Berlin; New York, 2001.

Binsted K., Ritchie G. Towards a model of story puns // International Journal of Humor Research. – Berlin; New York, 2001.

Delabastita D. Wordplay and Translation // The Translator. – London; 1996.

Koestler A. The act of creation. – London, 1964.

Ritchie G. The linguistic analysis of jokes. – New York, 2004.

© Келарева Д.Б., 2010

Н.И. Коновалова, Д.Г. Мурадян

Екатеринбург

Межъязыковая интерференция в речевой деятельности билингвов

Ключевые слова: русско-армянский билингвизм, межъязыковая интерференция, компетентностный подход, социолингвистический опрос.

Многие современные исследования билингвизма имеют в своей основе, в первую очередь, компетентностный подход, ориентированный на формирование и развитие некоторого набора компетенций. В соответствии с требованиями Стандарта среднего (полного) общего образования по русскому языку [см.: Федеральный ... 2004: 11-15] результатом изучения русского языка на базовом уровне среднего (полного) общего образова-

ния должна стать сформированность основных компетенций. К ним относятся:

1. **Коммуникативная компетенция**, которая предполагает знание сфер и ситуаций речевого общения, компонентов речевой ситуации, владение всеми видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, умениями и навыками использования языка в различных ситуациях общения, соответствующих опыту, интересам, прагматическим установкам, психологическим особенностям участников коммуникации.

2. **Языковая и лингвистическая (языковедческая) компетенции** включает знание о языке как знаковой системе и общественном явлении, его устройстве, развитии и функционировании; владение нормами русского литературного языка и их соблюдение в речевой практике, обогащение словарного запаса и грамматического строя речи; формирование способности к анализу и оценке явлений и фактов; восприятие и порождение текстов различных функциональных разновидностей языка.

3. **Культуроведческая компетенция** – это осознание языка как формы выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории народа, национально-культурной специфики русского языка, соблюдение норм русского речевого этикета в различных сферах общения, владение культурой межнационального общения.

Компетентностный подход к изучению билингвизма дополняется критерием коммуникативной активности, в котором, по мнению Г.Н. Чиршевой, следует выделить такие содержательные параметры, как «темпоральный – для установления степени регулярности пользования языками в общении и функциональный – для выявления сфер приложения каждого языка в речевой деятельности индивида (в быту, в школе, на производстве, в научной сфере и т.д.)» [Чиршева 2000: 10].

Многочисленные исследования психологов, психолингвистов, социолингвистов показывают, что лучшим для изучения второго языка в плане формирования и развития базовых компетенций и коммуникативной активности является способ «языкового погружения», что предполагает вхождение инофона в среду, где говорят только на том языке, который нужно выучить.

Методологической базой такого подхода стала одна из общепризнанных систем обучения инофонов (голландская), предполагающая совместное обучение в одном классе детей разных национальностей, говорящих на разных языках, в том числе и на языке, доминирующем в данном социуме. В результате обучения по данной системе дети-инофоны легко «впитывают» чужой язык и культуру, быстро начинают понимать чужую (даже беглую) речь говорить, читать и писать на неродном языке.

Предметом исследования в данной статье является межъязыковая интерференция¹ в речевой деятельности билингов, назвавших в качестве родного языка армянский (17 респондентов разного пола, возраста, образования, специальностей). Местами наиболее длительного проживания названы: Екатеринбург, Россия (10 респондентов), Армения (3), Армения и Россия (4).

Для билингов нами были разработаны специальные социолингвистические листы-опросники по методикам, предложенным ведущими учеными-социолингвистами [см. аналог в: Беликов, Крысин 2001]. Опросники включают несколько блоков информации: а) собственно паспортизацию, позволяющую определить «материнский» язык в его соотношении с «этническим» и «доминирующим» языками; б) метаязыковую рефлексию билингов относительно степени владения армянским и русским языками в разных видах речевой деятельности; в) социокультурные параметры, определяющие условия необходимости «обращения» к одному из используемых билингом языков (получение образования; общение с соседями, коллегами, одноклассниками и т.п.; просмотр фильмов, использование СМИ и т.п.); г) «пилотную» диагностику понимания идиоматики языковых единиц, что является показателем уровня «свободы» владения чужим языком и позволяет выявить стратегии межъязыковой интерференции на лексико-семантическом уровне.

Социолингвистический лист опроса

---

¹ Под *интерференцией* понимается неконтролируемое воздействие одного языка билинга на другой, а также результат этого воздействия [Беликов, Крысин 2001: 32].

1. Фамилия, имя, отчество
2. Год рождения
3. Пол (муж., жен.) подчеркните
4. Место рождения
5. Национальность отца
6. Национальность матери
7. Национальность супруга/супруги
8. Укажите места наиболее длительного проживания
9. Родной язык
10. Степень владения армянским языком (подчеркните один из пунктов)
  - а) читаю (хорошо, плохо, с затруднениями)
  - б) говорю (хорошо, плохо, с затруднениями)
  - в) пишу (хорошо, плохо, с затруднениями)
  - г) понимаю быструю речь (хорошо, плохо, с затруднениями)
11. Степень владения русским языком (подчеркните один из пунктов)
  - а) читаю (хорошо, плохо, с затруднениями)
  - б) говорю (хорошо, плохо, с затруднениями)
  - в) пишу (хорошо, плохо, с затруднениями)
  - г) понимаю быструю речь (хорошо, плохо, с затруднениями)
12. Образование (выберите нужное):

Начальная школа

  - а) неполное среднее (9 классов)
  - б) среднее (11 классов)
  - в) средне-специальное (законченное/незаконченное), специальность
  - г) высшее (законченное/незаконченное), специальность
13. На каком языке (языках) было получено образование
14. Каким языком (какими языками) владеете
15. Есть ли старшие/младшие братья и сестры (укажите кто и сколько)
16. На каком языке общаетесь (если на нескольких также укажите):
  - а) в семье
  - б) в учебном учреждении
  - в) на работе
  - г) с друзьями

д) с соседями

17. На каком языке предпочитаете:

а) читать книги

б) смотреть кино

в) играть в компьютерные игры

г) слушать радиопередачи

д) рассказывать анекдоты

е) общаться во время подвижных игр

18. Каким выражением можете охарактеризовать (на русском и армянском языках):

- (очень) умного человека

- (очень) глупого человека

19. Каким выражением можете охарактеризовать (на русском и армянском языках):

- (очень) толстого человека (мужчину/женщину)

- (очень) худого человека (мужчину/женщину)

20. Каким выражением можете охарактеризовать (на русском и армянском языках):

- рассеянного человека

- собранного (концентрированного) человека

21. Каким выражением можете охарактеризовать (на русском и армянском языках):

- здорового человека

- больного человека.

Степень сформированности речевых умений зависит от разных факторов, не случайно поэтому в социолингвистический лист были внесены вопросы, касающиеся спонтанного речевого поведения (подвижные и компьютерные игры, рассказывание анекдотов и т.д.), которое требует автоматизированного владения не только речевыми клише, но и разговорным синтаксисом и правилами синтагматики.

По вопросу: «На каком языке общаетесь со своими близкими дома?» - ответы распределились следующим образом: на своем родном, армянском – 3 человека (17,7%), на русском – 0, на армянском и русском – 14 (82,3%).

С друзьями более 50% опрошенных разговаривают на русском и армянском языках, 29% – на русском, 12% – на армянском, русском и езидском² языках.

Оценивая степень владения родным языком, почти 50% респондентов (в основном представители молодого поколения) отметили, что читают и пишут по-армянски плохо или с затруднениями, но хорошо говорят и понимают быструю речь. При оценке собственного уровня владения русским языком почти всеми опрошенными был выбран самый высокий из предложенных критериев «хорошо» по всем видам речевой деятельности на неродном языке (чтение, письмо, аудирование, говорение).

Особый интерес, на наш взгляд, представляет диагностика владения языковой идиоматикой. В соответствии с условиями опроса предлагалось привести выражения, с помощью которых можно охарактеризовать по-русски и по-армянски человека по его интеллектуальным, физиологическим, поведенческим характеристикам: как можно назвать человека очень умного / глупого, очень толстого / худого, рассеянного / собранного, здорового / больного?

Анализ полученных ответов показал, что все стратегии, которые используют респонденты для языкового выражения смысла, можно свести к нескольким типам³:

- нет ответа на одном из языков;
- вместо выражения приводится однословный ответ: *Գերշտնցիկ* – образованный (об умном человеке), *սպորտսмен*, *նեղյուցի*, *некурящий* (о здоровом), *Անորմալ* – ненормальный (о глупом) и т.п. Заметим, что часто слово выбрано неточно: *Դասիսըրիւծ* – сложенный (о собранном человеке), *рентген* (об очень худом), *ишак*, *лодырь* (о глупом) и т.п.
- дословный перевод с русского на армянский и наоборот: *Հալիք ուղեղ* – куриные мозги (о глупом), толстый – *Հալի*, любит много поесть – *Միքմեծ շատ ուտել* (об очень толстом);

---

² Так называемый *езидский* язык – диалект курдского языка, на котором говорят представители этноконфессиональной группы курдов, которых армяне называют «армянскими цыганами».

³ Здесь мы исключаем случаи, когда ответа нет ни на одном из используемых билингвом языков.

- соотносительные русские и армянские идиомы, основанные на подобных образных переносах: *Խելքից թոփալ* – хромой на мозги (ср. рус. *мозги набекрень*), *Մեռած վիճակ ունի* – имеет вид мертвого (ср. рус. *краше в гроб кладут* – о больном человеке, который плохо выглядит), *Փղի տոբիւնըն ունի* – имеет здоровье слона (ср. рус. *здоров как бык*), *Գլխիւր թեփով լցված* – голова перхотью набита (ср. рус. *голова опилками набита*);

- использование безэквивалентной лексики и фразеологии, лишь в самом общем виде выражающей смысл: *Դող* (дод)-слово, характеризующее тупого человека, точного перевода в русском языке не имеет; *Ստեղի ծաղով կանցնես* – пройдешь через ушко иглы (ушко иглы считается очень узким отверстием, поэтому кто через него пройдет, тот очень худой, стройный); *Սյուր փշիվ կերած* – съевший сегодня лапшу (о рассеянном человеке. Данное выражение часто используется в адрес человека, уронившего что-либо. Это связано с тем, что человек в эту минуту напоминает образ лапши, то есть чего-то рыхлого, разваливающегося); *Թւրլիկ* (тмбэлик) – слово, характеризующее пухлого, упитанного человека. Точного перевода в русском языке не имеет.

Все описанные выше стратегии, кроме последней, демонстрируют межъязыковую интерференцию на лексико-семантическом уровне, и лишь обращение билингвов к безэквивалентной лексике и фразеологии может свидетельствовать об осознании ими номинативных лакун в одном из используемых языков и относительно свободном оперировании знаниями в области обоих языков в речевой деятельности.

Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что наши наблюдения имеют лишь предварительный характер и нуждаются в дальнейшей верификации. Тем не менее, уже на данном этапе (с использованием полученного материала) можно говорить о некоторых тенденциях, обнаруживающихся в речевой деятельности билингвов.

Итоги проведенной нами диагностики речевого развития билингвов могут быть представлены четырьмя стратегиями усвоения неродного языка в плане сформированности основных ком-

петенций с учетом интерференции в речевой деятельности русского и армянского языков:

1. **Переходный билингвизм**, характеризующийся постепенным (в течение нескольких поколений) вытеснением из речевой практики инофона родного (армянского) языка и заменой его доминирующим (русским) языком. Чем лучше инофоны овладевают чужим языком, тем меньше пользуются родным, что приводит к утрате соответствующих навыков. В результате второе-третье поколения людей, считающих своим родным армянский язык, отмечают в анкетах, что не умеют читать и писать по-армянски или делают это с затруднениями. Сохраняется лишь уровень бытового общения на родном языке со старшими родственниками

2. **Отрицательный билингвизм**, при котором изучение (знание) второго языка отрицательно сказывается на владении родным языком. В этом случае более активное использование доминирующего русского языка «поддерживается» самой внеязыковой ситуацией: общение в школе, с соседями, в общественных местах (магазины, больницы, государственные учреждения и т.п.) осуществляется в основном на русском языке и подкрепляется средствами массовой информации, использующими (за исключением единичных каналов радио и спутникового телевидения) русский язык в соответствии с законом о государственном языке РФ.

3. **Положительный билингвизм**, который становится основой более высокого уровня интеллектуальных способностей, в частности, в плане метаязыковой рефлексии билингва. Она проявляется в абстрактных (отвлеченных от конкретного значения) рассуждениях о форме как своего, так и чужого языка, в способности передавать смысл (концептуальное содержание) разными формами обоих языков, «уходя» от буквального, дословного перевода.

4. **Сбалансированный билингвизм**, характеризующийся в равной степени хорошим владением обоими языками.

Литература

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. – М., 2001.

Коновалова Н.И. Речевая психодиагностика. Учебная программа для студентов, обучающихся по профилю «Родной язык и психоллингвистика». – Екатеринбург, 2010.

Федеральный компонент государственного стандарта общего образования. Часть I. Начальное общее образование. Основное общее образование. – М., Министерство образования РФ, 2004.

Чиршева Г.Н. Введение в онтобилингвологию. – Череповец, 2000.

© Коновалова Н.И., 2010

© Мурадян Д.Г., 2010

В.Е. Копылова

Екатеринбург

Речевое манипулирование и речевая агрессия

Ключевые слова: речевая деятельность, речевая агрессия, коммуникативная инициатива, манипулятивные тактики.

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что явление манипуляции присутствует во всех сферах общественной жизни: политике, экономике, культуре, психологии, межличностных отношениях и т.д. Поэтому изучение феномена манипуляции в последнее время стало особенно актуальным для многих отраслей знания: психологии, социологии, лингвистики, философии, культурологи и ряда других наук. Междисциплинарный характер исследований доказывает значимость данного явления для современной действительности.

Однако, несмотря на то, что феномен манипуляции изучается уже достаточно давно, до сих пор нет четкого его определения.

В своем первоначальном значении слово «манипулирование», или «манипуляция», ведущее свое происхождение от латинского слова «*manipulare*», означало «управлять» в позитивном смысле: управлять со знанием дела, оказывать помощь и т.д. Е.Л. Доценко определяет манипуляцию следующим образом: «Это вид психологического воздействия, используемый для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения

другого к совершению определенных действий» [Доценко 2000: 53]. Доктор философии В.М. Герасимов под манипулированием понимает «один их специальных методов социально-психологического контроля» [Герасимов 1999: 74].

Таким образом, суммируя приведенные выше определения, мы можем сделать вывод о том, что манипуляция – это искусство управлять поведением и мышлением людей с помощью целевого воздействия на общественное сознание, это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями.

Необходимо также отметить, что при манипуляции важно ощущение самостоятельности принятия решения. Превращая другого субъекта в объект, подвластный контролю и управлению, манипулятор создает иллюзию самостоятельности принятия решения реципиентом.

Кроме того, следует обратить внимание на некоторые принципиальные моменты, связанные с манипулированием. Во-первых, чаще всего манипулирование происходит посредством информации. Во-вторых, манипулятивное воздействие имеет скрытый (имплицитный) характер. В-третьих, манипулирование всегда подразумевает определенную степень принуждения. В-четвертых, данное явление подразумевает наличие мишеней воздействия (ценностей и идеалов, которые будут подвержены манипуляции с их последующей трансформацией). И, наконец, в-пятых, адресат воздействия воспринимается манипулятором не как личность, а как объект, вещь.

Как было отмечено выше, манипулирование подразумевает оперирование информацией, которая в свою очередь имеет речевое воплощение. Таким образом, мы имеем возможность говорить о речевом манипулировании, то есть манипулировании посредством речи, речевых приемов.

По определению О.Н. Быковой, «речевое манипулирование – вид речевого воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата на данный момент. В основе речевого манипулирования лежат такие психологические и психолингвистические меха-

низмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определённых иллюзий или заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков. Речевое манипулирование – это отбор и использование таких средств языка, с помощью которых можно воздействовать на адресата речи. Как правило, речевое манипулирование предполагает такое воздействие на адресата, которое тот не осознает и воспринимает как часть объективной информации» [Быкова 1999: 99].

Речевое манипулирование используется практически во всех сферах применения языка, но особенно активно - в психотерапии, обучении, рекламе, предвыборных кампаниях, идеологической пропаганде, печатных и телевизионных СМИ. В целом, в этих сферах речевое манипулирование направлено на формирование у широкой аудитории определенных предпочтений, вкусов, потребностей, предрассудков, стереотипов, выгодных манипулятору.

Цель использования речевого манипулирования соотносится с целью манипулирования в целом – побудить реципиента к совершению поступков, выгодных манипулятору, и выдать результат принятия реципиентом решения за его собственное.

Для реализации поставленной цели используются различные методы речевого манипулирования, которых на сегодняшний день в науке существует довольно широкий спектр. Мы в рамках данной работы осветим лишь некоторые из них, общие для ряда исследователей.

1. Преобразование информации – намеренное утаивание или искажение информации таким образом, чтобы сообщаемое содержание было воспринято необходимым для отправителя образом. Немалое значение здесь приобретает момент подачи информации, например, в неудобное время или в неудобной обстановке.

2. Частичное освещение или избирательная подача материала – информация подается настолько неполно, что на самом деле присутствует лишь видимость передачи информации, а она не передается вовсе.

3. Информационная перегрузка – сознательное предоставление чрезмерного объема информации с целью лишить адресата возможности адекватно усвоить и верно оценить ее. Таким

образом, адресат, не имеющий доступа к информации, вынужден полагаться на ее официальную интерпретацию.

4. Использование секретности – преднамеренное утаивание информации, которая способна подорвать официальную политическую программу.

Следует добавить, что методы речевого манипулирования постоянно совершенствуются и становятся все более значимыми для современного российского общества.

Наряду с речевым манипулированием лингвисты часто говорят о речевом насилии как составляющей речевого психологического воздействия, под которым подразумевают «акт общения, рассматриваемый под углом зрения его направленности на тот или иной запланированный эффект, т.е. с точки зрения его целенаправленности...» [Леонтьев 2004: 101]. Выделение речевого насилия в связи с разговором о речевом манипулировании кажется абсолютно логичным, поскольку, как было отмечено выше, манипулирование всегда подразумевает определенную степень принуждения, а, значит, и насилия. Однако в научной литературе существует и иная точка зрения, согласно которой речевое манипулирование и речевое насилие не являются родовидовыми понятиями, так как принуждение (насилие) открыто для адресата, осознанно им, в то время как манипулирование всегда скрыто [Копнина 2008: 29].

На наш взгляд, речевое манипулирование и речевое насилие – связанные между собой понятия, поскольку в качестве манипулятивного приема часто используется разновидность речевого насилия – речевая агрессия.

В самом общем виде речевая агрессия может быть определена как «обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина 2004: 9]. Явление речевой агрессии не исчерпывается какими-то отдельными фразами, обменом грубыми репликами в частных разговорах – оно проникает, как уже было отмечено, практически во все сферы применения языка: межличностные отношения, сферу образования, политику, рекламу, средства массовой информации и т.д. Таким образом, агрессия в речи – актуаль-

нейшая проблема современного общества, перенасыщенного информацией и неспособного критически ее осмыслить.

В своей основе агрессия может иметь различные мотивы и проявляться в разных формах – эксплицитно (открыто) и имплицитно (скрыто). Примером эксплицитной агрессии может служить немотивированное использование иноязычных элементов. Речь не идет об абсолютном отказе от использования заимствованных слов, поскольку одни из заимствований могут быть необходимы носителям языка, а другие – нет. Здесь многое зависит от сферы и цели их употребления. Так, например, употребление в информационных материалах, посвященных компьютерным технологиям, слова *юзер* (от англ. «user» – пользователь) может вызвать у массового адресата затруднения в понимании значения данной лексической единицы. А это в свою очередь может стать причиной появления у аудитории агрессии в процессе восприятия информации.

Эксплицитным проявлением вербальной агрессии также является использование в СМИ жаргонных и просторечных слов, тенденция стирания границ между функциональными разновидностями русского языка. В последние годы даже самые популярные и уважаемые издания изобилуют разговорными, грубо-просторечными и даже бранными словами и выражениями.

В качестве примера имплицитного проявления речевой агрессии можно привести несоблюдение норм и границ используемых жанров. На практике любая дискуссия легко может перерасти в такой спор, при котором «все средства хороши» и где речевое поведение коммуникантов нередко можно охарактеризовать как речевую агрессию. При этом формальные рамки дискуссии все же сохраняются, и вербальная агрессия по отношению к оппоненту реализуется в основном в скрытых (имплицитных) речевых формах. В наиболее общем виде это может быть представлено как стремление адресанта захватить коммуникативную инициативу, вытеснить речевого партнера из коммуникативного пространства путем дискредитации его высказывания и как можно полнее высказать и доказать свою собственную позицию.

Формой имплицитной речевой агрессии может служить и тот факт, что под влиянием слова с отрицательной оценкой, а также под влиянием эмоциональной окраски стереотипа слово с поло-

жительной окраской теряется, тонет в общем отрицательном контексте. Кроме того, в скрытой форме агрессия может проявиться и в переносном значении слова: использование слова «семья» для обозначения преступной группировки, мафии.

К скрытым формам речевой агрессии относится и явление языковой демагогии, которое понимается как «разновидность речевого манипулирования; навязывание адресату одностороннего осмысления или оценки предмета обсуждения; оценочное воздействие, не выражающееся прямо, «в лоб», а навязывающееся ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами» [Быкова 1999: 16]. Использование определенных языковых средств дает возможность манипулировать сознанием адресата, формировать его оценочное отношение к фактам, событиям, другим субъектам и т.д. Таким образом, речевая агрессия основана на манипуляции сознанием получателя транслируемой информации и некритичном ее восприятии. А ее имплицитный характер, обходящий порог сознания и воздействующий на бессознательную сферу адресата, способствует усилению своего воздействия. Следовательно, мы можем говорить о том, что речевая агрессия используется в качестве приема речевой манипуляции.

В качестве средств речевой агрессии исследователи квалифицируют и такие речевые явления, как «навешивание ярлыков», нагнетание отталкивающих сравнений и ассоциаций, обыгрывание имени собственного и некоторые другие, рассмотрение которых выходит за рамки данной работы. Нашей целью было определить соотношение понятий «речевое манипулирование» и «речевая агрессия» и установить, могут ли средства речевой агрессии использоваться в качестве манипулятивных приемов.

В заключении хотелось бы добавить, что речевая агрессия как прием речевого манипулирования представляется еще недостаточно изученным явлением современного русского языка.

Литература

Быкова О.Н. Языковое манипулирование: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник

Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). – Красноярск, 1999.

Герасимов В.М., Деркач А.А., Косопкин А.С., Нефедова Т.И. Психология парламентаризма. – М., 1999.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М., 2000.

Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие. – М., 2008.

Леонтьев А.А. Психология воздействия в массовой коммуникации // Язык средств массовой информации: учеб. пособие по специализации. – М., 2004. – Ч. 2.

Щербинина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. – М., 2004.

© Копылова В.Е., 2010

И.В. Лазарева
Екатеринбург

Алогизмы в рекламе: природа, виды, функции

Ключевые слова: рекламный дискурс, рекламное сообщение, речевые тактики, манипулятивные тактики, паралогика.

Подсчитано, что в течение дня человек получает в среднем от 500 до 1500 рекламных сообщений. Это привело к формированию у людей ответной защитной реакции, которая проявляется в «отсутствии восприятия информации в 99% случаев» [<http://www.media-online.ru/ambient/index.php?id=48869&>]. В такой ситуации конкретному рекламному сообщению чрезвычайно трудно выделиться на фоне других текстов. Поэтому исследования по поиску новых способов воздействия на целевую аудиторию, которые нарушали бы автоматизм восприятия информации, приобретают всё большую актуальность.

Самым распространённым способом разрушения автоматизма восприятия выступают отступления от норм и правил, вырабатанных в языке. Однако необходимо обратить внимание на то, что не все отклонения имеют положительный эффект – отступление от стандарта может служить основой как креативного и

впоследствии эффективного, так и дефектного рекламного сообщения. И очень важным в этой ситуации является выработка критериев, по которым можно было бы провести границу между двумя этими типами отклонений от норм языка. При этом в специализированной литературе весьма незначительное место отводится способам воздействия на аудиторию при помощи логических нарушений. Какое-то время алогизмы (отступления от законов логики) воспринимались однозначно – как ошибка. Ведь ещё Аристотель, которого называют отцом логики, утверждал, что речь должна отвечать логическим законам.

Логическим законом называют «связь между мыслями (понятиями, суждениями, умозаключениями), которой соответствует формальное выражение, являющееся истинным независимо от истинности или ложности входящих в его состав переменных. Логические законы, законы формальной логики призваны как помогать в построении доказательства, так и контролировать уровень его корректности. Если говорящий стремится к тому, чтобы его речь соответствовала словам Аристотеля, то можно утверждать, что используется прямая тактика речевого воздействия. Эта тактика предполагает, что адресант сообщает адресату просто и непосредственно то, что имеет в виду. Дж. Серль дал наиболее точное описание тактики прямого воздействия: «говорящий стремится оказать определённое... воздействие на слушающего; он стремится сделать это, побуждая слушателя осознать его намерение с опорой на имеющиеся знания о правилах, лежащих в основе производства высказываний...» [Клюев 2001: 149].

Соответственно, если автор текста придерживается описанной тактики, то появившийся алогизм воспринимается исключительно как ошибка. Такой алогизм вызовет как минимум недоумение и непонимание, а может спровоцировать и резко негативную реакцию. Таким образом, ошибки – «это операции, связанные со сбоями в работе языкового механизма» [Мурзин 1989:10]. Они незаметны для говорящего и находятся «в ведении» адресата сообщения – именно он их видит и оценивает. Главное, что отличает ошибку, – это отсутствие целесообразности. Они не наделены никакой функцией и, с этой точки зрения, случайны.

В российской рекламе самыми частыми нарушениями выступают нарушения правил классификации и деления объема понятия. Причина этого может заключаться в том, что автору необходимо рассказать о разных сторонах товара (предмета рекламирования), но в формате печатного издания он должен позаботиться о визуальном облике сообщения, об удобочитаемости текста, о его структурированности. Поэтому автор обычно использует формат маркированного списка, а такая форма приводит к объединению разных признаков в одну классификацию, т.е. к ошибке («наличие нескольких оснований деления понятия»).

Приведем типичный пример подобного рода нарушений: *Эксклюзивная коллекция меховой одежды. Выгодные кредиты, рассрочка. Норка. Ондатра. Каракуль. Бобр. Песец. Нутрия. Овчина. Пальто. Головные уборы* (магазин меховой одежды «Герда»). В этом тексте в одном ряду стоят и названия мехов (*овчина и каракуль*), и виды изделий, предлагаемых магазином (*пальто и головные уборы*), и названия животных (в частности, *бобр* – это грызун с ценным мехом, живущий колониями по лесным рекам).

Однако отступления от законов и правил логики могут быть и специальными приёмами, повышающими экспрессивность текста и придающими ей большую силу воздействия. В паралогике с точностью до наоборот выполняются законы построения высказываний, которые обязательно должны соблюдаться формальной логикой. Именно паралогика и стала своеобразной почвой для теории фигур – учения о приёмах и принципах фигурального выражения. Главная категория теории фигур – фигура – традиционно определяется как отклонение от обычного способа выражения в целях создания эстетического эффекта: сделать речь более выразительной. Паралогика как основа для построения высказывания предполагает отношение к формально-логическим законам как к нестрогим и вполне допускающим исключения. Игнорируя эти законы, паралогика устанавливает иные отношения между объектами суждений. Специфика этих отношений состоит в том, что любые объекты и в любом количестве могут быть сопоставлены друг с другом, т.е. поставлены в отношения аналогии; сопоставляемые объекты находятся в отношениях взаимозаменяемости и коррелируемости. Паралогика и

теория фигур в качестве успешных предполагают фигуральные, т.е. не прямые, косвенные способы воздействия на адресата.

Общий принцип построения косвенной тактики речевого воздействия базируется на том, что фактически любая такая тактика предлагает адресату некоторую загадку, большей или меньшей трудности; разгадав сообщение, он и поймёт, по какой причине сообщение строится непрямо. Обнаружив «разгадку», человек испытывает «радость открытия», «радость узнавания» [Клюев 2001: 159].

Таким образом, адресат привлекается к своеобразному сотрудничеству: от того, как он сумеет «прочесть» сообщение, зависит и характер того, что он из этого сообщения получит. Поэтому косвенную тактику речевого воздействия называют интригующей, тактикой, «задействующей» личностные характеристики слушателя, тактикой, включающей слушателя в общение: *За что человеку даётся шоколад? За то, что он получил пятерку? Вроде не получал. За то, что он убрался в своей комнате? Точно не за это. Может быть, человек помог маме вымыть посуду? Нет, это не я. Получается, чтобы человек её просто съел.*

Шоколад «Алёнка» – всё, что нужно человеку (реклама шоколада «Алёнка»). В этом рекламном тексте нарушен закон тождества: был задан вопрос «За что человек получает шоколад?», а ответы мы получаем на вопросы «Кто получит шоколад?» и «Зачем, для чего человек получит шоколад?». Однако мы понимаем, что данный текст – это высказанные вслух мысли маленькой девочки, главного героя ролика. Ребёнок очень хочет шоколадку и ищет причины, по которым он может её съесть, или оправдание для себя, если он это сделает. Дети обычно не отличаются последовательностью и логичностью своей речи, т.е. текст воспроизводит ход мыслей ребёнка, а значит, нарушение закона тождества – это особый прием – имитация детской речи.

- *Любит./ Есть вопросы?/Yandex. Найдётся всё.*
  - *От верблюда./ Есть вопросы?/ Yandex. Найдётся всё.*
  - *Дед Пихто/ Есть вопросы?/Yandex. Найдётся всё.*
- (поисковая система Yandex).

Приём, использованный в приведённом примере, называется *эллипсис* (греч. *ellipsis* – нехватка, пропуск) – это фигура, предполагающая «пропадание» целых фрагментов высказывания, которые легко могут быть восстановлены по смыслу целого [Клюев 2001:189]. Конструкция с эллипсисом требует помощи ближайшего контекста, без которого эллиптическое построение не может быть адекватно понято. Таким контекстом выступают фоновые знания адресата и автора сообщения. По своей сути, эллипсис – это нарушение закона достаточного основания.

Намеренные логические нарушения открывают второй путь воздействия на адресата – манипуляцию. Такие алогизмы направлены на убеждение адресата при помощи разного рода уловок. Главным индикатором манипулятивной природы того или иного приема является *скрытость* и *неочевидность воздействия*, «при манипулировании получатель информации лишается возможности определять её подлинную ценность» [Зирка 2010: 80].

Эта скрытость позволяет сообщению нести в себе два смысла одновременно. Первый заявляется открыто, это внешняя оболочка. Второй смысл скрыт, это нужное манипулятору умозаключение, которое навязывается аудитории, когда она «теряет нить рассуждений» [Рюмшина 2004: 670].

Приведём примеры рекламы, где алогизм используется как приём манипуляции:

•*Audi. Первый с multitronic*

Новый Audi A4. Азарт победителей

Первооткрыватели – движущая сила истории. Их путь нельзя предугадать, но жажда победы и стремление вперёд заставляют их совершать невозможное.

Уникальная бесступенчатая коробка передач multitronic – это сочетание динамики механической коробки с преимуществами автоматки, это стремительный старт и мощный разгон, это максимальное использование потенциала двигателя.

Так победители входят в историю, потому что их жизнь – это адреналин, скорость и желание быть первыми независимо от обстоятельств.

Никто не помнит второго покорителя неба.

В данном тексте понятие «первооткрыватели» подменяется понятием «победители», которое само по себе имеет положительные коннотации. Но к этому добавляется ещё и следующий смысл: купишь этот автомобиль — станешь первым, станешь победителем, т.е. войдёшь в историю и получишь социальное одобрение.

Кроме того, противопоставляются тезисы, не имеющие в себе ничего противоположного: то, что путь «первооткрывателей нельзя предугадать», не противоречит тому, что «жажда победы и стремление вперёд заставляют их совершать невозможное», т.е. нарушен ещё и закон противоречия.

—*Представь: едет машина с шинами «Cordiant»/ — Так. /— А за ней гонится жуткая тварь./ — И что? /— А догнать не может! /— Почему?/ — Потому что «Cordiant»/ «Cordiant»: врождённое сцепление с дорогой. Обувай «Cordiant».*

(автомобильные шины «Cordiant»).

Оснований в этом тексте явно недостаточно для объяснения причин, по которым «жуткая тварь» не может догнать автомобиль: не описываются ни особые свойства этих шин, ни что-либо ещё. Однако мы видим, что закон логики нарушен специально — авторы рекламного текста утверждают: название марки является гарантией качества продукта и снимает какие-либо сомнения. Е.В. Медведева называет такой приём *навязыванием пресуппозиции*, которым адресант решает несколько задач одновременно. «С одной стороны, он постулирует некое утверждение как объективный факт, не требующий доказательств, и внедряет его в качестве непреложной истины в сознание потребителя, а с другой — за счёт отказа от аргументации и своеобразной «свёрнутости» смыслов добивается краткости сообщения» [Медведева 2003: 96].

В связи с тем что граница между игрой и ошибкой подчас едва ощутима, исследователи пытаются выработать определённую методику, которая облегчала бы процедуру интерпретации. Они выделяют разные признаки, по которым можно было бы разделить разные виды языковых нарушений. Одни называют такими признаками эффективность, точность, корректность, другие — понятность. Третьи говорят о целесообразности использования наруше-

ния. Проанализировав все эти критерии, мы взяли за основу алгоритм, предложенный Л.М. Майдановой [Майданова 2001: 153] и выработали методику анализа рекламного сообщения, позволяющую определить природу, тип и функции алогизма в тексте.

При восприятии текста нужно определить, оправдываются ли наши ожидания при чтении рекламного сообщения. Если ожидания нарушены и возникают вопросы к тексту (непонятно, почему автор так сказал, или в тексте есть какое-то противоречие), это указывает на наличие в тексте алогизма. Если это ошибка, мы не можем найти достаточных оснований для её оправдания – возникает недоумение, непонимание текста. В итоге – эмоция досады, раздражения. Если это приём выразительности, то мы испытываем положительные эмоции, мы вовлекаемся в игровую деятельность, предложенную автором, мы разгадываем этот приём.

Особой оговорки требуют приёмы манипуляции. Дело в том, что их использование, по сути, не разрушает автоматизма восприятия, не разрушает наших ожиданий, – мы её просто не видим. По этой причине (нет нарушения ожиданий адресата) манипуляции не опознаются адресатом, поэтому мы их не учитываем в методике анализа.

Литература

Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе. Лингвистический аспект. – М., 2010.

Клюев Е.В. Риторика (Инвестиция. Диспозиция. Элокуция). – М, 1999.

Майданова Л.М. Критика речи и литературное редактирование. – Екатеринбург, 2001.

Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. – М., 2003.

Мурзин Л.Н. Норма, речевой приём и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приёмы и ошибки: типология, деривация и функционирование. – М, 1989.

Рюмина Л.И. Манипулятивные приёмы в рекламе. – М, 2004.

© Лазарева И.В., 2010

Г.Б. Наумова
Стерлитамак

**Роль лексико-фразеологических средств в текстах
комического жанра (на материале произведений
В.П. Вишневого и М.Н. Задорнова)**

Ключевые слова: коммуникативная установка писателя-сатирика, комизм, языковая игра, лексические нормы русского языка.

Известный чтец Московской государственной филармонии Э.И. Каминка писал, что «...тем, кто берется за исполнение юмористических произведений, надо постоянно помнить о том, что юмор и зубоскальство, смех ради смеха, ничего общего между собою не имеют... Юмор – одна из разновидностей смешного, способность увидеть в жизни и воспроизвести в искусстве комические черты, явления и вынести их на обозрение общества» [Каминка 1965: 100]. Современная коммуникация отличается от советской коммуникации обилием шоу сатирического и комического характера. Основой части таких теле- и радиопередач являются тексты и выступления В.П. Вишневого и М.Н. Задорнова. Произведения данных авторов отличаются злободневностью, отражением социальной и политической жизни россиян. Целью статьи стало выявление приемов использования лексико-фразеологических средств в текстах писателей-сатириков – наших современников и их роли в создании оценки реалий.

Проведенный нами лингвоанализ текстов В.П. Вишневого и М.Н. Задорнова показал, что для них характерно частотное употребление фразеологических единиц (ФЕ) в трансформированном виде. Чаще всего обыгрывается вторичный, производный характер ФЕ. Значение ФЕ не выводится из значения составляющих его единиц, однако первичное, не связанное значение сохраняется в ФЕ и может использоваться адресантом для создания комического эффекта. Заметим, что **трансформация ФЕ** является одним из приемов языковой игры (ЯИ). **Языковая игра** – это «парадоксальное отклонение от сложившихся форм языкового выражения смысла в разных сферах речи, отражающее особенности языковой ментальности» [Гридина 2002: 25].

Произведем лингвоанализ ФЕ в поэтических произведениях В.П. Вишневого.

1. *Сегодня фильмы сняты с полки!..*

На полке – зубы. Горше опыт.

И ёж бежит, сломя иголки,

Напуган нашей голой правдой.

В данном тексте обыгрываются два ФЕ *положить зубы на полку* и *бежать сломя голову*. Комизм достигается использованием некодифицированных ФЕ, основанных на их трансформации с заменой компонента. Неузואльное использование ФЕ *бежать сломя голову* акцентирует внимание адресата на оценке фактов действительности, которые вызывают у автора негативную оценку.

2. *...По слуху, в целом всё, но, перед*

тем как покину я трибуну,

хочу собравшихся заверить:

лапша была бы – уши будут.

Лирический герой данного текста предупреждает о том, что адресата впоследствии может ожидать недостоверная информация (на жаргоне – *лапша*). Эта установка дискредитирует достоверность информации, произносимой с трибуны. Такая ситуация близка и понятна нашему современнику, так как средства массовой информации (СМИ) характеризуются обилием лжеобещаний политиков.

3. *...А для всяческой свыше лапши*

Наши уши пока хороши.

В данном примере, как и в предыдущем, обыгрывается ФЕ *вешать лапшу на уши* 'лгать, обманывать кого-либо'. *Лапша* получает определение *свыше*, что характеризует сегодняшнюю политическую речь как не внушающую достаточного доверия нашему современнику. Лирический герой, говоря «наши уши», и себя приравнивает к адресату, тем самым эксплицируя саркастическую оценку по поводу всего, что представляется в СМИ.

4. Наряду с ФЕ обыгрыванию и переосмысливанию подвергаются пословицы и поговорки. Например, пословица *Бедя никогда не приходит одна* перефразируется в «*Я не одна*», – *потупилась Бедя*. Данная перифраза своей семантикой отражает со-

циальные, экономические и политические изменения России в период кризиса. А слово *Бед* включает в себя сему «кризис».

5. Трансформацию с изменением исходного значения традиционной поговорки находим и в следующем примере:

*Зрелища есть и события,
Видимость чья такова,
Что лучше – один раз увидеть!..
Чем два.*

Эта перифраза построена на замене компонента поговорки *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*. В окказиональной ФЕ снимается оппозиция *увидеть – услышать* и появляется новая оппозиция *один раз – два раза*. Актуализация неузуального, переосмысленного значения поговорки становится возможной благодаря изменившейся современной общественно-политической ситуации в России. В тексте создается отрицательная авторская оценка *зрелищ и событий*.

Таким образом, для творчества В.П. Вишневого характерна трансформация кодифицированной ФЕ, поговорки или поговорки. Новый компонент в структуре ФЕ обозначает то или иное актуальное явление постсоветского периода, которое активно освещается в СМИ. Типичным приемом создания новой семантической и оценочной коннотации является перифраза.

Столкновение узуального и окказионального значений ФЕ наблюдаем также и у М.Н. Задорнова. Обыгрыванию подвергается множество устойчивых выражений. Например: внутренний голос – *голос из министерства внутренних дел*; стихийное бедствие – *сборник стихов молодых поэтов*; свободные цены – *это когда пришел в магазин, увидел пены и – свободен!*; одинокая женщина – *это женщина, у которой никого нет, кроме мужа*. Авторская расшифровка устойчивых выражений опирается на реалии современной действительности, лишая их в определенном контексте (частично или полностью) прежнего значения.

1. Фактор времени влияет и на авторскую трансформацию поговорок и поговорок. Например: *Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало* – Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не было ломки. В данной трансформированной поговорке нашла отражение острая проблема современности – рост наркомании среди молодых людей, которая получает авторскую негативную оценку.

2. Пословица *Не суди и не судим будешь* трансформируется в *Не грузи и не грузим будешь*. Лексема *грузить* в значении ‘навязчиво передавать, сообщать большое количество информации кому-либо’ [Мокиенко, Никитина 2001: 141] передает равнодушное, безразличное отношение молодых людей к жизни: не думать много о проблемах, не забивать голову. Общеупотребительные слова в пословицах заменяются словами из молодежного жаргона (*грузить, ломка*), что актуализирует их новое значение, создает сарказм.

3. *Чернуху бояться – «НТВ» не смотреть!*

Пословица *Волков бояться – в лес не ходить* в творчестве М.Н. Задорнова трансформируется и переосмысливается. В новообразованной пословице получает актуализацию ситуация, сложившаяся не только на канале НТВ, но и на современном телевизионном пространстве в целом: эфир заполнен телепередачами скандально-сенсационного, криминального характера. Негативная оценка со стороны адресата является показателем формирования нового окказионального значения.

4. *За двумя кенийцами погонишься – придёшь к финишу третьим!*

Перифраза ставит под сомнение значение традиционной пословицы *За двумя зайцами погонишься – и (ни) одного не поймает* ‘если возьмёшься сразу за несколько дел, не добьёшься результата ни в одном из них’ [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: 239]. Её значение демегафоризируется: услышь бег, за двумя сильными погонишься – придёшь третьим. В новой пословице отражается общеизвестный факт из спортивной жизни мира: спортсмены – выходцы из стран Африки (в том числе и Кении) занимают призовые места в соревнованиях по бегу. Трансформированная пословица имеет значение ‘погнавшись за лидерами, можно получить призовое место’. Предписание традиционной пословицы не только ставится под сомнение, но и полностью дискредитируется: то, что раньше запрещалось, оценивалось как негативная черта, теперь, согласно современной пословице, разрешается и даже поощряется. Таким образом реагируя на ситуацию, когда сложно одерживать победы на спортивной арене, автор, с одной стороны, сопереживает нашим соотечественникам-спортсменам, а с другой стороны, иронизирует.

5. Противоположное отношение М.Н. Задорнова к традиционной пословице наблюдаем в авторском новообразовании *Как бухнётся, так в трубочку и дыхнётся!* На наш взгляд, подобную трансформированную единицу можно отнести к жанру стёба. По мнению Е.И. Бегловой, **стёб** – это «текст «смеховой» направленности, характеризующийся смешением кодифицированных и некодифицированных, разностилевых лексико-фразеологических единиц, то есть включающий приём смешения стилей или разностилевой лексики и фразеологии» [Беглова 2007: 294 – 295]. Ироническая насмешка реалий автолюбителей достигается заменой узуальных компонентов жаргонизмами *бухать* ‘общ. пить алкогольные напитки’ [Мокиенко, Никитина 2001: 84] и *дыхнуть в трубку* ‘автолюб. процедура для определения степени алкогольного опьянения’ [Мокиенко, Никитина 2001: 175]. При этом значение традиционной пословицы *Как аукнется, так и откликнется* не меняется, автор добавляет актуальность старой пословицы, придаёт ей современное звучание.

6. *Ничто так не красит человека, как игра в пейнтбол.*

Традиционная пословица *Не место красит человека, а человек* – место претерпевает не только структурную трансформацию, но и семантическую. В трансформированной пословице реализуется первое, прямое значение слова *красит* ‘покрывать или пропитывать краской, красящим составом’ [Ожегов, Шведова 1999: 303], в узуальной – второе, переносное ‘придавать красоту кому-чему-н., украшать’ [Ожегов, Шведова 1999: 303]. Обыгрывание этих двух значений становится понятным современному читателю и вызывает положительное восприятие, так как всё бóльшую популярность приобретает *пейнтбол* – спортивная командная игра, одним из элементов которой является условное поражение противника из оружия, стреляющего краской. В тексте эксплицируется авторская негативная оценка массового увлечения подобной игрой.

Приведённые выше трансформированные пословицы можно отнести к жанру **антипословиц** (Х. Вальтер, В.М. Мокиенко) по ряду признаков: «приземлённость» смысла; связь с конкретно-бытовым концептом, их породившим; игра слов; ориентация на заведомо известную пословицу; стилевое смешение (стёб) и др. Причину активизации жанра антипословиц Х. Вальтер и

В.М. Мокиенко видят в известности, «хрестоматийности», стереотипности традиционных пословиц: «с одной стороны, высоко-частотность обеспечивает моментальное узнавание паремии, с другой – повышает искус сопротивление ей и стоящей за нею хрестоматийной мудрости» [Вальтер, Мокиенко 2008: 7].

Близки антипословицам по своей семантике тексты авторского жанра М.Н. Задорнова **послесловицы**. Как видно из самого названия, образованного путем контаминации слов «после» и «пословица», традиционная пословица будет иметь продолжение. Например, христианская мудрость *Когда ударят по одной щеке, подставь другую* в творчестве М.Н. Задорнова переосмысливается и интерпретируется автором как древнейшая славянская мудрость дохристианских времен: *Когда ударят по правой щеке, подставь левую... Но не дай ударить!*

Новая метла по-новому метет! А как сломается – под лавкой валяется! По словам автора контекста, для правителей она вообще не пословица, а оправдание. Такой авторский комментарий выявляет его оценку современной политической ситуации в стране, характеризующуюся частой сменой руководителей различных структур.

Таким образом, творчество В.П. Вишневского и М.Н. Задорнова объединяет частотное использование ФЕ, устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок. Основой создания комизма в произведениях обоих авторов становится трансформированное использование ФЕ. В текстах В.П. Вишневского частотным приемом является трансформация ФЕ с заменой компонента; в текстах М.Н. Задорнова – столкновение узуального и окказионального значений ФЕ.

Языковая игра, основанная на сознательном нарушении лексико-фразеологических норм, репрезентирует не только оригинальный иллюстративный материал, но и позволяет выделить некоторые смысловые компоненты слова, которые важны для установления семантических процессов и тенденций развития лексики в целом.

Итак, установка авторов на ЯИ создает возможности использования потенциала окказионального значения ФЕ, устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок, ориентированного как на языковую систему (норму), так и на ее реализацию в текстах

(отклонение от нормы). Оказиональность прежде всего является проявлением творческих способностей авторов и играет важную роль в создании новых значений, именующих (номинативная функция) и оценивающих (коннотативная функция) новые явления действительности.

Литература

Беглова Е.И. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи. – М., 2007.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь / Под ред. В.М. Мокиенко. – М., 2007.

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – М., 2008.

Вишневский В.П. Антология Сатиры и Юмора России XX века. – Т. 13. – М., 2008.

Гридина Т.А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе: Материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции 25–26 апреля 2002 г. – Екатеринбург, 2002.

Задорнов М.Н. Я никогда не думал... Избранное. – М., 2010.

Каминка Э.И. О юморе всерьез // Искусство звучащего слова. Вып. I. – М., 1965. – С. 99 – 113.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2001.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.

© Наумова Г.Б., 2010

Е.В. Пастукьян
Ростов-на-Дону

**Сочинительные конструкции диктематического уровня
в контексте выделения функционально-семантического**

поля координации в английском языке

Ключевые слова: синтаксические конструкции, диктема, сложносочиненные предложения, сложное синтаксическое целое.

Отношение взаимозависимого равноправия выражается посредством сочинительных конструкций (конструкций, образованных по формуле «компонент 1 + сочинительный союз (соединяющий элемент) + компонент 2») на ряде языковых уровней. Диктематический уровень языка образован объединениями самостоятельных предложений. Диктема есть «элементарная тематизирующая единица связной речи», формируемая предложениями. Это универсальная единица текста, как устного, так и письменного, в любых его стилистических разновидностях; вне диктемного строения текст как непосредственный продукт речевой деятельности существовать не может. В равномерно развивающемся письменном монологическом тексте диктема, как правило, представлена абзацем, в диалогической речи - целой репликой [Блох 2000: 56-67]. Основной функцией диктемы является тематизация, которая происходит посредством «микротематизации» [Блох 2004: 72].

Понятие «диктема» следует отличать от понятий фразы, сверхфразового единства и текста, которые также рассматриваются в качестве отдельных, «надпропозематических», языковых уровней [Вейхман 1988: 68]. Фраза – это основная единица речи, выражающая законченную мысль. Это смысловое единство, целостность которого создается интонационными средствами, а также определенной синтаксической структурой [Светозарова 1998: 558].

Сверхфразовое единство есть объединение предложений [Блох 2004: 72], отрезок речи в форме последовательности двух и более самостоятельных предложений, объединенных общностью темы в смысловые блоки [Шевякова 1998: 435]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре понятия сверхфразового единства и сложного синтаксического целого (ССЦ) рассматриваются как синонимичные. Н. С. Пospelов справедливо относит к отличительным чертам сложного синтаксического целого его способность выражать сложную и законченную мысль и его от-

носительную независимость в составе окружающего контекста, что отличает эту семантико-синтаксическую единицу от предложения [Поспелов 1948: 50-53].

Текст как целое является конечной сферой выхода функций элементов языка в процессе речеобразования и представляет собой формирование знаково-тематическое: в тексте осуществляется раскрытие определенной темы, которое объединяет все его части в информационное единство [Блох 2004: 72]. Исходя из того, что диктематический уровень следует за пропозематическим и что СК каждого следующего языкового уровня состоит, как уже отмечалось выше, из единиц более низкого языкового уровня, мы будем в качестве СК диктематического уровня рассматривать соединение двух предложений в тексте, второе из которых начинается с сочинительного союза.

Диктемы объединяются в тематические блоки, выражаемые абзацами и главами, которые в речевом плане соответствуют сверхфразовым единствам и текстовым сегментам [Блох 2000]. Соответственно, формально СК данного языкового уровня бывают двух видов, и предложение – второй компонент СК диктематического уровня, – может открывать новый абзац в тексте, а может быть внутри абзаца, который предстает чисто прагматической реалией. Интересно определение понятия абзаца В. Дынник, в котором отмечается, что «абзац отражает намерение художника выделить внешним образом в особую группу те или иные части произведения, он делает отчетливыми группировки эмоций, идей, образов. Группировки образов в абзаце производятся как по их статической связи, так и по связи динамической: так, характеристика действующего лица, описание местности и пр., устанавливающие статическую связь между абзацами, требуют, обычно, **красной строки**; точно так же **красной строкой** отделяется существенный поворот в развитии сюжета, новый момент в романе или повести, где события даются по преимуществу, в динамической их связи. Там, где передаются рассуждения автора, размышления действующих лиц, абзац подчеркивает логическую связь между идеями. Абзац отображает характер связи между эмоциями в лирическом произведении или отрывке. Так как употребление абзаца не предусматривается никакими строго установленными правилами, то и в обычном его

употреблении проявляется художественное намерение автора и здесь его применение во многом субъективно» [Дынник 2007]. Таким образом, абзац зачастую указывает на изменение направления повествования, на «новое» начало в тексте, и в СК диктематического уровня, один из компонентов которого является инициальным в новом абзаце, связь компонентов более нейтральна с точки зрения логической связи выражаемых предложениями событий, чем в предложениях в пределах одного абзаца. Расположение СК диктематического уровня по отношению к началу нового абзаца будет рассматриваться нами в связи с выражением СК определенного значения – значения изменения направления повествования. Следует отметить, что СК диктематического уровня, характеризующиеся функционированием внутри абзацев, являются более эксплицитными средствами выражения основного значения сочинения, нежели СК, функционирующие на стыке абзацев.

СК диктематического уровня составляют 9,05% от всего числа СК и образуют ближнюю периферию функционально-семантического поля координации в английском языке. Они выражают определенную целостность, поскольку, как справедливо отмечает Е.В. Урысон, между предложениями внутри текста существует некая смысловая связь, благодаря чему каждое предложение не просто обозначает ситуацию, но представляет ее во взаимосвязи с другими ситуациями, описываемыми в тексте [Урысон 2004: 81], текст можно рассматривать с позиции «последовательного перечисления» ситуаций [Elhadad, McKewen 1990: 101]. Союз структурирует текст по принципу сукцессивности, то есть одна фраза как бы вызывает, или тянет, за собой другую, в результате чего образуется равномерная и согласованная в своем протяжении речевая цепь, протяженность которой определяется коммуникативными установками говорящего [Кручинина 1988: 57]. Руководствуясь обоснованным понятием «ложного дисконтинуума текста» [Володченко 2007], мы считаем, что на данном уровне каждый отрезок текста служит раскрытию замысла говорящего, обусловлен предшествующим контекстом и определяет дальнейшее лексико-семантическое наполнение текста и его логическое построение. Интересным также в этой связи является замечание М. Elhadad и К. McKewen

own о том, что сам процесс соединения предложений посредством сочинительных союзов в дискурсе есть процесс тематизации [Elhadad, McKeown 1990: 100]. Соответственно, СК данного уровня связаны определенными логическими отношениями, их компоненты грамматически и семантически необратимы. Принимая во внимание вышеприведенные рассуждения, мы обозначим фоновое значение, актуализируемое в зоне ближней периферии рассматриваемого функционально-семантического поля, как присоединительно-развивающее, то есть такое, которое, присоединяя последовательно образы отдельных ситуаций, развивает и раскрывает отдельную тему – контент диктемы как единицы языка.

Н.В. Малычева на основе критерия взаимопроницаемости предикативных единиц в ССЦ на лексическом и грамматическом уровнях выделяет ССЦ аналогичные и неаналогичные сложносочиненному предложению (ССП). Под взаимопроницаемостью понимается скоординированность частей по отношению к прагматическим переменным «я-здесь-сейчас» и, следовательно, их принадлежность одному субъектно-речевому плану. В ССЦ же, представляющем собой контаминацию различных субъектно-речевых планов (автор, повествователь, персонаж), взаимопроницаемость отсутствует, что предполагает семантическую некоординированность компонентов ССЦ в ряде смысловых аспектов: в авторстве речи, в пространстве, во времени [Малычева 2003: 85]: *His only pair, except the boots of Dr. Dominick, which he was nursing. And from the boot he looked back at Bryce-Green, sleek and concerned* [Galsworthy 2006: 31], *She drew her cheque-book towards her. But no, cheques would be of no use, of course* [Maugham 2002: 46].

ССЦ, неаналогичные ССП с сочинительным союзом, подразделяются на три вида, а именно: ССЦ с семантической оппозицией, ССЦ с цитацией, ССЦ с имплицитным семантическим звеном. Компоненты ССЦ, в отличие от ССП, могут отражать различные аспекты одной сигнификативной ситуации, например, ментальный и предметный аспекты, представленные с точки зрения разных интерпретаторов и образующие семантическую оппозицию [Малычева 2003: 124].

Все ССЦ с сочинительным союзом, аналогичные ССП, делятся на ССЦ однородного и неоднородного состава. ССЦ однородного состава представляют собой открытый ряд, состоящий из двух и более предикативных единиц, количество которых всегда может быть увеличено и определяется задачей информации – стремлением адресанта наиболее полно описать ту или иную ситуацию. Содержание предикативных единиц ССЦ однородного состава одинаково относится к тому сложному целому, которое они в совокупности передают; но союзы в них могут выражать разные отношения [Малычева 2003: 93]. Говоря о структурах однородного состава, следует подчеркнуть, что в этом случае отсутствуют материально-выраженные средства, связывающие их с текстом, тогда как в структурах неоднородного состава имеют место средства сегментной связи – анафорическая связь. Опора на предшествующий текст – основа движения текста [Гаврилова 2005: 78]. В случаях, когда союз имеет соединительное значение, он представляет одновременно развертываемые одноплановые ситуации в полной позиционной равнозначности. Мы разделяем мнение Н. В. Малычевой, что это – соединение в чистом виде, опирающееся на союз [Малычева 2003: 96], например: *He was alone. And, chin on hand, he stared through his monocle into the empty coffee cup* [Galsworthy 2006: 31], *Paul who was the nephew of Mrs. Wield, down here for the summer, before rejoining his studies in Cambridge was the most prized of the young eligibles. And he fell in love with the Juliet of Lessington, Mary Kerr, the pretty twenty-year old* [Mitra 2002: 35].

Особенностью ССЦ неоднородного состава является то, что синтаксические отношения, возникающие между предикативными единицами, передаются лексическим наполнением компонентов ССЦ, а не союзом [Малычева 2003: 101].

СК неоднородного состава передают следующие виды отношений между ситуациями объективной действительности, или суждениями о них:

- в пределах микрополя аналогичности: 1) добавления, когда одно событие добавляется к другому, они перечисляются, но рассматриваются как единое целое; 2) следствия, 3) причины, 4) отношение изменения направления повествования. Последнее репрезентировано тремя подтипами:

1) переход к новой теме, где соединительный союз служит маркером развития повествования: *I gave her the gun but I didn't move. And I became aware of a smell of burning rubber and he yelled at me to stop* [Cain 2003: 141]; 2) возвращение к предыдущей теме; 3) вкрапление дополнительной информации, неполная смена темы: *Just because I'm not a chorus girl you can't understand why anyone should send me flowers. And God knows, I've got better legs than most of them* [Maugham 2002: 70].

- в пределах микрополя неаналогичности: 1) ограничительно-уточнительные; 2) уступки; 3) заместительные-возмездительные; 4) изменение направления повествования.

Следует отметить, что понятие однородности, предполагающее взаимную необусловленность сочиняемых компонентов, нетождественно понятию «несвязанность». В пределах диктемы ее части связаны общей темой, но ситуации объективной действительности, которые эти части представляют, могут друг друга не предполагать в реальности, а быть соединены исключительно в рамках развития данной темы.

Таким образом, СК диктематического уровня есть соединение двух предложений в тексте, второе из которых начинается с сочинительного союза. Координативные сочетания диктематического уровня входят в зону ближней периферии функционально-семантического поля координации в английском языке. Они реализуют общее присоединительно-развивающее значение и ряд частных значений.

Литература

Блох М.Я. Диктема в уровневой системе языка // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4.

Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М., 2004.

Вейхман Г.А. Уровень текста // Филологические науки. – 1988. – № 2.

Володченко А.В. Ложный дисконтинуум в тексте (на материале современной англоязычной прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007.

Гаврилова Г.Ф. Синтаксис предложения. – Ростов н/Д, 2005.

Дынник В. Абзац // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». – 2007. – URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-0011.htm>.

Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. – М., 1988.

Малычева Н.В. Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ. – Ростов н/Д, 2003.

Поспелов Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке // Ученые записки МГУ. – М., 1948.

Светозарова Н.Д. Фраза // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1998.

Урысон Е.В. Союзы А и НО и фигура говорящего // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6.

Шевякова В.Е. Сверхфразовое единство // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1998.

Cain M. J. The Root of His Evil. – СПб., 2003.

Elhadad M., McKeown K. Generating Connectives. // Published in Proceedings of COLING 90 Helsinki, Finland, 1990. – Mode of access: <http://www.cs.bgu.ac.il/~elhadad/papers/coling90.pdf>.

Galsworthy J. The Broken Boot. – М., 2006.

Mansfield K. A Cup of Tea. – М., 2006.

Maugham W.S. Theatre. – М., 2002.

Mitra R.N. A Very Insipid Passion. – М., 2002.

© Пастукьян Е.В., 2010

Д.С. Соломенна
Екатеринбург

Ситуация шитья в зеркале дериватов глагола *шить*

Ключевые слова: этимологический анализ, этимологическое гнездо, дериват.

Эта статья посвящена рассмотрению ситуации шитья в зеркале дериватов глагола *шить*. Она основана на материале сло-

варей современного русского языка (литературный язык, диалект, жаргон) и на данных исторических словарей.⁴

Проблемами этимолого-словообразовательных гнезд занимались многие ученые [см. Толстая 2008; Варбот 2008], которые отмечали, что при такого рода исследованиях нужно учитывать не только словообразовательные связи, но и диахронные преобразования гнезд, а также семантические отношения. Ж.Ж. Варбот говорила о возможности «преобразования некой части словообразовательных связей в этимологические» [Варбот 2008: 85], а «постепенность этого процесса обеспечивает преемственность основных структурных и семантических характеристик» [Варбот 2008: 85], о чем свидетельствует воспроизведение словообразовательных моделей и семантических производных на разных хронологических уровнях. При анализе этимологического гнезда необходим комплексный подход.

Рукоделие, а в частности изготовление одежды, обуви и других изделий бытового хозяйствования, всегда являлось важной частью народной культуры с незапамятных времен. В этой статье рассмотрены производные, которые отражают различные компоненты ситуации шитья.

Само действие

Процесс шитья в сознании русского человека характеризует множество признаков, которые важны для носителей языка, а следовательно, эти признаки отражаются в семантике производных слов.

Сам процесс соединения, скрепления «ниткой с помощью иглы краев ткани, кожи и т.п. при изготовлении одежды, обуви и т.п.» может передаваться не только лексемой *шить*, но и такими глаголами, как *швóрить*, *швéйничать*, *шивáть*, *вишивáть*, *сшивáть* и т.д.

Среди производных, с точки зрения семантики, можно выявить несколько противонаправленных действий. Так, в данной группе представлено три вида шитья: 1) прикрепление чего-либо сверху (*вишивать*, *нашивать*); 2) прикрепление чего-либо с

---

⁴ В связи с тем, что в результате работы со словарями выстроилась целостная картина, нет смысла делать ссылки на те или иные источники расположения материала.

внутренней стороны (*нашивать, подшивать*); 3) вшивание чего-либо внутрь, вставка во что-либо (*вшивать, зашивать, шить в прошиву*).

Выделяется три группы слов, обозначающих разные этапы шитья.

Первый этап – это начало работы: *заши́ть* – «начать шить».

Второй этап – это работа, длящаяся некоторое время: *пошива́ть* – «шить исподволь, понемногу, изредка», *поши́ть* – «шить некоторое время», *поши́ться* – «пошить некоторое время», *прошива́ть* – «шить в течение какого-либо времени».

Третий этап – это окончание работы: *отишива́ть* – «кончить, перестать шить», *сшить* – «кончить шитье», *отишива́ть* – «оканчивать шитье чего-либо; шить до конца».

С категорией времени тесно связана категория результата, также нашедшая свое выражение в семантике производных. Все дериваты данного гнезда, относящиеся к этой группе, можно условно разделить на две группы: те, что означают просто длящиеся действия и значения которых не содержат указания на какой-либо в конце концов достигнутый результат, и те, в семантике которых содержится сема результативности. К последней группе относятся, например, такие лексемы, как: *заши́ть* – «сшить все необходимое для кого-нибудь, обшить», *перешива́ть* – «сшить много, наработать шитьем», *поприши́ть* – «сшить, нашить».

Несмотря на то, что семантика соединения, безусловно, является наиболее значимой для дериватов этого этимологословообразовательного гнезда, изготовление предметов одежды и обуви все же – сложный и кропотливый процесс, который не ограничивается простым соединением краев ткани, и поэтому он распадается на ряд отдельных действий. В целом ряде производных происходит детализация основного значения и привнесение в него дополнительных смыслов.

Процесс украшения изделия узорами, вышивкой и т.д. – значение, которое отражается, например, в лексемах: *выше́ивать, вышива́ние, выше́ива́ть, выше́ивливать, исшива́ть* и др.

В значениях производных реализуется дополнительный оттенок семантики, который заключается в эстетическом восприятии результатов процесса – то, что расшито, украшено узорами, вышивкой, всегда оценивается людьми с точки зрения красоты и искусности, то есть шитье – это не только процесс, играющий важную

роль в жизни человека, но и действие, в котором он может выразить свое «я», продемонстрировать свой талант, как в любом другом ремесле, требующем искусных умений.

Субъект действия

Все слова этой семантической группы делятся на две подгруппы: к первой из них мы отнесем слова, называющие человека (преимущественно мужчину), занимающегося изготовлением обуви, а ко второй – слова, называющие человека, занимающегося шитьем.

Человека, занимающегося изготовлением обуви, или попросту сапожника, в русском национальном языке называют по-разному. Наиболее частотный вариант – *швец*, также встречаются такие наименования, как *шильник*, *шваль*, *вишівник*. Слова этой группы тесно связаны с группой слов, обозначающих инструменты, которые использует сапожник. (Основными его инструментами являются *шіло* и *швѐц* (грубая щетина, используемая вместо иглы)).

Человека, занимающего шитьем (чаще женщину), именуют *шітницею*, *швечіхой*, *швѐйнею*, *швейіхой*, *швѐйницею*, *швáchкой*, *швáchлю*, *швѐчкой* и т.д. Номинаций мужчин, занимающихся этим ремеслом, сравнительно меньше, но они есть: *швѐц*, *швѐйник*, *шваль*, *шітик*, *пошіівцик*.

При номинации учитывается и такой аспект, как профессиональность работника, занимается он шитьем как работой или шьет как любитель это делать: *швейя* – «женщина, профессионально занимающаяся шитьем», *шітница* – «кто любит и умеет шить» и др.

Также учитывается, заказывают ли ей вещи или приглашают ее к себе для шитья приданого: *швѐйница* – «работник швейной промышленности», *шітница* – «работница, приглашаемая для шитья приданого» и др.

Разнообразие названий может говорить о том, что портниха или портной, швея или швец ранее играли большую роль в жизни общества, нежели теперь. Раньше было важно, какой именно человек изготавливает одежду, а теперь люди не интересуются тем, кто шьет, и главным становится марка (если не говорить о дизайнерской одежде, где, по сути, имя портного выполняет функцию этой самой марки).

Место действия

Данная группа в современном русском литературном языке представлена только словосочетаниями *швейная мастерская*, *швейная фабрика*. В народных говорах русского языка сохраняются такие названия этой реалии как *швѣльня*, *швѣльная*, *швѣйня*, *вышивѣльня*, *ошивѣльня* и др. Сохранение номинации одним словом указывает на то, что в современном мире изменились отношения между производителем и заказчиком. Прежде люди были заинтересованы в том, где шьют одежду и изготавливают обувь (*швѣльня* не только швейная мастерская, но и мастерская по ремонту и пошиву обуви), теперь людей интересует не конкретное место, где изготавливают одежду и обувь, а скорее роль швальни теперь выполняет страна-производитель.

Инструмент/приспособление

В этой группе можно выделить несколько более мелких подгрупп.

Во-первых, это **сам инструмент**, игла, которая бывает нескольких видов. Прежде всего это *шѣло* – «инструмент для прокалывания отверстий в виде заостренного металлического стержня, насаженного на рукоятку (употребляется обычно в сапожном, шорном деле)» и его производные с тем же значением (*шѣльце*, *шѣльё*, *шѣлье-копылье* и т.д.)

В настоящее время само *шѣло* деэтимологизировалось и не воспринимается как инструмент, предназначенный для шитья, скорее, как инструмент для прокалывания жестких поверхностей. Сам же инструмент, с помощью которого шьют, называется теперь *швейной иглой* или просто *иглой*. Очевидно, это связано с тем, что изменилась технология шитья: исходя из семантики слова *шѣло*, мы можем предполагать, что ранее при шитье сначала прокалывали отверстия, а затем (возможно, без инструмента) продевали в них нить. Изобретение иглы, позволяющей совместить эти два действия, потребовало новой номинации, чем *шѣло*. Сама семантика слова *игла* «инструмент для шитья» вторична, см. [Фасмер т. 2: 115].

Во-вторых, в этой группе выделяется подгруппа, обозначающая **«приспособление для шитья, пальцы»**. Сюда относятся такие слова, как *швѣйка*, *швѣйка* и др.

В-третьих, особую подгруппу составляют слова, называющие некий **инструмент для ручной работы швеи, в виде прялки**. Это

такие лексемы, как: *шва́лка*, *прише́вка* и др. В современном русском литературном языке эти лексемы не представлены совсем.

И наконец, в-четвертых, выделяется небольшая группа слов, обозначающих *швейную машинку*. Это слова *швёйка*, *швёйта* и словосочетание *шйтная машинка*.

Если говорить в целом о содержании этой группы, то следует отметить, что многие лексемы в современном русском литературном языке изменили свое значение или вообще не представлены. Это вызвано экстралингвистическими причинами: с техническим прогрессом не только появились новые реалии, но и исчезли многие старые.

Место хранения инструментов и приспособлений

В современном русском языке кроме *шкатулки*, *баночки*, *ящика*, *игольницы* и т.п., пожалуй, и нет никаких слов, обозначающих место для хранения швейных принадлежностей, но в диалектах ситуация другая: *нашйльник*, *шва́льня*, *шйловый*, *шйльница*, *швёйка*, *шитвя́нка*, *шйтница* – все это слова, номинирующие место хранения инструментов и приспособлений для шитья. Вновь сталкиваемся с ситуацией, когда лексемы полностью не представлены в литературном языке. Все эти слова обозначают место для разных инструментов и сами по себе являются разными. Например, *нашйльник* – «чехол, футлярчик для шила», *шва́льня* – «коробочка, шкатулка для ниток, иглол и т.д.», *швёйка* – «подушка в виде куклы, набитой тряпьем для втыкания иглол, свидетельство, что невеста мастерица».

Результат действия

Непосредственным простым результатом действия выступает *шов* (< *шев*). Это слово наиболее устойчиво как в семантическом, так и в словообразовательном планах. *Шóв* как «место соединения частей чего-либо», «сшитых кусков ткани, кожи и т.д.» сохраняет и в настоящем литературном языке свое архаичное значение.

Сложным результатом действия выступает в данной ситуации *шитьё* «изделие, вещь, которая шьется, сшито или вышивается, вышито». Семантика многих дериватов этого этимологословообразовательного гнезда конкретизирует значение *шитья* как «изделия, вещи, которая шьется...», указывая на то, что именно шьется: например, *выше́вка* – «вышивка», *наше́вни* –

«сапоги с нашвами», *обшívки* – «нашивки из холста на шерстяных варежках», *пошív* – «новые наряды, платья» и проч.

И одно слово *недошívтки* («недошитые вещи») обозначает незаконченность изделия, то есть, наоборот, показывает отсутствие результата.

Материал

То, из чего шьют одежду, обувь, называется по самому материалу. Например, если шьют платье из шелка, то и материалом соответственно будет шелк. Для носителя современного русского языка это совершенно естественно, но в истории русского языка мы сталкиваемся с таким словом, как *шэвня* («два полотна меховых, на шубу, или нужное на это число шкурок» Даль). В этом случае ясно, что материал, а именно мех, назван не *мехом*, а производным словом от того действия, которое будет производиться над этим материалом.

Так, все дериваты (приставочные и бесприставочные) следуют этой модели, например: *вшívка* – «вшитый во что-нибудь кусок ткани», *нашвы* – «передние части сапог (обычно пришитые головки)», *нашívка* – «лента, тесьма, полоска ткани и т.п., нашиваемая на сарафан на уровне колена», *обшívка* – «то, чем обшивают что-либо; кайма, оторочка» и проч.

Следует подчеркнуть неразрывную связь групп «материал» и «результат»: в обеих группах можно говорить о высокой степени детализированности значений, а также соотнесенность с самим действием.

Каждое действие, несущее дополнительный смысл или новое, более конкретизированное значение, имеет не только свое особое название, но и своего субъекта, свой результат и материал, а это говорит о том, что процесс шитья становится общественным производством: происходит разделение труда и соответственно возникает необходимость в конкретизации, уточнении ранее созданных номинаций.

Вместе с тем видно, что у проанализированных производных отсутствуют категории скорости, тяжести/легкости, престижности выполняемого действия. Можно предположить, что эти аспекты не имели существенного значения, и при номинировании они не входили в лексическое значение слов.

Эти компоненты релевантны для всех данных в целом: и для диалектных данных, и для древнерусского языка. Однако в современном литературном языке картина другая. Как мы видим, в нем

представлены только следующие категории: само действие, его результат и субъект действия.

Языковая ситуация нестабильна и изменчива. Словарный состав группы производных в современном литературном языке значительно уже, чем он представлен в исторических словарях и диалектах. Это вызвано экстралингвистическими причинами. Отсюда следует, что изменилась сама ситуация шитья: индивидуальный ручной труд заменился машинным, механизированным производством, отношения между производителем и потребителем потеряли ценность, теперь это рыночные отношения между продавцом и покупателем.

Литература

Варбот Ж.Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии // XIV Международный съезд славистов. Славянское языкознание. – М., 2008.

Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М., 2008.

Фасмер М. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Том 1–4. – М., 1964–1973.

© Соломеина Д.С., 2010

А.А. Соснина
Екатеринбург

Русская языковая картина мира: ключевая идея общности

Ключевые слова: языковая картина мира, ключевая идея, «наивный» взгляд на мир.

Идея о *языковой картине мира* (далее ЯКМ) впервые появляется в работах Вильгельма фон Гумбольдта, который обратил внимание на национальное содержание языка и мышления, заметив, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт 1985: 324], каждый отдельный языковой коллектив, таким образом, обладает определенным национальным характером и сознанием.

В 1929 году немецкий ученый Лео Вайсгербер в своей монографии «Родной язык и формирование духа» ввел термин «языковая картина мира» (нем. *Weltbild der Sprache*). Вайсгербер полагал, что ЯКМ – это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка [Вайсгербер 1993].

В то же время американцы Бенджамин Уорф и Эдвард Сепир в рамках своей гипотезы лингвистической относительности рассматривали языковую картину мира как отражение массового, «народного» сознания, через которое мы должны пропускать наши впечатления от внешнего мира, чтобы их упорядочить.

В отечественном языкознании разработкой понятия ЯКМ занимались такие ученые как Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, О.А. Корнилов и др. Так в частности Ю.Д. Апресян полагает, что ЯКМ «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995: 39]. Е.С. Яковлева в свою очередь понимает ЯКМ как «мировидение через призму языка» [Яковлева 1994: 73].

Языковая картина мира, как отмечает Г.В. Колшанский, базируется на особенностях социального и трудового опыта каждого народа. В конечном счете, эти особенности находят свое выражение в различиях лексической и грамматической номинации явлений и процессов, в сочетаемости тех или иных значений, в этимологии (выбор первоначального признака при номинации и образовании значения слова) и т.д. В языке «закрепляется все разнообразие творческой познавательной деятельности человека (социальной и индивидуальной)», которая заключается в том, что «он в соответствии с необозримым количеством условий, являющихся стимулом в его направленном познании, каждый раз выбирает и закрепляет одно из бесчисленных свойств предметов и явлений и их связей. Именно этот человеческий фактор наглядно просматривается во всех языковых образованиях как в норме, так и в его отклонениях и индивидуальных стилях» [Колшанский 1990: 33].

Реконструкция ЯКМ составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Исследование ЯКМ ведется в двух направлениях, в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия: 1) производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному»; 2) исследуются отдельные характерные для данного языка ключевые идеи.

Термин *ключевая идея* широко используется в работах А.Д. Шмелева, И.Б. Левонтиной, Анны А. Зализняк. Так, в частности, Шмелев [Шмелев 2002] рассматривает ключевые идеи как конфигурации смыслов (мотивы), которые повторяются в качестве фоновых в целом ряде языковых единиц. Исследователь уточняет при этом, что конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, и у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. При сопоставлении же разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма значительные. «Особенно показательны, — пишет Шмелев, — нетривиальные семантические конфигурации, достаточно частотные в бытовом дискурсе (возможно, повторяющиеся в значении ряда слов). Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собой разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание. Так, часто цитируемая строка Тютчева *Умом Россию не понять* свидетельствует не столько о том, что в самооценке русских Россия является страной, которую трудно постичь, пользуясь лишь средствами рационального понимания, сколько о том, что для русской языковой картины мира инструментом понимания является именно ум, а не сердце, как для древнееврейской или арамейской картины мира» [Шмелев 2002: 297].

Идея общности людей прослеживается в русском языке на нескольких языковых уровнях. На *уровне словообразования* эту идею особенно ярко проявляет имя существительное. Так, например, для образования существительного со значением «группа однородных лиц», мотивированного существительным, используются суффиксы: *-|j|-* (*офицер* — *офицерье*, *баба* — *бабье*, *старик* —

старичьё, жулик – жульё – все просторечные), -н- (ребенок – ребята, малыи – малышня, солдат – солдатня, шофер – шоферня), -и|ј|/-ери|ј|- (аристократ – аристократия, пионер – пионерия, инженер – инженерия), -в- (брат – братва, татары – татарва), -ат- (пролетарий – пролетариат), -итет- (генерал – генералитет); Существительные с тем же значением совокупности лиц могут образовываться также и от прилагательных с помощью суффиксов -ость (юный – юность «молодые люди»), -от -/-ет- (бедный – беднота), -ств-/-оств-/-инств- (студенческий – студенчество). Существительные с префиксом со- образуют слова со значением «предмет, объединенный совместностью, взаимной связью с другим таким же предметом, названным мотивирующим словом» (со-автор, совладелец).

На **морфологическом уровне** идея общности показательна при словоизменении глагола и существительного. Так у глагола идею общности выражают, в частности, *формы совместного действия* – формы повелительного наклонения множественного числа; обозначаемое ими побуждение всегда относится к двум или более лицам: к собеседнику (либо собеседникам, группе лиц, включающих собеседника) и к самому говорящему. Значение повелительного наклонения у этих форм выражается при помощи постфикса *-те (пойдемте, давайте петь)*. В морфологии существительного идея общности выражается в ограничении изменения существительного по числам: лексемы, называющие коллективы, общности являются существительными *Sg. tantum*, что грамматически подчеркивает идею неразрывного единства.

На **лексическом уровне** идея общности людей проявляется в многообразии способов лексического воплощения идеи.

1. Обозначения самого сообщества (*коллектив, группа, комиссия, труппа, банда, юношество, кафедра, жульё*).

2. Наречия со значением совместности (*вместе, сообща, вкупе, вскладчину*).

3. Слова, называющие коллективную собственность (*достояние*, в диалектах – *община*, как коллективное земельное владение, *общаг* – в жаргоне).

4. Обозначения совместных действий и мероприятий (*вечеринка, посиделки, поминки, тризна, конференция, демонстрация*).

5. Места, предназначенные для коллективных действий (зал, конференц-зал и т.п.).

Идея общности людей зафиксирована также в *русских пословицах и поговорках*, вот только некоторые из них: *В гурте и каша лучше естся. В тесноте, да не в обиде. Доброе братство дороже всякого богатства. Живем тесно, а дело-то у нас местно. Кто не с нами, тот против нас. Недаром говорится, что нужда коллектива боится* [Берсеньева: 2005].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в русском языке содержится множество лексем с семантикой общности, которые довольно частотны в нашей речи; мы так же можем образовывать с помощью различных специальных средств новые слова с тем же значением; в русском фольклоре ко всему прочему содержится множество пословиц и поговорок, поддерживающих идею общности. Рассматриваемая идея имеет различные формы воплощения и маркирована на нескольких языковых уровнях. Выявленные факты позволяют утверждать, что мотив человеческой общности является ключевой идеей русской языковой картины мира.

Литература

- Берсеньева К.Г. Русские пословицы и поговорки. – М., 2005.
Вайсгербер Й.Л. Язык и философия// Вопросы языкознания, 1993. – № 2.
Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры. – М., 1985.
Колианский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М., 2002.
Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира// Вопросы языкознания. – 1994. – № 5.

© Соснина А.А., 2010

А.И. Сюмакова
Ставрополь

Гипертекст как основа электронных печатных СМИ

Ключевые слова: сеть «Интернет», гипертекст, прецедентный текст, сетевые издания.

Последние два десятилетия были отмечены тем, что письменный текст, представленный на экране компьютерного монитора, – так называемый «электронный текст» – стал общедоступным и повсеместно распространенным благодаря развитию всемирной сети Интернет. Одна из основных стратегий реализации письменного текста в Интернете получила название гипертекст. Р.К. Потапова в работе «Новые информационные технологии и лингвистика» определяет гипертекст как «соединение смысловой структуры, структур внутренних связей некоего содержания и технической среды, технических средств, дающих человеку возможность осваивать структуру смысловых связей, осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами» [Потапова 2004: 149].

История сети Интернет – это одновременно и история электронного гипертекста. Итогом стало превращение гипертекста из технологии в новую форму порождения и восприятия письменного текста. В электронных печатных СМИ существенно меняется структура и содержание текста статьи, по-иному смотрится фигура автора, уменьшается статусная дистанция между автором и читателем, переставляется акцент с продукта на процесс творчества. Записи на страницах газет постоянно расширяются за счет добавления автором новой информации и комментариев к ней пользователей, которые дополняют основной текст своими замечаниями, часто видоизменяя взгляд на тему сообщения. В процессе такого речевого взаимодействия авторы и комментаторы отвечают на запросы, комментируют статьи, вводят графические элементы, гиперссылки, превращая, тем самым, электронные печатные СМИ в открытый текст.

Система гиперссылок, с одной стороны, расширяет границы статьи, превращая ее в ветвящуюся систему, а, с другой – «формирует внутренние подструктуры, имеющие вертикальное направление» [Штайн 1998: 11]. В гипертексте электронных СМИ система переходов между фрагментами определяется их естественными смысловыми связями или авторскими ассоциа-

циями, которые устанавливаются в процессе написания материала. Для более сильного воздействия текста на читателя автор стремится подбирать слова, которые не только понимаются, но и эмоционально переживаются. Различие слов лежит не в собственно семантике, а в установившемся отношении к ним говорящих. При использовании преимущественно нейтральных лексических единиц эффективность воздействия текста снижается. Активное использование гипертекста и гиперссылок в изданиях сетевых СМИ способствует нарушению текстового единства, что отражается в его формальных и содержательных характеристиках. Фрагментарность визуального единства статей обусловлена дискретностью структуры, синтаксическим членением, многочисленными графическими средствами такими, как рисунки, графические символы, фотографии, гиперссылки и цитаты.

Пользователи могут обращаться к электронным СМИ для получения газет по электронной почте, обсуждения проблем по определенной тематике на форумах, презентации собственных проектов-комментариев. Нарушение единства содержания обусловлено пестротой тематики, множеством рекламной информации, наличием видеосюжетов и многого другого. Например, в сетевой газете «Аргументы и факты» после статей на главной странице существует раздел «А вы что думаете?», где авторами выступают одновременно создатели сайта (так как обязательно редактируется любой форум во избежание некорректных высказываний) и читатели, в совокупности формирующие полиавторское произведение. При этом центральной фигурой становится не автор, а читатель, что позволяет сравнить данную рубрику с «текстом-письмом», определяемым Р. Бартом как текст, в котором происходит разрушение фигуры автора. Текст создается как отклик на поднятый в той или иной статье вопрос и читается таким образом, что автор на всех его уровнях устраняется. Таким образом, текст представляет собой «многомерное пространство», где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни одно из которых не является главным. Данная множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, а читатель, выступающий равноправным создателем текста [Барт 2001: 390–391].

Только что опубликованный материал становится доступным к обсуждению аудиторией, мнения высказываются различные: от лаконичных, морально-оценочных, до профессиональных аргументированных опровержений, автор имеет возможность подключиться к дискуссии, а также на ее основе может сделать новый материал. В связи с активным распространением сетевых блогов и форумов среди пользователей Интернета одной из последних тенденций современных сетевых СМИ является обсуждение, которому начинают уделять большее внимание, чем самому материалу, который становится лишь поводом для активизации общества. Зачастую данная стратегия ведет к тому, что излишний акцент делается на провокационности материала, его спорности и тому, как он выделяется на фоне других материалов той же тематики, так как мобильность и доступность информации в Интернете ведут к обострению конкуренции между изданиями и авторами.

Прецедентный текст, построенный на аллюзиях и реминисценциях – яркий пример гипертекста. Он содержит отсылки к каким-либо событиям, о которых читатель уже слышал или видел их, т.е. связывает несколько слоев информации: новый и уже известный читателю.

Гиперссылка может быть внесетевой. Например, человек читает газетную статью, посвященную проблемам взаимоотношений старшего поколения с младшим, и сталкивается с именем Базарова. Подсознательно всплывает образ нигилиста, его мировоззрение и отношение к окружающему миру. Автору не нужно пересказывать роман И.С. Тургенева, он может ограничиться несколькими словами или даже одним словом. Ту же информацию мы бы прочли в гипертексте Интернета, «кликнув» на выделенное имя Базарова. Только здесь роль Интернета играет наше подсознание, наша память. Всю эту информацию мы извлекаем из памяти так быстро, что даже не заметим этого. На имени Базарова никто не остановится, будет читать дальше, и, тем не менее, свою задачу это гипертекстовое слово выполнит. Следовательно, функции гипертекста в печатных СМИ шире, чем в Интернете. В Интернете гипертекст используется для упрощения перехода от одного текста к другому, системности хранения информации и оперативности ее получения для свобо-

ды выбора путей чтения. В электронных печатных СМИ гипертекст необходим для:

- кодирования авторской идеи;
- лаконизма изложения;
- создания динамики текста;
- усложнения семантики лексических единиц текста и всего текстового материала;
- создания иллюзии самостоятельного понимания читателем проблемного материала так, как видит его автор;
- обеспечения лучшего понимания текста за счет подкрепления нового материала уже известным.

Гипертекст – глобальное явление. В основе него лежат прочные механизмы сознания; феномен гипертекста встречается и в Интернете, и в печатных СМИ, и в литературных произведениях, и в агитационных листовках, и в рекламе, и даже на телевидении.

Электронные печатные СМИ обладают всеми особенностями гипертекста. Сетевые издания представляют собой совокупность ежедневных статей и комментариев к ним, которые расположены в обратной хронологической последовательности, что передает направленность автора и комментаторов на актуальное настоящее. Страницы газет являются открытыми нелинейно-организованными гипертекстами, постоянно пополняющимися новыми статьями авторов, комментариями читателей, гиперссылками, предоставляют пользователям полную свободу навигации, позволяют выбрать любую последовательность чтения. Сеть гиперссылок выступает средством саморегуляции гипертекста, объединяет на основе ассоциативно-семантической связи отдельные отрывки текстов в гипертекстовую структуру.

Литература

Барт Р. S/Z. – М., 2001.

Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика. – М., 2004.

Штайн К.Э. Децентрация языка и маргиналий в поэтическом тексте // Текст как объект многоаспектного исследования: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». – СПб.; Ставрополь, 1998. – Вып. 3. Ч. 1.

Эпштейн В.Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы. – URL: <http://www.ipu.rssi.ru/publ/epstn.htm> (дата обращения: 02.07.1998).

© Сюмакова А.И., 2010

О.Г. Хабарова
Мичуринск

К вопросу о фразеологических гнездах с опорным компонентом-фитонимом

Ключевые слова: фразеологическое гнездо, семантическая деривация, языковая картина мира.

При выборе фразеологизма для характеристики учитываются два типа знаний: знания об обозначаемом объекте – человеке или Вселенной (с их детализированным дискретным представлением) и обозначающем (оценочном предикате) – животном или растении. Для реализации системы этих знаний – биологических, стереотипных, мифологических и т.д. – говорящий выбирает слова с интенциональным и импликациональным значением, выполняющие в национальной ментальности роль символа, имеющие обобщенно-символическое значение. Семантический объем таких слов значителен, отражает историю и современное состояние «впитывает» мифологические и стереотипные образы, даже прецедентные тексты.

В массиве фитонимов считаем возможным отнести к таким словам компоненты оборотов, образующие значительные по объему фразеологические гнезда (с сериями в их составе): горох (8), бобы (5), орех (5), осина (4).

«Под фразеологическим гнездом понимаем группу фразеологических единиц, имеющих общий однокорневой компонент, при отсутствии единообразия в структурно-грамматической организации этих единиц. При наличии единообразия в структурно-грамматической организации фразеологизмов их можно приравнять к сериям» [Эмирова 1972: 74].

Контекст, охватывающий весь троп, – микрообраз в системе фразеологического гнезда, – позволяет с максимальной полнотой раскрыть значение компонентов фразеологизма, обнаружить се-

мантическую потенцию слов, вступающих в определенные отношения с другими словами, глубже проникнуть в смысл данного микрообраза, понять роль экстралингвистических и собственно языковых факторов в восприятии фразеологизма.

Они основываются на реальных (объективных) или мнимых (субъективных) качествах растений, которые приписываются им фантазией и творческим мышлением народа. Фитонимы определяются как метафорические экспрессивы с диффузной семантикой, то есть они представляют языковые-речевые единицы с двойной корреляцией: они связывают сферы «Вселенная» (как функцию по происхождению) и «человек» (как функциональные средства создания характеристики). Фитонимы характеризуют человека через коннотативные значения, обеспечивающие слову вторичную номинацию.

Чем больше фразеологизмов – членов одного гнезда – тем значительнее семантическая деривация фитонима (опорный компонент), тем сильнее он «заряжается образностью», тем больше сем содержится в его импликационале и тем выше экспрессивные возможности этого слова, обеспеченные системой его коннотаций. То есть именно во фразеологическом гнезде формируется мощное ассоциативное поле слова, его метафорическое богатство, обусловленное употреблением в устойчивом, воспроизводимом обороте. Богатство это создается тем, что каждый вид переноса мотивирован различными признаками.

Продуктивность фразеологического гнезда с опорным компонентом-фитонимом осина невысока, однако экспрессивность, степень семантической транспозиции слова возрастают, как и стилистическая разноплановость употребления (см. схему 1).

Семы «страх», «опасность», «боязнь» мотивированы ассоциациями на основе биологических признаков, реализуют сильные отрицательные эмоции, обусловленные ситуативно.

Схема 1

Дрожать как осиновый лист – «очень сильно (дрожать; чаще от страха)» – в основу значения лег такой биологический признак, как «анатомическое строение черешка (сплюснутый в верхней части) и особенности его соединения с листовой пластиной (подвижно соединены с листовой пластиной), и лист постоянно колеблется – дрожит даже при едва уловимом движении воздуха» [Гордеева 1986: 150].

Семы «глупость», «упрямство» не имеют прямых ассоциаций. Единственный мотив – наиболее позднее сбрасывание листьев этими деревьями. Компонент «осиновое кол», повторяющийся во фразеологизме *вбить осиновое кол в могилу* – «окончательно избавиться от кого-л. или чего-л., расправиться, уничтожить», имеет следующее метафорическое содержание: осина в язычестве имела благое значение как дерево, исполненное избытка жизни; листья ее всегда дрожат, колеблются, разговаривают между собой. Оттого это дерево считалось особенно спасительным против всякой нечистой силы. По народному поверью, вампиров (полуживых) надо проткнуть, чтобы окончательно убить, осиновым колом.

Экспрессивная характеристика коммуникативных способностей человека, реализуемая метафорической семантикой *на языке родных осин* не кодирует, на наш взгляд, сему «простота, доступность речи», а домысливает, фантазирует по поводу содержания используемого знака, возможно, по аналогии со стереотипным образом «родные березы» и т.д. Однако семантические границы имени при этом раздвигаются, расширяется его употребление в характеризующих позициях, усиливается «оценочный ореол» номинации. В процессе функционирования фра-

зеологизмов в речи происходит как бы возрождение внутренней формы слова (на основе преданий), а также реализуются знания о биологических признаках растения.

Во фразеологическом гнезде с опорным словом горох (см. схему 2) развивается ассоциативный потенциал и образность этого нейтрального по лексической природе слова – «растение из семейства бобовых, а также его круглые семена, зерна». Данный фитоним «обрастает» негативными оценочными и эмоциональными коннотациями в процессе идиоμοобразования (8 членов гнезда). Они обусловлены ассоциативным восприятием его биологических признаков – формы в ситуации действия – как об стенку горох – сема «безрезультатность»; цвета, связанного с исторической ситуацией (цвет одежды сыщиков в царское время) – гороховое пальто, неприхотливости – как горох при дороге – сема «бедность», «безродность».

Негативные оценочные характеристики человека, основанные на семах «пустота», «глупость», «недалекость», «поясничать», «дурачиться», привнесены в русский язык обычаями других народов во фразеологической серии чучело гороховое, шут гороховый, разыгрывать шута горохового, пугало гороховое: у поляков, украинцев и немцев ходили ряженные парни, с головы до пояса обмотанные гороховой соломой. Несомненно, негативный заряд этих фразеологизмов обеспечивает оценочная лексика «чучело», «пугало», «шут».

- высшая степень («сгусток») обобщенности;
- ассоциативная емкость и мощность: «пучок ассоциаций» (В.В. Виноградов);
- символическая образность или ее отзвук;
- оценочно-характеризующая и эмоциональная насыщенность, социально-историческая актуальность.

Гордеева Т.Н. практический курс систематики растений. – М., 1986.

140

Эмирова А.М. некоторые актуальные вопросы современной фразеологии (опыт семантического анализа фразеологических единиц). – Самарканд, 1972.

© Хабарова О.Г., 2010

А.С. Харатьян
Ставрополь

Основные черты идиостиля А.А. Галича

Ключевые слова: идиостиль, анализ поэтического текста, синкретизм, феномен первого произведения.

Осознание собственного стиля связано у А.А. Галича с «первой» песней «Леночка», созданной в 1962 году. По словам самого автора, эта песня стала началом творческого и жизненного пути: «...Чтобы развлечь Юрия Павловича Германа, я... в купе скорого поезда «Красная стрела» начал сочинять песню... я писал ее всю ночь... это была первая песня – «Леночка». С этой песни, собственно, и начался мой жизненный путь» [Галич 1999: 18].

Основные черты идиостиля автора, прогнозируемые данной песней, заключаются:

1) в социально-сатирической, пародийной направленности творчества:

как отмечает А.В. Кулагин, пародируемым источником этой песни стала песня В. Лифшица «Танечка» к кинофильму «Карнавальная ночь» [Кухаренко 1988: 89]. В песне «Леночка» пародируется стиль изложения, тематика, заимствуется структура, метрика поэтического текста «Танечки», а также музыкальный текст;

2) в выборе героев произведений – с одной стороны, «людей из низовых сословий», с другой – из высших эшелонов власти;

3) в балладной структуре песни с многочисленными повторами слов и целых строк, свойственных фольклорным произведениям:

*Апрельской ночью Леночка
Стояла на посту.
Красоточка-шатеночка
Стояла на посту.
Прекрасная и гордая,
Заметна за версту,*

У выезда из города

Стояла на посту.

А.А. Галич. Леночка. 1961

4) в языковых особенностях песни: лексический состав произведения, его грамматика максимально приближены к повседневной речи, что проявляется в частотности: междометий, лексем с уменьшительно-ласкательными суффиксами, восклицательных предложений («Шоферюги»; «Леночка»; «Ревут сирены зычные, // Прохожий – ни-ни-ни!..»; «Машины, чай, не в шашечку, // Колеса — вжик да вжик!..»; «– Пожалте, Л. Потапова, // В ЦК КПСС!..»; «Воскликнул: – Вот так здравствуйте!)). К.И. Чуковский относил А.А. Галича к последователям «гневной музыки Некрасова»: «С каким изяществом строит поэт свои баллады – так, что и мастерства никакого не видать. Сильные, фольклорные, классические по своей строгой конструкции стихи. Как прекрасно знает поэт своих героев – людей из низовых слоев – и с какой естественностью перевоплощается в них! Напрасно его творчество связывают с какими-то новейшими течениями западной поэзии – его истоки отечественные, русские, некрасовские» [Галич 2000: 167].

В идиостиле А.А. Галича «свой голос» подразумевает прежде всего «голос гражданский»: «...всем нам... слишком долго вращались хорошо поставленными голосами. Пришла пора говорить правду. И если у тебя нету певческого голоса, то, может быть, есть человеческий, гражданский голос. И, может быть, это иногда важнее, чем обладать бельканто» [Галич 1999: 4].

Песенная поэзия А.А. Галича синкретична, поэтому можно говорить о:

1) синтезе поэзии и живописи: «Очень странное сочинение, оно было задумано под влиянием двух совершенно противоположенных и даже соперничающих друг с другом искусств – поэзии и живописи, оно – такое мандельштамовско-шагаловское сочинение...» (о песне «Воспоминания об Одессе», 1973—1974) [Галич 1999: 473];

2) синтезе прозы и песни, например, в «эпическом» цикле песен о Климе Петровиче Коломийцеве, все события которого формируются вокруг одного героя или «его родственников, но его части написаны в разное время»;

3) синтезе поэзии и песенного жанра: «...мои песни – не совсем песни, больше мимикрируют под песни, с некоторых пор меня заинтересовало сочинение таких композиций, в которых сочетается попевка с чистыми стихами» (о сочинении «Кадишь», 1970) [Галич 1999: 467];

4) синтезе сразу трех видов искусства – поэзии, прозы, песни: «...это вот из тех сочинений, которые я давно стал практиковать – еще до Беллы: сочетание стихов, прозы и песни, и очень этим интересуюсь и пытаюсь как можно больше расширять» (о «Размышлениях о бегунах на длинные дистанции», 1968–1969) [Галич 1999: 428];

5) синтезе драмы и песни: «...мои песни – это, как правило, все-таки маленькие истории. Это одноактные, если хотите, драмы. Вот, скажем, «Песня о кассирше». В общем, это кинофильм. «Баллада о прибавочной стоимости» – это сатирическая комедия» [Галич 1999: 213].

Такой синкретизм, по А.А. Галичу, объясняется технической задачей – «определить границы, возможности словесной нагрузки в ткани произведения» [Галич 1999: 213].

На уровне структуры стиха идет поиск «новых форм». А.А. Галич часто говорит о том, что при написании определенного произведения его как литератора интересовала «чисто техническая задача». Вот несколько примеров таких опытов.

1. Поиск чистых рифм: «...сейчас уже трудно открыть новые рифмы, все поэтому перешли на корневые ассонансные, а чистую рифму новую открыть почти невозможно.

Мне кажется, что я вот здесь, в этой песне, открыл новую чистую рифму» [Галич 1999: 440]:

*И мы баюкаем внучат
И ходим на собрания,
И голоса у нас звучат
Все чище и сопраннее!*

А.А. Галич. Век нынешний и век минувший. 1968–1970.

2. Опыт сочинения пеона. В метакомментарии к «Песне о телефонах» А.А. Галич характеризует себя, в первую очередь, как исследователя, решающего сложные поэтические задачи: «...песенку, которая сначала возникла как идея сочинения пеона – просто техническая задача. Потом стала песенкой... Написал я ее

почти как упражнение, потому что даже в словаре поэтических терминов сказано, что эта поэтическая стопа – пеон четвертый – встречается в русской поэзии чрезвычайно редко... а у меня тут – и третий, и четвертый одновременно» [Галич 1999: 457]:

*Вьюга листья на крыльцо намела,
Глупый ворон прилетел под окно...*

А.А. Галич. Песня о телефонах. 1972

3. Опыт сочинения «Песни про велосипед» (1970) рифмованным верлибром: «...техническая забавность для самого себя: просто мне хотелось написать песню свободным рифмованным стихом. Свободным и рифмованным. Верлибром, но рифмованным, и не раешником» [Галич 1999: 461].

Система преобразований касается и поэтического языка. А.А. Галич использует в своих стилизациях «грубый уличный жаргон», «недостаточно парламентские выражения», «неприличные слова», «цензурные выражения», поскольку лирический герой «иначе не может выражаться» [Галич 1999: 213].

В идиостиле А.А. Галича слово является категорией онтологической – «определяющей бытие или не-бытие» [Архипочкина 2001: 66]. Слово, по А.А. Галичу, должно быть «очень простым» и в то же время действенным, поскольку именно слово «может противостоять разрушению культуры» [Семенюк 2003: 110]. Антислову и слову «профанного языка московских кухонь» автор противопоставляет словодействие – «живой язык сакрального и действенного слова, первозданного в своей правдивости и силе, который А.А. Галич считает единственным спасением для личной и общей чести» [Галич 1999: 150].

В статье «О жестокости и доброте искусства» А.А. Галич пишет: «... поэзия ... существует как крик о помощи. Вот если этого нету, крика о помощи – к людям, к любимой, к милым, к Богу – понимаете, она не существует» [Галич 1999: 441].

В одном из последних стихотворений А.А. Галич формулирует свое понимание сущности искусства и его необходимости:

*Хоть иногда – подумай о других!
Для всех, равно должно явиться слово.
...Не в силах стать оружием — стань орудьем.
Но докричись хоть до чего-нибудь,
Хоть что-нибудь оставь на память людям!*

А.А. Галич. Хоть иногда – подумай о других!.. 1974

В галичевском идиостиле гражданскую позицию автора призваны отражать такие суперсегментные единицы языка, как ударение:

*Будь для слова, как одобрение,
Будь рудою, из слова добытой,
Чтоб Свобода не стала Свободой!*

А.А. Галич. О пользе ударений. 1968

Бытие слова, по А.А. Галичу, вечно: «...Но слово останется – слово осталось» (Возвращение на Итаку. 1969).

Рассмотренные особенности, характеризующие первую песню А. Галича, прослеживаются в дальнейшем его творчестве, подтверждая положение о феномене первого произведения.

Литература

Архипочкина О.О. Из комментария к песне Галича «Псалом» // Галич: проблемы поэтики и текстологии. – М., 2001.

Галич А.А. Дни бегут, как часы. – М., 2000.

Галич А.А. Сочинения: В 2-х т. – М., 1999.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.

Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. – М., 2003.

Воронина Т.Н. Языковые средства выражения фактуры (на материале поэтических текстов М.И. Цветаевой): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2000.

Кофанова В.А. Языковые особенности геопэтики авторской песни (на материале текстов произведений Б.Ш. Окуджавы, А.А. Галича, А.М. Городницкого, Ю.И. Визбора): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2005.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М., 1988.

Семенюк О.А. Авторская песня и русский язык периода 60–80-х годов XX века // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века: материалы третьей междунар. науч. конф. — М., 2003.

Три века русской метапоэтики. Антология: В 4-х т. — Ставрополь, 2002.

Штайн К.Э. Метапоэтика А.С. Пушкина // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4-х т. – Ставрополь, 2002.

© Харатьян А.С., 2010

**Ху Сяосюэ
Пермь**

**Концепт «успешная женщина» и его семантические
компоненты (на материале русского и китайского языков)**

Ключевые слова: сопоставительный подход, концепт, концептуальная картина мира.

Как известно, понятие концепта многомерно. Обычно концепт понимают как некий смысловой центр, представляющий собой одновременно и культурный и языковой феномен. Концепт возникает не из значения того или иного слова, а является результатом «столкновения» лексической семантики с личным и народным опытом человека.

Важно, что языковой способ концептуализации действительности имеет национальную специфику, поэтому один и тот же концепт в разных языках может иметь разное содержание. Сложное переплетение культурных, социальных и психологических (в том числе гендерных) аспектов, которое происходит в концепте, представляет интерес не только для философов, социологов или психологов, но и для лингвистов. Русская и китайская языковые культуры имеют каждая свои специфические черты и определенную общность, поэтому исследование национальной концептосферы является одним из способов выяснить уникальность и универсальность данной культуры.

Изучение языковой реализации одного и того же концепта в разных картинах мира, кроме того, вносит определенный вклад в дальнейшее развитие когнитивного направления в лингвистике, лингвоконцептологии и культурологии; позволяет использовать его результаты при системном изучении других концептуальных единиц.

Областью локализации концепта является сознание человека. Будучи фрагментом его жизненного опыта, концепт объективирует

в языке результаты его мыслительной и социально-бытовой деятельности. При этом создающееся в языке то или иное значение не возникает и не существует в изолированном виде, отдельно от других значений. Всякое значение или понятие связано с другими значениями и понятиями, входит в структурно-семантическую систему национального языка, отражающего не только образ мысли и чувств, но и – в широком смысле – образ жизни.

Известно, что совокупность концептов образует концептосферу. Термин «концептосфера» принадлежит Д.С.Лихачеву [Лихачев 1997]. *Концептосфера* – это структурированное мыслительное пространство, представляющее собой совокупность знаний людей, их образных представлений об окружающей действительности [см. об этом также: Стернин 1998, Степанов 2004, Воркачев 2005, Карасик 2007 и др.]. Понятие концептосферы теснейшим образом соотносится с понятием *концептуальной картина мира*, или *концептуальной системы*.

Концептуальная картина мира представляет собой систему концептов, отражающую в широком смысле культурные (т.е. включающую психические, духовные, исторические и социально-бытовые) условия жизни человека, целой нации. Эта картина мира – свидетельство фактической «переработки информации о среде и человеке» [Маслова, 2004: 64], инструментом которой и выступает язык. Процесс языковой концептуализации, по мнению Л.А. Исаевой и С.Г. Дрыги, связан с вербализованным оформлением, структуриацией «накапливаемых человеческого сознанием и мышлением смыслов, образов, ассоциаций, представлений, идей» [Исаева, Дрыга, 2009: 16].

Хотя явление концепта изучается в лингвистике очень активно и по этой проблеме накоплен довольно большой объем литературы, само понятие *концепт* остается неоднозначным и разными исследователями понимается не всегда одинаково. Вместе с тем практически все ученые сходятся на признании общих признаков *концепта*: 1) абстрактность, 2) когнитивность (ментальность), 3) факультативность вербализации, 4) национально-культурная маркированность, 5) структурированность.

Не углубляясь далее в сложную теоретическую проблему интерпретации концепта, определим наше понимание этого явления.

Концепт – это сложное ментальное образование высокой степени абстрактности, дающее представление о фрагменте мира, обладающее ценностными характеристиками для конкретной языковой личности и коллективного сознания в целом, т.е. отмеченное национальной (этнокультурной) спецификой. Концепты в сжатом (сокращенном) виде отражают в языковых единицах особенности жизни, мышления, чувств и представлений человека об окружающем его мире. Иными словами, концепт – явление *многомерное, разноаспектное*, уходящее «корнями» в когнитивную область человеческой деятельности.

Знаковым воплощением концепта, отражающим его содержание, выступает слово. По мнению С.Г. Воркачева, «внимание к языковому, знаковому “телу” концепта отличает его лингвокультурологическое понимание от всех прочих: через свое “имя”, совпадающее, как правило, с доминантой соответствующего синонимического ряда, лингвоконцепт включается в лексическую систему конкретного естественного языка» [Воркачев 2007: 13-14].

Ю.С. Степанов, определяя концепт как сложноструктурированное (трехслойное), относимое к фактам культуры понятие, выделяет три типа концептов: 1) рамочные понятия (рамка в виде содержания концепта накладывается на общественные явления, общество, социальную группу, делая концепт культурно-значимым); 2) «понятия с плотным ядром» – концепты, имеющие «идеальное содержание», подходящие «к разным социальным слоям или личным явлениям»; 3) концепты о человеке как субъекте, олицетворяющем собой реальность», «привязанность» к конкретной исторической эпохе [Степанов 2007: 72-78]. Таким образом, классификация концептов Ю.С. Степанова базируется на внутренней форме концептов и особенностях их происхождения.

Мы считаем, что многомерность рассматриваемого понятия приводит к тому, что при анализе конкретного концепта чаще всего сложно (иногда и невозможно) однозначно разделить, «разложить по полочкам» все три указанные разновидности. Именно мы понимаем содержание и значение концепта *успешная женщина*: 1) это и рамочное понятие, поскольку является сегодня культурно и социально значимым явлением; 2) это и понятие «с плотным ядром», так как концентрирует в себе смыслы,

однозначно понимаемые большинством людей и применяемые к характеристике представителей разных социальных групп; 3) это и конкретно-историческое понятие, характеризующее представления современников об идеальной женщине. Иначе говоря, сложность и многомерность анализируемого понятия позволяет объединить все три разновидности в одном представлении о концепте.

Рассмотрим семантические составляющие концепта *успешная женщина*, выявленные нами в русской и китайской картинах мира на материале статей глянцевого журналов.

Как свидетельствуют наши наблюдения, в современном русском и китайском языках концепт *успешная женщина* имеет разное содержание и, соответственно, разные способы репрезентации. Так, тексты русских глянцевого журналов отражают следующие закрепившиеся в русской языковой картине мира представления об успешной женщине: это женщина уверенная, решительная, целеустремленная, принципиальная, реализовавшая себя на 100%, умная, обеспеченная, обладающая хорошими манерами, хорошим вкусом и образованием, хорошим здоровьем, а также умеющая хорошо говорить.

При этом центральное место в рассматриваемом концепте, с точки зрения русского сознания, занимает сема «успешна в семье», (для русских семейное счастье – чрезвычайно важный атрибут), на втором месте стоит сема «внутренне довольна собой», далее располагаются семы «умение ставить цели и добиваться результата», «полная самореализация», «внешняя привлекательность» (успешная женщина следит за внешностью, ухоженная), «обладание энергетикой» и «авторитетность»; иногда отмечается, что успешная женщина обладает особым чувством времени и такта.

В прессе обычно выделяются следующие образы успешных женщин:

1) «жена и мать»; 2) «деловая женщина, женщина-профессионал»; 3) «счастливая женщина»; 4) «красивая женщина, женщина-модель».

Интересно, что тиражирование второго образа (деловая женщина) происходит опосредованно, через биографические материалы и интервью с известными мужчинами, субъектами референции. В текстах эти персонажи обозначаются такими терми-

нами, как «героиня номера», «наша гостья» и пр. Необходимо отметить, что в большинстве случаев, профессиональная деятельность женщин относится к так называемому «женскому бизнесу» (успешная служба в должности секретаря или менеджера, модельное агентство, салон красоты, бутик и т.п.). Важно, кстати, что если удачная карьера не подкреплена первым образом (жена и мать), то в русском сознании такая женщина уже не соотносится с представлением об успешности. Не случайно в России успешной могут считать женщину и не работающую, т.е. домохозяйку, занимающуюся воспитанием детей и налаживанием семейного быта.

В китайском же мировосприятии представление об успешной женщине связано с несколько иными качествами. Так, традиционно успешность приписывается женщинам, подобным **У Цзтянь** – первой и единственной женщине, единолично правившей Китаем. Это *героиня, сильная духом* женщина, занимающаяся серьезным делом (деловая женщина). Про таких в Китае говорят: *ню чжун хао де* (героиня среди женщин); *дин гуо бу жан сюй мы* (женщина не хуже чем мужчина, т.е. женщина непростая, сильная).

В Китае успешная женщина успешна прежде всего в работе. Она имеет четко выстроенную систему ценностей и приоритетов. Она всегда четко понимает, что для нее важно и как достичь своих целей. Четко знает, чего ждать от себя и от окружающих людей, в том числе и от мужчин. Не требует от людей больше, чем они в состоянии дать.

Обобщенное восприятие обществом современных женщин в Китае включают следующие качества: независимость (выделили 59,4% опрошенных нами респондентов), сыновняя почтительность (выделили 58,2% респондентов), оптимистичность (55,8%), элегантность (54,8%), добродетельность (54,7%), нежность (52,3%), интеллектуальность (51,5%), заботливость (51,4%), красота (47,8%), трудолюбие (41,8%), талантливость (39,9%), ответственность (38%), откровенность (32,2%), сексуальность (30,0%).

Эти данные позволяют увидеть общие и различные аспекты в китайском и русском представлении об успешной женщине. К общим можно отнести уверенность в себе (ср. в китайском –

независимость и оптимистичность), внешнюю красоту, умение работать (ср. в китайском – трудолюбие, ответственность). Национальные различия в понимании того, что такое успешная женщина, определяются, с одной стороны, ценностью семьи для русских, с другой – ценностью самостоятельности и почтительности для китайцев. Отсюда возможность для китайской женщины быть успешной без мужа и детей, и невозможность этого для русской женщины.

Литература

Воркачев С.Г. От лингвоконцептологии к лингвоидеологии: поиски метода // *Vita in lingua: К юбилею профессора С.Г.Воркачева.* – Краснодар, 2007.

Исаева Л.А., Дрыга С.Г. Континуальность и дискретность художественной концептуализации // *Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы II Междунар. науч. конф.* – Краснодар, 2009.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // *Онтология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина.* – Том 1. – Волгоград, 2005.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // *Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология.* – М., 1997.

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2004.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М., 2004.

Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // *Языковое сознание: формирование и функционирование: Сборник статей.* – М., 1998.

© Ху Сяосюэ, 2010

Сведения об авторах

Ампилогова Е.С., студент 3 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Андреева А.А., студент 3 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Анциферова О.Н., старший преподаватель кафедры филологии СУНЦ Уральского государственного университета им. А.М.Горького (Екатеринбург).

Ахманаева Н.А., студент 4 курса филологического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).

Божко Е.М., ассистент кафедры перевода и переводоведения Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Быковская Л.А., студент историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института.

Вань Нин, аспирант кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета.

Ваулина И.А., соискатель кафедры общего языкознания и русского языка Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Велижанина Е.М., ассистент кафедры иностранных языков Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Гоголина Т.В., к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и русского языка Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Гурина О.В., магистрант второго года обучения кафедры общего языкознания и русского языка Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Ибраимова Е.С., магистрант первого года обучения кафедры общего языкознания и русского языка Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, учитель русского языка и литературы МОУ СОШ № 146 (Екатеринбург).

Иванова Е.Н., к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и русского языка Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Кантурова М.А., аспирант Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета.

Келарева Д.Б., преподаватель лицея «Ковчег-XXI» (Одинцово, Московская область).

Коновалова Н.И., д.ф.н., профессор кафедры общего языкознания и русского языка Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Копылова В.Е., старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Лазарева И.В., инженер I категории НПО Автоматики им. академика Н.А. Семихатова (Екатеринбург).

Мурадян Д.Г., студент 2 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Наумова Г.Б., аспирант кафедры русского языка Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Биитовой.

Пастукьян Е.В., преподаватель кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций Северо-Кавказской академии государственной службы (Ростов-на-Дону).

Соломеина Д.С., студент 3 курса филологического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).

Соснина А.А., студент 3 курса филологического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).

Сюмакова А.И., студент 5 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института.

Хабарова О.Г., к.ф.н., доцент кафедры русского языка Мичуринского государственного педагогического института.

Харатьян А.С., студент историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института.

Ху Сяосюэ, аспирант кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета.

Содержание

Ампилогова Е.С. Семантический потенциал лексики со значением «сон»/«спать» в рассказе Виктора Пелевина «СПИ».....	3
Андреева А.А., Иванова Е.Н. Специфика морфологической нормы во второй половине XVIII века (на материале писем Прокофия Демидова).....	7
Анциферова О.Н. Из наблюдений над орфографией «Журнала путешествия Н.А. Демидова».....	14
Ахманова Н.А. Роль пространственной метафоры в отображении речевой деятельности (на материале глаголов речи).....	21
Божко Е.М. Передача квазиреалий-беллумотивов в четырех переводах на русский язык романа Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец».....	26
Быковская Л.А. Особенности языковой личности Т.С. Шелухина: жанр письма в его творчестве.....	31
Вань Нин Языковые стратегии престижности в текстах автомобильной рекламы (сопоставительный аспект).....	35
Ваулина И.А. Функционирование экспрессивных синтаксических конструкций в современном газетном тексте.....	40
Велижанина Е.М. Картина видения сакрально-религиозного театра «сердце, душа, дух (<i>das herz, die seele, der geist</i>)» в притчевом дискурсе Нового Завета.....	50
Гоголина Т.В., Ибраимова Е.С. Изучение грамматических явлений методом психолингвистического эксперимента (на материале коммуниката со значением сомнительности).....	58
Гурина О.В. Адаптация Гейдельбергского теста речевого развития для учащихся 5-х классов (субтест «Образование множественного числа имён существительных»).....	70
Кантурова М.А. Речевой жанр кулинарного рецепта в текстах СМИ.....	74
Келарева Д.Б. Когнитивная основа анализа текста анекдота.....	81
Коновалова Н.И., Мурадян Д.Г. Межъязыковая интерференция в речевой деятельности билингвов.....	86

Копылова В.Е. Речевое манипулирование и речевая агрессия.....	94
Наумова Г.Б. Роль лексико-фразеологических средств в текстах комического жанра (на материале произведений В.П.Вишневского и М.Н. Задорнова).....	107
Пастукьян Е.В. Сочинительные конструкции диктематического уровня в контексте выделения функционально-семантического поля координации в английском языке.....	114
Соломеина Д.С. Ситуация шитья в зеркале дериватов глагола <i>шить</i>	121
Соснина А.А. Русская языковая картина мира: ключевая идея общности.....	128
Сюмакова А.И. Гипертекст как основа электронных печатных СМИ.....	132
Хабарова О.Г. К вопросу о фразеологических гнездах с опорным компонентом-фитонимом.....	136
Харатьян А.С. Основные черты идиостиля А.А. Галича.....	141
Ху Сяосюэ Концепт «успешная женщина» и его семантические компоненты (на материале русского и китайского языков).....	146
Сведения об авторах	152

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

LINGUISTICA JUVENIS

Выпуск 12

Семантика языковых единиц в речевой деятельности

Сборник научных трудов молодых ученых

Корректор: Т.В. Гоголина, Е.Н. Иванова

Оригинал-макет и дизайн обложки: О.Ю. Коновалова

Техническое редактирование: Е.Н. Иванова

Подписано в печать 12.11.2010 Формат 60х84 ¹/₁₆.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. 9,8. Тираж 100 экз. Заказ .....

Оригинал-макет изготовлен и отпечатан

в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.